СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

Литография Малюкова въ Москвѣ.

А. С. ПУШКИНЪ.

съ его Карандашнаго рисунка сдѣланнаго въ Крыму въ 1820 г

lib.pushkinskijdom.ru

1. Почеркъ Пушкина въ 1830 году.

Я радуюсь, я щастлив что
[illegible] стихомъ рано набросить
мысли въ Годунов можно трогуть
[illegible] сильной стихии — Нежный
Грибоедов [illegible] [illegible] мог при-
ступить къ разбору [illegible] вашей
Онъ не нужен для вашей Славы,
но [illegible] нужен для Россіи.
Обнимаю вас от сердца — Вы
[illegible] у Andrieux то и
[illegible] — [illegible]
[illegible] — Пушкин

2. Почеркъ Пушкина въ 1820 году.

Мой бой [illegible] — любо [illegible] мне
Отъ первыхъ [illegible] [illegible] братой
Любо воинъ [illegible] Славы забавы
И [illegible] смерти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Во [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] воинъ
Передъ собой [illegible] смерти [illegible]
Тотъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

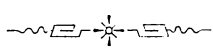
Съ приложеніемъ его портрета и факсимиле.

ИЗДАНІЕ ОСЬМОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. ЕФРЕМОВА.

ПИСЬМА 1816—1837 ГОДОВЪ.



МОСКВА.
ИЗДАНІЕ Ѳ. И. АНСКАГО.
1882.

lib.pushkinskijdom.ru

Типографія С. Орлова, близь Бородинскаго моста, въ Москвѣ.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, въ Москвѣ,
на Арбатѣ, въ домѣ Каринской.

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

I. КЪ КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

1816—1836.

1.

27 марта 1816 [Царское Село].

Князь Петръ Андреевичъ!—Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ; дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей [или ликей, только ради Бога, не лицея] не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельской домъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ...
И не во снѣ, а наяву
Свою любовницу ласкаетъ!...

Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!... Цѣлой годъ еще думать передъ каѳедрой!... Это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовской сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодаго человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова. Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ.*

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные [а иногда и очень скучные]; часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями, и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайней мѣрѣ искреннюю благодарность всего лицея.

---

* Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Д. В. Давыдову, напечатаннаго въ Амфіонѣ 1815, № 4. [Соч. кн. Вяземскаго, III, 66].

lib.pushkinskijdom.ru

Простите, князь—гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на III.[1] Обнимите Батюшкова за того больнаго, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василью Львовичу. На всякой случай обнимите и его за вѣтренаго племянника. Valeas.—Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

[Собственноручная приписка Ломоносова]:

Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher prince. Votre dévoué. S. Lomonossoff.

2.

[Изъ Петербурга. 1 сентября 1817].

Любезный князь!—Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія.—Пушкинъ.

1 sept. 1817.

[Адресъ: Ихъ высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андреевичу Асмодею.[2] Въ Москвѣ].

3.

[Изъ Петербурга. Мартъ или апрѣль 1820].

Я читалъ моему преображенскому пріятелю [Катенинъ] нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ

---

[1] Т. е. кн. Шихматова, кн. Шаховскаго и кн. Шаликова.

[2] Вотъ—Арзамасское прозвище В. Л. Пушкина. Асмодей—кн. Вяземскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испражненіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательво, чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха на счетъ его въ посланіи къ Дмитріеву—прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону—Катенинъ стоитъ чего нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что̀ ни говори, вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего; а все таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны. Первый Снѣгъ — прелесть. Уныніе — прелестнѣе.* Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта, и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет., я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ.—Пушкинъ.

---

* Напечатано въ 12-й еженедѣльной книжкѣ Сына Отечества 1820 г. [16 марта]. Ниже говорится объ окончаніи «Руслана и Людмилы».

lib.pushkinskijdom.ru

4.

[Изъ Кишинева. 2 января 1822].

Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди[1] берется доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и [вѣрная порука за честь и умъ] нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за всѣ вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихаго хлыста, а не сатирической твоей палицы.[2] Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе. Жуковской меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди. Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ

---

[1] Иванъ Петровичъ, котораго любопытныя воспоминанія о Пушкинѣ были помѣщены въ Р. Архивѣ 1866 г.

[2] Можетъ быть въ это же время начато было и посланіе «Къ князю П. А. Вяземскому», сохранившееся въ небольшомъ отрывкѣ въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

lib.pushkinskijdom.ru

и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастія дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха? Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу, буду отвѣчать.—Пушкинъ.

2 января 1822.

Пишу тебѣ у Рейна.[1] Все тотъ же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучемъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя, а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

5.

[Изъ Кишинева. 5 апрѣля 1823]

Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомлю тебя съ героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Правда ли, что̀ говорятъ о Катенинѣ?[2] Мнѣ никто ни-

---

[1] Арзамасское прозвище М. Ѳ. Орлова. Онъ тогда имѣлъ въ Кишиневѣ сургучную фабрику.

[2] П. А. Катенинъ былъ въ 1821 г. высланъ гр. Милорадовичемъ изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ Семеновой.

lib.pushkinskijdom.ru

чего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня.

Охотниковъ пріѣхалъ?* Привезъ ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чадаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ: но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря [Страстнаго, что ли?]. Жива ли она, гдѣ она; если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ ли, или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь ли, минуло ли 15 лѣтъ генералу Орлову? или нѣтъ еще.—А. П.

5 апрѣля.

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

[Адресъ: Его сіятельству кн. Петру Андреевичу Вяземскому въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ].

6.

[Изъ Одессы. 19 августа 1823]

Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Плѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде. Я обѣщалъ ему предисловія, но отъ прозы меня тошнитъ. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба; если возь-

* Адъютантъ М. Ѳ. Орлова.

lib.pushkinskijdom.ru

мешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что̀ оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человѣкъ? Говорятъ, что онъ славный малой и московскій франтъ. Правда ли?—Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19 авг.

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому].

7.

[Изъ Одессы. 14 октября 1823].

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Плѣнника, слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Плѣнникъ иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ—должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи, и путникъ оживаетъ: живи, и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада—влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ—долы. Въ чужой аулъ цѣною злата—за много злата [впрочемъ, какъ хочешь].

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ сти-

lib.pushkinskijdom.ru

ха. Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малой: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности; 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы. Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и—à la ligne прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce—обнимаю тебя съ надеждой и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье[1] и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малой, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической;[2] я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково,

---

[1] Французъ, близкій къ дому Раевскихъ.

[2] Намекъ на собственное стихотвореніе:

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.

lib.pushkinskijdom.ru

не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеровъ увѣряетъ меня, qu' il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ Содомъ-Кишиневъ, гдѣ, думаю, будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—А. П.

14 окт Од.

Замѣчанія твои на счетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ. Бахчисарайской Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть. Кстати объ эпиграфахъ, знаешь ли эпиграфъ Кавказскаго Плѣнника?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкой листъ.*

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

8.

4 ноября Одесса [1823]

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то, что̀ цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что̀ не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой ... цензурѣ, отгрызывайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ

* Стихи кн. Вяземскаго къ Ѳ. И. Толстому, съ которымъ Пушкинъ былъ тогда въ ссорѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, выпиши изъ нея что̀ посноснѣе, да заворожи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ. Полно, не воскреснетъ ли она? Что̀ тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего; пишу, спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей.

Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить поазіатски, не читая журналовъ. Одесса городъ европейской—вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать.—А. П.

Василью Львовичу дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.*

---

* У г. Анненкова въ книгѣ «Пушкинъ» и пр. [стр. 228] приведены выписки изъ черноваго наброска: «Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ отъ А. Шенье... Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ... изъ классиковъ—классикъ. C'est un imitateur. Отъ него пахнетъ Ѳеокритомъ и Апакреономъ. Онъ освобождаетъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ anthithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Первыя «Думы» Рылѣева [послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ выросъ!]—холодны... Lavigne—школьникъ Вольтера—и бьется въ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродилъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы! Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... Что до моихъ занятій... Романъ въ стихахъ... въ родѣ Донъ Жуана... Первая глава кончена—тебѣ ее доставлю... Пишу съ упоеніемъ, чего уже давно со мною не было... О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій: лучше и не думать.»

lib.pushkinskijdom.ru

9.

[Изъ Одессы. Ноябрь 1823]

Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны. Язвительныя лобзанія. Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности N. N.

Не зритъ лица его гаремъ,
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей «Тавридѣ»: Подъ стражею скопцовъ гарема. Мнѣ хотѣлось что нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему присталп. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя...

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею; если жъ нѣтъ, оставь такъ: Равна грузинка красотою, но инка кр... а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое Путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нѣчего.

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны!* Посылаю Разбойниковъ.

* Тогда ходилъ слухъ, будто Грибоѣдовъ изобразилъ его въ Чацкомъ. Чадаевъ въ это время долженъ былъ оставить службу и уѣхать за границу, вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку и ея послѣдствій.

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ, поставь любопытный, а стихъ все-таки калмыцкій.

10.

[Изъ Одессы. 11 ноября 1823].

Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.[1]

11 ноября.

11.

[Изъ Одессы. 20 декабря 1823].

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символъ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенья: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures.

Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ?[2] Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя разпечатнаго. Что журналъ Анахар-

---

[1] Приписка рукою князя Вяземскаго: Это предисловіе къ напечатанію не назначается.

[2] Н. И. Кривцовъ былъ въ это время губернаторомъ въ Воронежѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

сиса-Клоца Кюх.?[1] Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другаго изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьѣ Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ[2] болѣе моего не замѣтитъ. Что, если бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ ныньче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

12.

[Изъ Одессы. 8 марта 1824].

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что̀ тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это лучшая изъ твоихъ полемическихъ

---

[1] Мнемозина Кюхельбекера.

[2] Анна Петровна Зонтагъ, рожденная Юшкова, жена одного изъ чиновниковъ морскаго вѣдомства въ Николаевѣ, племянница В. А. Жуковскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

статей. Жизни Дмитріева[1] еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ le poete de notre civilisation. Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ твоего слишкомъ дорого не понимаю; ты деньги всѣ вѣдь истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.[2]

8 марта 1824 Одесса.

---

[1] Статья кн. Вяземскаго при сочинен. Дмитріева (см. соч. князя I, 112).

[2] Въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» и пр. [стр. 252 и 220] приведены отрывки изъ черноваго наброска этого письма: «Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе, т. е. за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое созданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа—возьми, что тебѣ слѣдуетъ, изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ—рости имъ не за чѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось. Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ—ни чуть не для улыбки прекраснаго пола... О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго;

lib.pushkinskijdom.ru

13.

[Изъ Одессы. Мартъ или апрѣль 1824].

Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. Разговоръ—прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что̀ въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья—tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну. Тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной,* да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?—Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться не-

---

по мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вралю...»

* Матери дипломата, находившейся съ И. И. Дмитріевымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

возможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Слёнинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи ... Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа; да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи.— Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

14.

[Изъ Одессы 13—14 іюня 1824]

Я ждалъ отъѣзда Трубецкаго, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что̀ всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ[1] вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно.[2]

---

[1] Кн. Вѣра Ѳедоровна, супруга кн. Вяземскаго, жила въ Одессѣ.

[2] Намекъ на собственную же эпиграмму. Какъ-то спросили Жуковскаго, почему онъ не былъ на званомъ обѣдѣ; онъ отвѣчалъ, что ему нездоровилось еще съ вечера, къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ. Пушкинъ написалъ по этому поводу отъ имени Жуковскаго:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно,
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

lib.pushkinskijdom.ru

Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братьи негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что̀ писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child-Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ однако жъ вирши на смерть его превосходительства.

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства.* Что̀ ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ

---

* Министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто князя А. Н. Голицына былъ назначенъ А. С. Шишковъ.

lib.pushkinskijdom.ru

лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволяютъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а [какъ я говорилъ] 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты задорный издатель; а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не брапясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитріевымъ.—А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

15.

[Изъ Одессы. 15 іюля 1824].

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что̀ онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины? Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи

lib.pushkinskijdom.ru

по законамъ.* Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 іюля.

16.

[Изъ Михайловскаго 29 ноября 1824].

Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому [разумѣется съ извѣстнымъ условіемъ]. Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо [сложемъ на всякой страхъ] имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пенять не на кого: самъ виновать [это остается между нами]. Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія.—Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. не-

* Ольдекопъ, служившій въ III Отд. собств. канц., напечаталъ нѣмецкій переводъ К. Пл. съ русскимъ оригиналомъ. Хлопоты Пушкина не удались, ибо гр. Бенкендорфъ защитилъ своего подчиненнаго.

lib.pushkinskijdom.ru

навидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому же 17 лѣтней, къ тому же влюбленной! Что жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тётки не внушила ли какого нибудь перевода Вас. Львовичу? Нѣтъ ли хоть эпитафіи? Пиши мнѣ: Ея высокор. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а покланяюсь ей.

29 ноября.

Знаешь ли ты мою Телегу Жизни?

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка,
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телегу,
Мы рады голову сломать
И, презирая страхъ и нѣгу,
Кричимъ: валяй ...
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ по прежнему телега;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русской титулъ.

[Штемпель: Опочка. 1824, дек. 1].

lib.pushkinskijdom.ru

17.

[Изъ Михайловскаго. Январь 1825].

Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодари ее за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты конечно правъ: болѣе чѣмъ когда нибудь обязанъ я уважать себя. Унизиться передъ правительствомъ была бы глупость. Довольно ему одного Граббе.[1]

Я писалъ тебѣ на дняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ.[2] Завѣтныхъ покамѣстъ нѣтъ.

18.

[Изъ Михайловскаго 25 января 1825]

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда нибудь, любова;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданый, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 янв. Напечатай гдѣ нибудь.

Какъ ты находишь статью, что̀ написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашъ! Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева [котораго я не читалъ]. Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;

---

[1] Гр. Павелъ Христоф. Граббе, командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль.

[2] Пущинъ былъ въ Михайловскомъ 11 января 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Поэтъ Глаголь, не становись фертòмъ;
Дьячекъ Глаголь, ты ижица въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны.*

19.

[Изъ Михайловскаго. Февраль 1825]

Что ты замолкъ? Получилъ ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc.? Въ «Цвѣтахъ» встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чистосердечный отвѣтъ растянутъ; риѳмы: слезы, розы—завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучитъ — растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ—едва ли не плеоназмъ. Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піесы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море, или Телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельства не хороши—чѣмъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покамѣстъ я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь—я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое второе Посланіе Цензору? Тамъ между прочимъ:

* Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.

lib.pushkinskijdom.ru

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

20.

[Изъ Михайловскаго. 19 февраля 1825].

Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ разпечатать, а вовсе не во̀ время.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ Разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову.* Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телегу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ по-

* Стихи: «Пускай ихъ Шаликовъ поетъ» въ слѣд. изданіяхъ замѣнены: «Пускай ихъ юноша поетъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

лучилъ и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edimbourg Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 Февраля.

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

[Штемпель: Опочка. 1825. Февр. 25].

21.

[Изъ Михайловскаго] 7 апрѣля 1825.

Ныньче день смерти Байрона.* Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.—А. П.

22.

[Изъ Михайловскаго. Апрѣль, до 22-го, 1825].

Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого

* Онъ умеръ въ Миссолонгахъ 7 [19] апрѣля 1824.

lib.pushkinskijdom.ru

ничего ни переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ ли еще тебя російская литература? Я было на Полеваго очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить во едино. Изъ всего, что̀ должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя; но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre les quels j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми—полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и по дѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я бы съ ними согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши, долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

23.

[Изъ Михайловскаго. Апрѣль 1825].

Дельвигъ у меня. Чрезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина [тебѣ единственно и только для тебя переписан-

lib.pushkinskijdom.ru

наго]. За разговоръ съ няней, безъ письма,[1] братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю: но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть Анны Львовны.

Охъ, тетинька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна,
Была ты къ папинькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной[2]
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ.

[Я да Дельвигъ].

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной Спетерургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣ-

---

[1] Сначала было написано и зачеркнуто: «и письмо Тани».

[2] Елиз. Львовна—другая тетка поэта, бывшая въ замужствѣ за камергеромъ Матв. Мих. Солнцевымъ.—Пушкину приписываютъ и слѣдующую «эпитафію» духовнику Анны Львовны:

Не памятникъ, а диво:
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ,
Въ попѣ вино и пиво.

lib.pushkinskijdom.ru

дующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да нѣтъ ли у тебя и прозы? Что̀ мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что нибудь о томъ.

24.

[Изъ Михайловскаго, 25 мая 1825].

Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что̀ сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ.[1] Что̀ за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный.[2] Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то Думы дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неѣлова— прелесть. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Ша-

---

1 1825 г. № 4

2 Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому. [Соч. князя. III, 226].

lib.pushkinskijdom.ru

ликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir [какъ бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!]. Ты, кажется, любишь Казимира [Делявинь], а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ [даже и ты] имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ усталъ. Писалъ ко всѣмъ— даже и къ Булгарину.

25 мая.

25.

[Изъ Михайловскаго. Іюнь 1825].

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полеваго. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню—слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!!—Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? Какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа [какъ замѣтилъ, помнится, Фуше].

На адресной сторонѣ:

Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Нето отдать А. И. Тургеневу для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

За тѣмъ приписано рукою Л. С. Пушкина:

Левъ Пушкинъ проситъ прощенія въ томъ, что письмо распечатано; не взглянувъ на конвертъ, онъ думалъ, что оно къ нему.

26.

[Изъ Михайловскаго Іюнь 1825]

Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что̀ тебѣ попадется [кромѣ Онѣгина]; если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же, между нами. братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses... Какую пѣсню изъ Béranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная коммисія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой [автора Камина и слѣдств. соперницы Вас. Львовича]. Не худо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность [extrême popularité] его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума!—

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ жаль, что умеръ А. М.[1] и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien.

Вотъ еще эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жъ, злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Полевому. Ты уже, думаю, босоножка полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились. Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

27.

[Изъ Михайловскаго. 13 іюля 1825].

Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, toi dont le monde encore ignore le vrai nom! Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона.[2] Чудо-хорошо! Твой

[1] Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.

[2] Въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, № 12, іюнь.

lib.pushkinskijdom.ru

слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать, что русской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіе французскаго [яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей]. Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-me de Stael;[1] но не разглашай этого: тутъ есть одно великодушіе, поставленное во первыхъ ради цензуры, а во вторыхъ для вящшаго анонима. Вѣроятно ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго,[2] очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня разцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри—молчи же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ—по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою ли твоя княгиня-лебёдушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

13 іюля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, в лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. Каково?

[Адресъ: Его превосходительству Николаю Михаиловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому].

---

[1] Въ той же книжкѣ Московскаго Телеграфа, съ подписью Ст. Ар. [Старый Арзамасецъ] и съ помѣтою 9 іюня 1825. [См. Томъ V].

[2] Всеволодовъ. Пушкинъ ошибся въ фамиліи.

lib.pushkinskijdom.ru

28.

[Изъ Михайловскаго. 10 августа 1825].

Накупался ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что̀ твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ; если цензура не пропуститъ осьмаго стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что Карамзины? Я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумазбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сей часъ прочелъ антикритику Полеваго.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! Разборъ новой піитики басенъ—вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ. Чѣмъ мнѣ тебя поподчивать? Вотъ тебѣ мои бон-мо. [Ради соли, вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26]. Qu'est-ce que le sentiment?—Un supplément du temperament.

Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?

— Запахъ селедки.

10 Авг.

lib.pushkinskijdom.ru

29

14 августа [1825. Изъ Михайловскаго].

Мой милый, поэзія—твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жъ виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-росскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ риѳмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ.—Благодарю очень за Водопадъ.* Давай мутить его сей часъ же.

. . . . . съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ—

вла, вла звуки музыкальные, но можно ли напр. сказать о молніи властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ нибудь. Валяй его съ какихъ нибудь стремнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа—прелесть. Дождь брыжжетъ отъ [такой-то] сшибки твоихъ междоусобныхъ волнъ: междоусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.—5 и 6 строфы—прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической—также. Игралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты не зерцало [впрочемъ это придирка] и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: ты не пріемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повтореніе ты тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ—темно. Вѣчно бьющій огонь—тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу? Ворвав-

---

* Нарвскій водопадъ, стихотвореніе кн. Вяземскаго, появившееся потомъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1826 года. [См. соч. кн. Вяземскаго, III, 408].

lib.pushkinskijdom.ru

шись—чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе не точно. Вихорь и пустыню уничтожька! Посмотри, что̀ выдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень [выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня]. И такъ не лучше ли:

Какъ ты, пустынно разразится

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуто. Напиши же мнѣ, въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданныхъ гостей—прелесть. Не лучше ли еще незванныхъ. Нѣтъ, cela seroit de l'esprit.

[На мѣстѣ адреса: Князю Вяземскому].

При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

*

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня въ займы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей [съ процентами за 14 лѣтъ,

lib.pushkinskijdom.ru

что̀ составляетъ болѣе 200 рублей], то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ.

15 августа 1825. Село Михайловское.

30.

15 сентября [1825. Изъ Михайловскаго].

Resumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ [или адъютантъ Раевскаго]: онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-me Staël наша—не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его. Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ.

31.

[Изъ Михайловскаго. Осенью 1825].

Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да...! Юродивой мой—малой презабавной; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна [въ родѣ

lib.pushkinskijdom.ru

К. О.; сказывалъ это я тебѣ?]. Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ.—Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. На-врядъ, мой милый! Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума». Я назвалъ его[1] представителемъ духа рускаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ [см. Исторію Карамзина]. Дѣло въ томъ, что Крыловъ преоригинальная туша, графъ Орловъ забавенъ,[2] а мы розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія.[3] Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей,[4]

---

[1] «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова», въ Московскомъ Телегр. 1825, № 17. См. томъ V.

[2] Григорій Владиміровичъ, издатель басенъ Крылова въ французскомъ переводѣ.

[3] Онѣгина.

[4] О такихъ голубяхъ говорится въ одной изъ басенъ гр. Хвостова.

lib.pushkinskijdom.ru

И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ предъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану; смерть моя и только.

32.

[Изъ Михайловскаго. Сентябрь 1825].

Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте. Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердитъ: не выспался и не ...ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ испо-

lib.pushkinskijdom.ru

вѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ геніемъ. Поступокъ Мура* лучше его Лалла-Рукъ [въ его поэтическомъ отношеніи]. Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на судѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы—иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью—на томъ, что̀ посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

33.

[Изъ Михайловскаго 24 сентября 1825]

Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно. зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ; мы или сохнемъ или гніемъ. Первое все таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не-то объ ней заговорятъ, а

* Уничтожившаго Записки Байрона.

lib.pushkinskijdom.ru

она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни: Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней.[1] Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова.[2] Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристипъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка—не дядя твой;
Но, милый, музы наши—сестры,
И такъ ты все же братецъ мой.

Variante—Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

[Штемпель: Опочка, 24 сент. 1825].

34.

1825 дек. 3 [Изъ Михайловскаго].

Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха [чортъ его побери]. Вотъ тебѣ

---

[1] Пѣсня Земфиры и ноты были напечатаны въ Моск. Телеграфѣ 1825 г. № 11. съ замѣткою: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

[2] Милоновъ затронулъ въ стихахъ В. Л. Пушкина. Тотъ добродушно замѣчалъ по этому случаю: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!»

lib.pushkinskijdom.ru

нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

[При письмѣ приложены: Совѣтъ, Соловей и Кукушка, Движеніе и Дружба].

35

[Изъ Михайловскаго 24 мая 1826].

Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ.* Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ [ахъ извини: Счастливицѣ] слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ—лучшій твой водевиль. Напиши жъ мнѣ что нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

Михайловское. Май.

[Штемпель: Опочка, мая 24, 1826].

---

* Стихи кн. Вяземскаго къ Ольгѣ Серг. Пушкиной напечатаны въ Сѣв. Цвѣтахъ 1826 г. [Соч. кн. Вяземскаго, III, 405. Тамъ же стр. 413: «Къ мнимой счастливицѣ»].

lib.pushkinskijdom.ru

36.

[Изъ Пскова. Іюнь 1826],

Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло.[1] Долженъ ли я тебѣ что нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ ли съ тебя чего нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полеваго, друга нашего. Теперь не до того; а ей Богу, когда нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot въ Петербургѣ.[2] Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot [котораго я нисколько не помню] и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Stael заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русской баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку [датскаго кобеля]. Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣ-

---

[1] Относится къ упомянутой выше Эдѣ.

[2] Путешественникъ, издавшій потомъ книгу: Six mois en Russie.

lib.pushkinskijdom.ru

шенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными.* Богъ знаетъ, свидимся ли когда нибудь.

Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ съ пьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Незабавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ.

37.

[Изъ Михайловскаго. 10 іюня 1826].

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ни чуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій—такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все..... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ,

* Они собирались за границу.

lib.pushkinskijdom.ru

еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я былъ потребованъ коммисіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру. Впрочемъ чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

10 Іюня.

38.

[Изъ Михайловскаго въ Ревель. 14 августа 1826]

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ—земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другаго раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое* холоднымъ и сухимъ. Иначе

* Къ императору. [См. ниже: письма къ Жуковскому].

lib.pushkinskijdom.ru

и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

[Адресъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу въ С.-Петербургъ, въ Большой Милліонной, въ домъ д-ра Эвтингъ, для доставл. князю П. А. Вяземскому].

39.

[Изъ Михайловскаго, 9 ноября 1826].

Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла, какъ-то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей Богу пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла!* Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. И такъ никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ

* Дальняя родственница поэта, дѣвица Пушкина, вышедшая впослѣдствіи за г. Панина.

lib.pushkinskijdom.ru

журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Эта черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полеваго ты пошлешь къ ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтропѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло.

9 ноября.

Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева [котораго NB. ты одинъ еще поддерживаешь], то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать*. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ: скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

40.

[Изъ Пскова, 1 декабря 1826].

Ангелъ мой Вяземской, или пряникъ мой Вяземской, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ

* Намекъ на замѣчаніе князя, будто П. завидовалъ стихамъ Дмитріева.

lib.pushkinskijdom.ru

васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!... Изъясню послѣ.—Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю.—Adieu, couple[1] si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня не достаетъ уже и собственной простоты для переписки.

1 дск. Псковъ.

При семъ письмо къ Алексѣеву [родъ моего Сушкова] для дост. Киселеву—вой—вымъ, какъ хошь.

[Штемпель: 1826 Псковъ. На адресной сторонѣ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце].[1]

41.

[Изъ Москвы. 14 марта 1830].

Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ,[2]

---

1 Въ книгѣ князя Павла Петровича Вяземскаго: «А. С. Пушкинъ 1826—1837», приводится выписка изъ неизданнаго еще письма. Въ отвѣтъ на извѣстіе князя П. А. о критикѣ на Евгенія Онѣгина, написанной малолѣтнимъ княземъ П. П. въ духѣ Булгарина, Пушкинъ въ сентябрѣ 1827 г. писалъ: «Критика Павлуши меня веселитъ, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на Онѣгина: будетъ отвѣтъ».

2 Въ частномъ французскомъ театрѣ въ Москвѣ, содержавшемся г. Карцевой, публика шикала и шумѣла, за что нѣсколько посѣтителей были арестованы и въ томъ числѣ Сибилевъ и гр. Потемкинъ, о которыхъ упоминается ниже. Волковъ—жандармскій генералъ, Шульгинъ—оберъ-полицмейстеръ.

lib.pushkinskijdom.ru

что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quand à m-me Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général,qu'elle chantait faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied da la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полеваго и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны [Карамзиной] и пиши мнѣ къ Копу.*

14 марта

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

[Адресъ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Межуева].

---

* Гостинница, бывшая близъ Тверской улицы.

lib.pushkinskijdom.ru

42.

[Изъ Москвы. 16 марта 1830].

У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой? Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ.* Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

16 марта.

Приписка неизвѣстнаго лица.

При сей вѣрной оказіи, не могъ я преминовать, чтобы и мнѣ не засвидѣтельствовать вамъ покорнаго почтенья, мой любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ. Желалъ бы писать гораздо и пространнѣе, но истинно такъ, такъ утомленъ удовольствіями, которыя намъ, счастливымъ москвичамъ, доставило внезапное прибытіе государя императора. Право, князь, еще не могу отдохнуть и опомниться.

---

* Мужъ тетки Пушкина, Елизаветы Львовны.

lib.pushkinskijdom.ru

43.

[Изъ Москвы. Мартъ 1830].

Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный вѣроятно въ присутствіи и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ.[1] Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку [справься у кн. Мещерской]. Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи. Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою;[2] сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ, Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. — Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

---

[1] Доносъ напечатанъ въ Литературной Газетѣ 1830, № 28.

[2] Напечатаніемъ эпиграммы: «Не то бѣда» и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

44.

ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ.[1]

[1830. Май].

Vous avez raison de trouver l'âne délicieux.[2] C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo. J'y vois plus de talent que dans le dernier jour où il y en beaucoup.—Quand à la phrase qui vous a embarassé, je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête, et plus il laisse de souvenir délicieux. Le second est une affaire de volupté—voyez vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin; mais je n'en ai guère le tems. Mon mariage avec Natalie [qui par parenthèse est mon cent troisième amour] est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au Lombard, et vous, chère princesse, je vous engage à être ma посаженая мать.—A vos pieds A. P.

Erratum. Variante, après 200 paysans: je les engage au Lombard, et vous, divine princesse, à être ma посаженая мать.

45.

[Изъ Москвы 2 Май 1830].

Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ га-

---

[1] Находится между письмами къ кн. Вяземскому.

[2] L'âne mort et la femme guillotinnée, романъ Жюль Жанена.

lib.pushkinskijdom.ru

зетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однако жъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы или моду или политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и за чѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представлю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ [Карамзиной] о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 мая.

lib.pushkinskijdom.ru

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. На Моховой, въ домѣ Межуевой. На почтов. штемпелѣ, Москва, 3 мая, 1830].

46.

5 ноября [1830. Болдино].

Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что̀ у ней за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна,[1] какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты на лѣво, а мы все таки лѣземъ. По дѣломъ, если останемся голы какъ бубны.—Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть.—Радуюсь, что ты принялся за Фонъ-Визина. Что̀ ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ [т. е. о точности примѣненія истины] нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри что̀ за перестрѣлка подымется. — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушъ нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой[2] не

---

[1] Стихъ И. И. Дмитріева.

[2] Пушкинъ передъ этимъ написалъ эпиграмму на Елиз. Мих. Хитрову, дочь Кутузова, которая въ молодости любила декольтированье:

Лиза въ городѣ жила
Съ дочькой Долинькой,

lib.pushkinskijdom.ru

имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль если я.* Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ—и читалъ бы въ нижегородской глуши le Tems et le Globe. Каковъ государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровье, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ «ваше здоровье»: титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ.

5 ноября

47.

2 января 1831 [Москва].

Стихи твои прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масленицѣ альманахъ Блинъ. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полеваго. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телефрафъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ [тебя да меня] въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Неме-

---

Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
У австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand gala
Не по старому мила,
Но по старому гола.

* Онъ спорилъ и проигралъ пари, что французскихъ министровъ Карла X-го отдадутъ подъ судъ.

lib.pushkinskijdom.ru

зидѣ. Все это прекрасно, однако жаль; въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически-трогательно, а все таки палата права. Рѣчьми адвокатовъ я недоволенъ—всѣ онѣ робки. Одинъ Ламене въ состояніи былъ бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P.* противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Дениcъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечòръ видѣлъ его. Лиза пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Если бъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ. пріѣхали сани.

	Давыдовъ съ ноздрями,
	Вяземскій съ очками,
Д—Митюша	Гагаринъ съ усами,
В—Петруша	Дѣвокъ испугали
Г—Ѳедюша	И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

---

* Veuve Cliquot Pontchartrain: клеймо шампанскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

48.

[Изъ Москвы. Январь 1831].

Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на имянины къ тебѣ. Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонъ-Визинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонъ-Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bon-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонъ-Визина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты мою Агріопу?—Видѣлъ.—Что жъ ты скажешь объ этой трагедіи?—Скажу: Агріопа—... Остро и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа [другая Агріопа], то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ[1] пошлю къ Дельвигу. Что ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однако жъ отдалъ Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллинг- тона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

49.

[На клочкѣ карандашомъ].

[Изъ Москвы. Январь 1831].

Къ тебѣ собираюсь.[2] Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. Сѣв. Цвѣты еще не получилъ. Борисъ Годуновъ здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

---

[1] Васильѣ Львовичѣ. Онъ умеръ 10 августа 1830.

[2] Въ подмосковное село Остафьево, гдѣ князь проводилъ зиму 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

50.

[Изъ Москвы. 20 января 1831].

Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову;[1] онъ вѣроятно уже все знаетъ. Оставь Адольфа[2] у меня—на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ [женскаго рода не имѣетъ], житель или урожденецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арапъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными арапами.

Арапникъ, отъ польскаго herapnik [de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff]. NB. Harap vient de Herab.

А право не худо бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

51.

[Изъ Петербурга. 1836].

Письмо твое прекрасно.[3] Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ же быть? Думаю оставить статью какъ она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбрать, какъ нѣ-

---

[1] Тесть Дельвига. Сравн. ниже 10-е письмо къ Плетневу.

[2] Переводъ кн. Вяземскаго сочиненія Бенжаменъ Констана.

[3] Говорится о проектѣ письма кн. Вяземскаго къ С. С. Уварову, относительно терпимости цензуры къ мнѣніямъ, противнымъ провозглашенному Уваровымъ принципу православія, самодержавія и народности. [См. соч. кн. Вяз., II, 214—226].

lib.pushkinskijdom.ru

когда дѣлалъ ты и въ «Литературной Газетѣ» со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полеваго, а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

II. КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

1819—1823.

1.

[Изъ Михайловскаго. 9 іюля 1819].

Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо.[1] Вотъ вамъ на память посланіе Орлову.[2] Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ «пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину.» Кстати о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлоглазаго Кавелина,[3] поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона.[4] Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодаго человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ,[5] зажми-

---

1 Передъ отъѣздомъ на лѣто въ деревню.

2 «О ты, который сочеталъ» и пр. Оно написано въ іюлѣ 1819 г.; далѣе Пушкинъ приводитъ два стиха изъ этого посланія.

3 Дмитрій Кавелинъ, стяжавшій особую извѣстность, какъ сторонникъ Магницкаго и Рунича по дѣлу профессоровъ петерб. университета.

4 Соболевскій былъ школьный товарищъ Льва Сергѣевича Пушкина, который вѣроятно и просилъ брата.

5 Тургеневъ тогда состоялъ при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ, поэтому Пушкинъ и называетъ его шутя кардиналомъ-племянникомъ и камергеромъ Don Basile.

lib.pushkinskijdom.ru

те ротъ доктору теологіи Кавелину, который добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. Пушкинъ.

1819, 9 іюля.

2.

[Изъ Кишинева. Іюль 1821].

Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа жалобный Сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣлъ и плакалъ, воспоминая тебя Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Живо представлялись ему ваши отсутствующія превосходительства, и въ печали сердца своего онъ положилъ увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки.*

3

[Изъ Одессы 1 декабря 1823].

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ «Сынѣ Отечества» поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, если бъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежня живость.

Простите жъ иногда мою мнѣ молчаливость,

* Этотъ черновой отрывокъ сохранился въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта, гдѣ набросанъ вслѣдъ за одою «Наполеонъ». Сверчокъ—Арзамасское прозвище Пушкина. На Фонтанкѣ жили А. И. и Н. И. Тургеневы въ домѣ почтоваго вѣдомства [нынѣ министра имп. двора]. Липецкій потопъ—вѣроятно пьеса кн. Шаховскаго «Липецкія воды», появившаяся въ 1816 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Мое уныніе... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. [Наполеона]. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренной
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ—
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій указалъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ на-дняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа:

[Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя].

Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. Карамзиныхъ. Но, что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына? Возможно ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ. Правда ли, что онъ переводитъ «Гяура»? А я надосугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.*

1 Декабря.

* Въ тетрадяхъ поэта сохранился и черновой набросокъ этого письма:

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ прозаической Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспо-

lib.pushkinskijdom.ru

III. КЪ ПАВЛУ БОРИСОВИЧУ МАНСУРОВУ.[1]

[Изъ Петербурга. 27 октября 1819].

На силу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесъ! Здоровъ ли ты, моя радость; веселъ ли ты, моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ [мужескаго полу]— —мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ $^1/_2$ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ—и плачетъ о Крыловой[2] — — — — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты [Всеволожскаго]; по прежнему подымаются на нее телескопы — — — но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя.—Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ

минаніе и дружескія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы.

J'ose èsperer qu'un exil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire.

Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной азіатской... чтобы цѣнить и не вольной воздухъ европейской. Теперь мнѣ ничего бы не доставало, если бы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразуменъ.

Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете имѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша. Вотъ самыя сильныя строфы.

Это послѣдній либеральный бредъ. На дняхъ я закаялся и смотря—и на Западъ Европы и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой...

[1] П. Б. Мансуровъ состоялъ въ то время адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ; въ 1812—1814 годахъ онъ былъ ординарцемъ Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конноегерскій полкъ. Въ 1825 году онъ женился и вышелъ въ отставку; позднѣе служилъ въ министерствѣ финансовъ. Въ настоящее время живетъ въ деревнѣ. — Точки находятся въ подлинникѣ, а черточками означены пропуски.

[2] Актриса, отличавшаяся болѣе наружностью, чѣмъ искусствомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

по прежнему; шампанское слава Богу здорово—актрисы также— . . . . . такъ и должно . . . . . Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однако жъ его вызывалъ за его дурную комедію,[1] а ее за посредственную игру. — Tolstoy [Яковъ Никол.] боленъ . . . . . Зеленая Лампа[2] нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть [т. е. шампанское нашего друга]; пишешь ли ты, мой собратъ—напишешь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, лапочка. Пушкинъ.

27-го oct. 1819.

IV. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНѢДИЧУ.

1820—1830.

1.

[Май 1820. С.-Петербургъ].

Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. Пушкинъ.[3]

---

[1] «Пустодомы» играна въ первый разъ 10-го октября 1819.

[2] Дружеское общество, къ которому принадлежали и упоминаемые въ письмѣ лица.

[3] Съ Гнѣдичемъ Пушкинъ познакомился въ засѣданіяхъ общества «Зеленой Лампы» и тамъ, въ одно изъ первыхъ же свиданій, на вопросъ Гнѣдича: какъ ему нравится переводъ Иліады, начатый первоначально александрійскими стихами, говорятъ, отвѣтилъ экспромтомъ:

lib.pushkinskijdom.ru

2.

[Изъ Каменки. 4 декабря 1820].

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь,[1] почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго.[2] Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою [Русланъ и Людмила], напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическомъ покровительствѣ я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына [Отечества] доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи,[3] котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
Я руку наложилъ,
Погладилъ—занозилъ.

[1] Пушкинъ былъ сосланъ на югъ Россіи въ началѣ мая 1820 г., въ половинѣ мая былъ уже въ Екатеринославлѣ, въ концѣ поѣхалъ съ Н. Н. Раевскимъ и его семействомъ на Кавказъ, оттуда въ августѣ въ Крымъ и наконецъ въ сентябрѣ проводилъ Раевскихъ до села Каменки, подъ Кіевомъ, потомъ отправился въ Кишиневъ и отсюда опять ѣздилъ въ Каменку и Кіевъ, въ концѣ 1820 и въ началѣ 1821 г.

[2] Мать героя 1812 г., Н. Н. Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ была за Давыдовымъ. Изъ дѣтей ея [Александръ и Василій Львовичи] старшій былъ женатъ на гр. Грамонъ.

[3] Отрывки напечатаны въ Сынѣ Отеч., а отдѣльно переводъ не изданъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ» и пр.; они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В.,[1] который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ бестыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастной! [что между прочимъ очень неучтиво], говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка.[2] Допрощикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему [благодарность и самолюбіе въ сторону], умнѣе всѣхъ ихъ.[3] Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою;[4] кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или еще готова.[5] Про-

---

[1] А. Ѳ. Воейковъ. Статьи см. въ № 34—37 С. Отеч. 1820 г.

[2] Послѣдній стихъ эпиграммы, приписываемой И. А. Крылову и напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38.

[3] Послѣ критики Воейкова въ № 38 «Сына Отечества» напечатано «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», въ которомъ N. N. предлагаетъ Воейкову вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторъ вопросовъ былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ. «Замѣчанія» на письмо Зыкова напечатаны въ № 41 «Сына Отечества», съ подписью К. Григорій Б—въ, а въ № 42 напечатаны новыя «Замѣчанія» въ защиту Воейкова, съ подписью П. К—въ [самъ же Воейковъ], и въ № 43 помѣщенъ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К—ва», съ подписью М. К—въ.

[4] Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Оленинымъ, рисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

[5] Кавказскій Плѣнникъ.

lib.pushkinskijdom.ru

щайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4 декабря 1820.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ ли онъ съ ея высочествомъ?[1] Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа—журнала его не видалъ, писемъ также.[2]

Мой Адресъ: въ Кишиневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

3.

[Изъ Кишинева. 24 марта 1821].

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,

---

[1] В. А. Жуковскій въ то время состоялъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. За границу онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ въ началѣ 1821 г.

[2] В. К. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 г. участвовалъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель».

lib.pushkinskijdom.ru

Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ,*
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. [Оленина]; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ

* Гнѣдичъ, какъ выше указано, началъ продолжать переводъ «Иліады» Кострова александрійскими стихами съ риѳмами, но потомъ перешелъ къ гекзаметрамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой;—та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.— Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи.—Что дѣлаетъ Н. М. [Карамзинъ]? здоровы ли: онъ, жена и дѣти?—Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.—Пушкинъ.

1821. марта 24, Кишиневъ.

4.

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve [nec invideo] sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей идилліи [о которой мы поговоримъ на досугѣ], завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте

lib.pushkinskijdom.ru

его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.—Пушкинъ.

[Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ, найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки]:

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица [а всего-то ихъ двое] приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ я духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ Кавказскаго Плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца...»

5.

[Изъ Кишинева. 13 мая 1822].

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ,

lib.pushkinskijdom.ru

боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены ли вы, что цензура, по неволѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, ныньче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому* и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить ли дѣло предисловіемъ. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. — А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

---

* Отправляясь въ ссылку, Пушкинъ проигралъ Н. В. Всеволожскому 1,000 р. и за это отдалъ ему для изданія приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право изданія и общій ихъ знакомый Я. Н. Толстой велъ съ Пушкинымъ переговоры.

lib.pushkinskijdom.ru

Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о Кавказскомъ Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ также—но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura.—Пушкинъ.

13 мая, Кишиневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его.

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины.
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ Сынѣ Отечества.*

[Штемпель: «Кишиневъ» и письмо исколоно].

6.

[Изъ Кишинева. 27 іюня 1822].

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадо-

* Напечатано было въ «Литературныхъ Листкахъ» Ѳ. Булгарина 1823 г. № 2, съ замѣною словъ въ 4-мъ стихѣ: при свѣтломъ; въ 6-мъ: за что, и въ послѣднемъ: я могъ свободу даровать, и съ прибавкою примѣчанія, въ которомъ стихотвореніе примѣнялось «къ выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ».

lib.pushkinskijdom.ru

вать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника. Ваши замѣчанія на счетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку [trop hasardé]. Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: Какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ —
И русской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры — между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу, но мало ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Нельзя ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ

lib.pushkinskijdom.ru

не дуетъ: нельзя ли его разшевелить? Нельзя ли потревожить и Слёнина, если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана»? Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери[1] и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ «Родригъ», Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то съ нимъ[2] дѣлается—судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.—А. Пушкинъ.

27 іюня.

7.

[Изъ Кишинева. 27 сентября 1822]

Пріѣхали Плѣнники[3]—и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего; признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и без-

---

[1] Жуковскій перевелъ изъ Томаса Мура «Пери и Ангелъ». Стихи эти были напечатаны въ «Сынѣ Отечества», 1821 г., № 20.

[2] Т. е. съ Кюхельбекеромъ, о которомъ Пушкинъ вспомнилъ, написавъ слово «молдаванно», потому что оно напомнило ему его же эпиграмму: «Кюхельбекерно». [См. выше, стр. 17].

[3] Гнѣдичъ одновременно напечаталъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Шильонскаго Узника».

lib.pushkinskijdom.ru

покоился. Напримѣръ, если бъ она перемѣнила стихъ простите, вольныя станицы, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцѣлуй прелесть; ей дней ей-ей неблагозвучнѣе ночей; упоительныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы, дождь и градъ: на долы.[1] Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно— не знаю справедливо ли.[2] Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайной! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, по крайней мѣрѣ до моего пріѣзда,—а я вынырну и явлюсь къ вамъ.—Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души.—А. Пушкинъ.

27 сент. Кишиневъ.

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣнина упросилъ не пе-

---

[1] Эти опечатки исправлены были въ изд. 1828 г., но нѣкоторыя, указанныя выше въ письмѣ къ кн. Вяземскому, остались неисправленными. [См. стр. 8—9].

[2] Къ изданію былъ приложенъ портретъ молодаго Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою, что издатели думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

чатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе— то я не согласенъ.

[Адресъ: «Его Высокобл., м. г. Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ С.-Петербургъ. Въ Императорской Библіотекѣ». Штемпель: «Кишиневъ 27 сентября»].

8.

[Изъ Михайловскаго. 23 февраля 1825].

Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова.[1] Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. — Пѣсни Греческія прелесть и tour de force.[2] Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины?— — —

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейской подвигъ въ нашемъ отечествѣ [чортъ возьми это отечество]. Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая— писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.—Много у

---

[1] Первая глава «Онѣгина» вышла въ Петербургѣ, въ началѣ 1825. Разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 29 декабря 1824.

[2] «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ». Изд. и перев. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

9.

[Въ С.-Петербургѣ. 6 января 1830].

Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени.* Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде.—Весь вашъ Пушкинъ.

V. КЪ ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ.

1820—1836.

1.

Кишиневъ. 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на

* Замѣтка о выходѣ «Иліады» помѣщена въ № 2 «Литературной Газеты» 1830. [См. томъ V].

lib.pushkinskijdom.ru

Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его [ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя], сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливой путь*—я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верьхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ

* Письма Инзова объ этой поѣздкѣ напечатаны въ Р. Архивѣ 1863, № 12.

lib.pushkinskijdom.ru

виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженая пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовысѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой то французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы къ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ

lib.pushkinskijdom.ru

написалъ я элегію,[1] которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... русскимъ безвѣстную...[2] я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня

---

[1] «Погасло дневное свѣтило».

[2] Пропуски въ рукописи.

lib.pushkinskijdom.ru

объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига.—Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи.—Пушкинъ.

2.

[Изъ Кишинева. 27 іюня 1821].

Брату.—Здраствуй Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по русски, потому что, славу Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ [сдѣлай милость не поэтъ]: пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое Сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года?[1] Кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ [Никита Всеволодовичъ]—и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій [буде они напечатаны], розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его,[2] Овошникову его,[3] Лампу его[4]—и все елико дру-

---

[1] О Русланѣ и Людмилѣ—вопросы Д. П. Зыкова въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64.

[2] V. C. P.—Veuve Cliquot Pontchartrain, и буквы L. D.—марки винъ: первая—шампанскаго-клико, вторыя—шато-д'икема.

[3] Кордебалетная танцовщица.

[4] Зеленая Лампа—Общество, собиравшееся у Н. В. Всеволожскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

га моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова—пожелай здравія Калмыку[1]—и напиши мнѣ обо всемъ.—Пришли мнѣ «Тавриду» Боброва. Vale.—Твой братъ А.

27 іюня.

Сестрѣ.—Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? celà vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu' est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Anette Voulf? Montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Petersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée? êtes vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie.[2]

3.

[Изъ Кишинева. 24 января 1822].

Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о

---

[1] Калмыкъ слуга Всеволожскаго.

[2] Переводъ «Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала ли опять нарвскія подземелья, зàмки, водопады? занимало ли это тебя? любишь ли ты по-прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? помнишь ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? ѣздишь ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? что подѣлываютъ Корфы? замужемъ ли ты? готова ли на это? не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ, онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ «Сынѣ» [безъ подписи и безъ ошибокъ]. Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай, въ ней каждой стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ французъ;
Клеонъ—умомъ ее стращая,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.

24 янв 1822.

lib.pushkinskijdom.ru

4.

[Изъ Кишинева. 21 іюля 1822].

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти—тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь?* Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Слёнинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Ка-

---

* Въ бумагахъ поэта сохранился стихотворный набросокъ, напоминающій нѣкоторыя мѣста этого письма:

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой?
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ и милыхъ заблужденій...

lib.pushkinskijdom.ru

ково идетъ изданіе Бестужева?[1] Читалъ ли ты мои стихи ему посланные? Что «Плѣнникъ»? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что̀ Жуковскій и за чѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ [Кюхельбекеръ]? есть ли объ немъ извѣстія? Прощай.—Отцу пишу въ деревню.

21 іюля.

[Приписка къ сестрѣ]. Ma bonne et chére amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime—amusez-vous et mariez-vous.[2]

5.

[Изъ Кишинева. 1822].

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va decider pour longtems de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde con-

---

[1] Говорится о приготовлявшейся «Полярной звѣздѣ» на 1823 г.

[2] «Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей, но они нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи за мужъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

tre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie.—Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitemeut inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permetteront pas de briller, ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours

lib.pushkinskijdom.ru

d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arreterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

Переводъ. Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ, и которое, въ добавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда не допускай никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство. — Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ, отъ всего сердца, обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаймы, терпи лучше нужду: повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностію въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ

lib.pushkinskijdom.ru

за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ, безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; не дешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло касается счастія твоей жизни.

6.

[Изъ Кишинева августъ или сентябрь 1822].

На прошедшей почтѣ [виноватъ: съ Долгорукимъ] я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во первыхъ о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому—и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ роздано—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить.—Въ Посланіи къ Овидію перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника,—прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц. Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слы-

lib.pushkinskijdom.ru

шу отсюда драмо-торжественный ревъ Глухо-рёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія.[1] Что̀ бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...»[2] слишкомъ уже греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣлъ трудъ многимъ людямъ принадлежащій» и проч.[3] Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила.[4] Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ

---

[1] «Олимпійскія игры», стихотвореніе Кюхельбекера.

[2] Сравн. выше, стр. 26.

[3] Эти строки приведены Пушкинымъ на память, но вполнѣ вѣрно изъ рукописнаго лицейскаго журнала «Вѣстникъ» [3 дек. 1811] и принадлежатъ къ «Отрывку изъ грозы, С. Ламберта», въ переводѣ Кюхельбекера.

[4] Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 8 было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе. Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго недуга, и онъ сильно обидѣлся этимъ стихотвореніемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня [т. е. Плетневу, а не его слогу] и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. II.

Mon père a eu une idée lumineuse—c' est celle de m'envoyer des habits—rappelez la lui de ma part.[1]

Еще слово—скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой—у васъ пишутъ—что лучъ десницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило—что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ![2]

7.

[Изъ Кишинева. 6 октября 1822].

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ[3] происходитъ отъ нескромности кн. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel. Надѣюсь что критики не оставятъ въ покоѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не полу-

---

1 «У отца блестящая мысль—прислать мнѣ платье; напомни ему о ней отъ меня.»

2 Дума К. Ѳ. Рылѣева, въ «Сынѣ Отечества» 1822 г., № 23.

3 Ѳ. И. Толстой, прозванный «американцемъ».

lib.pushkinskijdom.ru

чаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите,[1] но Августъ смотритъ Сентябремъ! Кстати: получено ли мое Посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его.[2] Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай милый.—А. П.

Окт. 1822.

Другъ мой, попроси И. В. Слёнина—чтобы онъ, за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 3 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча—и Цертелева Древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.

8.

[Изъ Кишинева. Январь 1823].

Душа моя, какъ перевести по русски bévues?—должно бы издавать у насъ журналъ: Révue des Bévues—мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣева, его же гербъ россійской на вратахъ византійскихъ[3] [во время Олега, герба русскаго не было—а двуглавый орелъ есть гербъ византійской и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную—у насъ же онъ ничего не значитъ]. Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продик-

---

1 Изъ «Посланія къ Овидію».

2 Т. е. Полярной Звѣзды.

3 Въ думѣ К. Ѳ. Рылѣева «Олегъ».

lib.pushkinskijdom.ru

товалъ Якову* строки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

[По сгибу письма надпись Брату].

9.

[Изъ Кишинева 30 января 1823].

Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письма-

* Камердинеръ Жуковскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

ми—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой,[1] за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и «Русланъ» и Noël[2]—и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога люби двѣ звѣздочки;[3] онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву [Владиміру Ив.], знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи.—Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ просто плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный[4]
и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ.—Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

---

[1] Дидло изъ «Кавказскаго Плѣнника» составилъ балетъ, въ которомъ роль черкешенки исполняла Истомина.

[2] Noël—рождественскій кантъ, а также народная пѣсенка на какое-нибудь событіе. Пушкинъ назвалъ этимъ именемъ одну свою шутку.

[3] Пушкинъ подписался ** подъ своими стихотвореніями въ «Полярной Звѣздѣ» 1823.

[4] Стихъ изъ «Тарентинской Дѣвы» Гнѣдича [Пол. Зв. 1823].

lib.pushkinskijdom.ru

Пріѣхалъ ли царь? Впрочемъ это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей—напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впрочемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они правы—да и я не виноватъ.———

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть—а вѣдь непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

30 янв.

10.

[Изъ Одессы. 25 августа 1823].

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и ей-Богу обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда — о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ — напр. онъ пишетъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говоритъ между

lib.pushkinskijdom.ru

прочимъ обо мнѣ: «Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр...»—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» [новой моей поэмы], сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помоги те!—Здѣсь еще Раичь. Знаешь ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила—но служу я не по волѣ своей—и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. [которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги]. Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одссеа. 25 авг.

Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ—выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

11.

[Изъ Одессы. Въ началѣ 1824].

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись—а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его М—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., нето взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы![1] Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu?[2] На сей вопросъ Лямартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица—поэтъ не долженъ ду-

---

[1] Изъ пѣсни: «Ахъ, гдѣ тѣ острова» и пр.

[2] Въ рукописяхъ поэта сохранился черновой набросокъ стиховъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
«Смотрите! вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она,
Зачѣмъ же пишете?» Я? Для себя! «За что же
Печатаете вы?» Для денегъ! «Ахъ мой Боже,
Какъ стыдно!» Почему жъ?

lib.pushkinskijdom.ru

мать о своемъ пропитаніи, и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? Кстати о гадости—читалъ я «Ѳедору» Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина. Voulez-vous découvrir la trace de ses pas—

надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ, иль темные пути—

М. его въ риѳму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche, Ипполитъ суровый скиѳской выб...—не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Тераменъ аббатъ и сводникъ—vous même où seriez vous, etc...—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровской» полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега Вѣщаго» и напечаталъ. Можетъ быть, я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не разчухалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

12.

[Изъ Одессы. 1 апрѣля 1824].

Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.».

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голода не околѣть, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ какъ «Фонтанъ» расходится—или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печататъ—это разбой;[1] рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно—ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на равнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1-го апрѣля 1824.

Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ[2] адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой пріятель; онъ доста-

---

[1] Булгаринъ напечаталъ въ своихъ «Литературныхъ листкахъ» [1824, № 4] по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» отрывокъ изъ письма Пушкина къ Бестужеву.

[2] Ив. Григ. Сенявинъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

витъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо.

[Адресъ на оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго].

13.

[Изъ Одессы 13 іюня 1824].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на счетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»—выйдутъ ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн.

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавказскаго Плѣнника» за 2000 р., кому бишь?* Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ — и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ — и упоительнымъ. Не много... ей дней—ночей—ради Бога. Прощай.

[На оборотѣ: Штемпель почтамта: «Одесса, 13-го іюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ Онѣгина: «Я помню море предъ грозою», глава первая, строфа XXXIII].

[Адресъ тотъ же: Мил. гос. Л. С. Пушкину Въ С.-Петерб., у Обухов. моста, въ д. Полторацкаго].

14.

[Изъ Михайловскаго. Въ концѣ октября 1824].

Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника [спросить у Греча]? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ въ томъ числѣ и «Талію» Булгарина. Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею [Вульфъ] и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-тилѣтней дѣвушки, или она—талью 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался—поставь: «швейцара

* Ср. выше, стр. 19.

lib.pushkinskijdom.ru

мимо онъ стрѣлой». Въ «Разговорѣ» послѣ: Искалъ вниманье красоты—нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристъ? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи. — Прощай, моя радость. Что жъ чухонка Баратынскаго?* Я жду.

[На оборотѣ письма адресъ тотъ же].

---

* Такъ называетъ Пушкинъ «Эду», поэму Баратынскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

15.

[Изъ Тригорскаго. Въ началѣ ноября 1824].

Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя—скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ ему извѣстныхъ—я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи.[1]

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.—найдешь у St-Florent, 2. сѣрныя спички, 3. карты, т. е. картежныя [объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ], 4. жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь.

Я тружусь во славу Корана[2] и написалъ еще кое-что—лѣнь прислать.

Прощай; отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой—а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде января.—Всѣмъ поклонъ, пиши же живѣе.

[На оборотѣ: Милостивому государю и братцу].

*

[На листѣ сѣрой бумаги].

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина—найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ

---

[1] См. ниже, письма къ Жуковскому.

[2] Пушкинъ говоритъ о своихъ стихотворныхъ переложеніяхъ изъ Корана.

lib.pushkinskijdom.ru

чтобъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непремѣнно.—Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

[На оборотѣ начерчены карандашомъ: крѣпость, лодка на Невѣ, набережная и опершись на нее двое мужчинъ; все помѣчено цифрами. Внизу написано: 1. Хорошъ. 2. Долженъ быть опершися на гранитъ. 3. Лодка. 4. Крѣпость Петропавловская.]*

16.

[Изъ Михайловскаго. Въ половинѣ ноября 1824].

Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! ништо проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire de b—t. Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да на долго ли это его задержитъ въ тинѣ петербургской. Что погреба?—признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! [Анна Львовна]. Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ, или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ

---

* Снимокъ съ этой картинки приложенъ къ Библіографическимъ Запискамъ 1858 г.—Въ свое время она была перерисована А. Нотбекомъ и приложена въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ, вмѣстѣ съ 5-ю другими картинками изъ Онѣгина. Пушкину приписываютъ двѣ эпиграммы на нихъ, изъ коихъ одна неудобна къ печати, а другая печатаетя съ замѣной одного слова:

Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись задомъ о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

lib.pushkinskijdom.ru

Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «Разговоромъ». Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ, Анна Николаевна [Вульфъ] на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ Прасковьѣ Александровнѣ [Осиповой] твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя, пустельга, разцѣловать. Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Клярису, мочи нѣтъ какая скучная дура![1] Жду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. Ѳ. [Одоевскому]?[2] Будетъ ли картинка у «Онѣгина»? Что дѣлаютъ Полярные господа?[3] Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну те-

---

1 «Кляриса Гарлоу», романъ Самуила Ричардсона. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ».

2 Кн. Влад. Ѳедор. Одоевскій вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ тогда издавалъ «Мнемозину».

3 Рылѣевъ и Бестужевъ—издатели «Полярной Звѣзды». Къ послѣднему, по поводу наводненія, Пушкинъ писалъ.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ Петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты—
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты.

lib.pushkinskijdom.ru

бя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ [Екатерина Марковна] и распечаталъ, полагая, что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

[На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки;» а близъ печати у прорваннаго мѣста: «я расковырялъ!»].

17.

[Изъ Михайловскаго. Декабрь 1824].

Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А. [Плетневымъ], хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ—святочную пѣсенку.[1] Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить «Онѣгина» изъ подъ цензуры—слава ...[2]—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли же мнѣ всевозможные календари,[3] кромѣ при-

---

1 «Noël» или «сказки», о которой упомянуто выше.

2 Непечатное слово.

3 Т. е. альманахи.

lib.pushkinskijdom.ru

дворнаго и академическаго. Кстати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ,
Тургеневѣ А.,
Сѣверинѣ,
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли ли на Воронцова?... говорятъ бѣсится—за что бы кажется, да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и [говоря по Делилевски] витую сталь пронзающую засмоленную главу [написано вмѣсто зачеркнутаго: «пробку»] бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; За чѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева.* Вотъ пункты о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня
Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b-t?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ да лѣнь.

18.

[Изъ Михайловскаго. 4 декабря 1824].

Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «Демона!» моего «Демона!» послѣ этого онъ и Вѣрую напеча-

* Эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ и корреспонденціи за границу, вслучаѣ бѣгства.

lib.pushkinskijdom.ru

таетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря» ни капли стиховъ отъ меня. NB г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ «Разговоромъ» поставить число 1823 годъ? Стихъ: «вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побрезгалъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière neveux me devroient cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай, или дари что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой [на оборотъ] начиналось прежде предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ.* Закрытіе ѳеатра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна — и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгин-

* Къ подобнымъ порученіямъ Пушкинъ возвращался не разъ. Въ этой же перепискѣ сохранился листокъ съ его замѣтками: «Бумаги, перьевъ, облатокъ, чернилъ, чернильницу de voyage. Чемоданъ. Библіи 2. Шекспиръ. Вина bordeau, soterne. Champagne. Сыръ. Курильницу. Lampe de voyage. Alumettes, табакъ, гл. труб. черешн. Chemises,..., bague. Medaillon simple, montre.» [Подчеркнутое—въ подлинникѣ зачеркнуто].

lib.pushkinskijdom.ru

скихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ. Пришли же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 декабря.

[Приписка сестрѣ]. Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. Л. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p... sur son tombeau.[1] Няня исполнила твою коммисію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цѣлуетъ тебя, я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносныя ..., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

[Приписки по сторонамъ письма]: Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту, и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Слёнину. Присылай мнѣ Старину;[2] это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

[Адресъ: Ея сіятельству милостивой государынѣ Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Ивеличевой, въ С.-Петербургъ, у Калинкина мосту, въ собственномъ домѣ. Прошу доставить братцу Льву Серг.—Почтовый штемпель: Опочка 1824 декабря 8].

---

[1] Переводъ: «Если тò, что ты говоришь о завѣщаніи Анны Львовны, справедливо, то это очень мило съ ея стороны. Сказать по правдѣ, я всегда любилъ мою бѣдную тетушку и досадно, что Шаликовъ..... на ея могилу.» А. Л. раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной.

«Русская Старина», карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ, А. Корниловича.

lib.pushkinskijdom.ru

19.

[Въ концѣ декабря 1824].

Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ* да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

[На оборотѣ вдоль страницы]: Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

20.

[Изъ Михайловскаго. Январь 1825].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи.—Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится—то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о впечатлѣніи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года [1823 и 4] ей ничего не платили [?] и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и ста-

* «Сѣверные Цвѣты».

lib.pushkinskijdom.ru

росты—велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія; т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. — Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ..... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ «Моремъ и Землею»[1] должно было поставить: идиллія Мосха.— Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цѣлую и буду писать.

Да пришлите же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало Кота Измайлова очень мило.[2]

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха [смотри Инвалидъ № какой-то], издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

21.

[Изъ Михайловскаго. Въ половинѣ февраля 1825].

Я съ тобою не бранюсь [хоть и хочется] по 18 причинамъ: 1, потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ

---

[1] Стихотвореніе это написано въ Кіевѣ въ 1821 г.; напечатано въ январской книжкѣ «Новостей Литературы» 1825 г.

[2] Басня Измайлова «Черный котъ», въ Невск. Альм. на 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

тисните. Твои опасенья на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ; а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни ...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣстъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно—отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ бы я всего Шекспира; ты не воображаешь что такое Fouché![1] Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ [прости Боже мое согрѣшеніе!] Наполеонъ поглупѣлъ—во-первыхъ лжетъ какъ ребенокъ [т. е. замѣтно], во-вторыхъ судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетёръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bértrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon. Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ[2] написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу Дѣвушка влюбленному поэту—кромѣ авторàми. А куда онъ, Коншинъ! Его элегія Въ «Цвѣтахъ»[3] какова? Твое суж-

---

[1] Жанъ Фуше, герцогъ Отрантскій, по отзыву біографовъ, «гнуснѣйшая личность временъ республики и имперіи»; коммисаріатскій воръ и палачъ во время революціи, онъ при Наполеонѣ I былъ министромъ полиціи и прославился какъ геніальный сыщикъ и шпіонъ.

[2] Такъ Пушкинъ почему-то называетъ Туманскаго. Въ его стихотвореніи, напечатанномъ въ «Новостяхъ Литературы» [февр. 1825], есть стихъ: Какъ будто сидя съ авторàми.

[3] Элегія Туманскаго: «На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья».

lib.pushkinskijdom.ru

деніе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.*

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?... и мораль долга ль?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

22.

[Изъ Тригорскаго. 14 марта 1825].

Братъ, обнимаю тебя и пàдамъ до ногъ. Обнимаю также алжирца Всеволожскаго. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ—да

* На то письмо Бестужевъ отвѣчалъ 12 февраля. Неупоминаніе объ отвѣтѣ, еще не дошедшемъ, указываетъ, что это письмо написано въ половинѣ февраля.

lib.pushkinskijdom.ru

книгъ: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, «Старину», да Sismondi [littérature], да Schlegel [dramaturgie], если есть у St.-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стих.[1] да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однако жъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компаніи, и тому под.

Анна Николаевна [Вульфъ] тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину А. И. В.?[2] Ecce foemina!

Мочи нѣтъ хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣстъ благодари его—думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однако жъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Тригорское 14 марта.

[На оборотѣ]: Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что жъ ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?

[Адресъ]: Льву Сергѣевичу Пушкину. [Подъ нимъ]: J and my sister make you our compliments from our hearts and souls.[3]

23.

[По полученіи рукописи. 14 марта 1825].

Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь, и

---

[1] Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Изд. 2-е. Спб. 1822—1824. 12 частей.

[2] Анна Ивановна Вульфъ, Netty.

[3] Я и сестра шлемъ тебѣ поклонъ отъ всего сердца и души.

lib.pushkinskijdom.ru

не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть тебя притѣсняютъ безъ вѣдома ..... Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.— Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомь о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ.

24.

[Изъ Михайловскаго. 15 марта 1825].

Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безмыслицы— прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова— исключайте, марайте съ плеча, Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго—не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича—не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно— даже ради Христа сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ [кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго—Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные—и слѣдующей. Конца не люблю]. Что если бъ волшебная кисть Ѳ. Толстого?

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила?...[1]

Къ тому же кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ недостоинъ его карандаша.—Впрочемъ это все наружность. «Иною прелестью плѣняется!»— — —

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около [ибо часть подземнымъ Богамъ непредвидима]. Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ ~~~~~~~~ и безъ ——— и безъ ═══════ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую [развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую]. 60 піесъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?[2]

---

[1] Стихъ изъ «Модной жены» И. И. Дмитріева.

[2] Въ рукописи сказка не сохранилась. Л. С. Пушкинъ записалъ 75 стиховъ, изъ которыхъ точными называлъ 20 начальныхъ.

«Царь Никита жилъ когда-то,
Праздно, весело, богато;
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей—
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ сердцемъ и душой,
Что за ножка—Боже мой!
А головка, темный волосъ;
Чудо глазки, чудо голосъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка! Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.—Простите, дѣти! я пьянъ.

15 марта.

Умъ съ ума свести бы могъ—
Словомъ съ головы до ногъ
Душу, сердце—все плѣняло;
Одного не доставало.
Какъ бы это изъяснить,
Чтобъ совсѣмъ не разсердить.....
Слишкомъ чопорной цензуры?
Какъ быть, помоги мнѣ Богъ!...
Ничего, иль очень мало,
Все равно не доставало
У царевенъ молодыхъ.....
Ихъ чудесное рожденье
Привело въ недоумѣнье
Всѣ придворныя сердца;
Грустно было для отца
И для матерей печальныхъ;
А отъ бабокъ повивальныхъ
Какъ узналъ о томъ народъ,
Съ ужасомъ разинулъ ротъ,
Охалъ, ахалъ, дивовался,
А иной хоть и смѣялся,
Да тихонько, чтобы въ путь
Отдаленный не махнуть.
Царь собралъ своихъ придворныхъ,
Нянекъ, мамушекъ покорныхъ,
Издалъ имъ такой приказъ:
«Если кто нибудь изъ васъ!.....»
Царь былъ строгъ, но справедливъ,
А приказъ краснорѣчивъ.
Всякъ со страхомъ поклонился,
Остеречься всякъ рѣшился,
Ухо всякъ держалъ востро
И берегъ свое добро.
Жены бѣдныя боялись,
Чтобъ мужья не проболтались;
Втайнѣ думали мужья:
Провинись жена моя!...»

lib.pushkinskijdom.ru

25.

[Изъ Михайловскаго. 27 марта 1825].

Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ![1] я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтеньебѣсія.[2]

Получилъ ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія россійской публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г...-съ [сказать это помягче]. 2. Мы [сирѣчь издатели] должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться тѐмными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики [россійской], или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ [Приписка съ боку: или слишкомъ нѐзрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ], или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность и въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ бу-

---

[1] Повѣсть Погорѣльскаго [А. А. Перовскій] «Лафертовская маковница,» гдѣ героемъ Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкинъ.

[2] Посылая кн. Вяземскому 2-ю главу Онѣгина черезъ Дельвига [см. выше, стр. 26], Пушкинъ на рукописи надписалъ брату: «Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобъ онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости.»

lib.pushkinskijdom.ru

фонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли на всякой случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями.[1] Прощай; сестру поцѣлуй.

Великая пятница.

Я «Телеграфомъ» очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его. — Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по м..., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. [Retournez s'il vous plait].

Не напечатать ли въ концѣ Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писаны мною 14-ти лѣтъ—и съ выпискою изъ моихъ Записокъ [объ Державинѣ], ась?[2]

---

[1] Вѣроятно около этого же времени былъ начатъ Пушкинымъ стихотворный набросокъ, отъ котораго уцѣлѣло только слѣдующее начало:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
«Смотрите! вы поэтъ уклонной, лицемѣрной;
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она.
Зачѣмъ же пишите?» Я? для себя! «За что же
Печатаете вы?» Для денегъ! «Ахъ, мой Боже,
Какъ стыдно!» Почему жъ?...

[2] Весь этотъ пунктъ зачеркнутъ и написано: «нѣтъ». Изъ приписки съ боку письма тоже зачеркнуто со словъ: «да четыре стиха».

lib.pushkinskijdom.ru

[Съ боку письма]: Да тиснуть еще мою Птичку— «да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружба? легкій пылъ похмѣлья.»

26.

[Безъ числа].

Я было послалъ это въ Сынъ Отечества, да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

27.

[Изъ Михайловскаго. Въ началѣ апрѣля 1825].

Живъ, живъ, курилка!
Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
— Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ—
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него.

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому..А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы гдѣ напечатанъ второй разговоръ Лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ [и Вѣстникъ и Дамскій Журналъ].*

---

* Вмѣсто предисловія къ «Бахчисарайскому Фонтану» кн. Вяземскій напечаталъ: Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова. Въ отвѣтъ на это въ 5 № «Вѣстника Европы» напечатанъ: «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана», вызвавшій возраженіе князя Вяземскаго въ «Дамскомъ Журналѣ». На это возражалъ Мих. Дмит-

lib.pushkinskijdom.ru

Подпись слѣпаго поэта [Козловъ] тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись—а «хотѣлъ простить — простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ—прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи.[1] Хочется отвѣчать ему стихами, если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» недоволенъ—кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу—а виноватъ: «Войнаровскій» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis—да Child Harold—Lamartine [то-то чепуха должна быть!], да вообще что нибудь новенькаго да и Старину. «Талію» получилъ и письмо отъ издателя.[2] Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея[3] показась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкой моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина [да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ драматическомъ писателѣ]. Вяземскій правъ—а все таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и

ріевъ [котораго Пушкинъ называетъ Лже-Дмитріевымъ въ отличіе отъ поэта Ив. Ив.] въ 8 № «Вѣстника», статьею: «Возраженіе на разборъ втораго разговора».

[1] Говорится о поэмѣ И. И. Козлова «Чернецъ» и о его «Посланіи» къ Жуковскому.

[2] Письмо было послано Булгаринымъ вмѣстѣ съ альманахомъ. Долго не получая отвѣта, онъ вторично писалъ 25 апрѣля [Р. Арх. 1880].

[3] Комедія водевиль кн. Шаховскаго «Ворожея, или танцы духовъ»; нѣсколько сценъ изъ нея и отрывки изъ комедіи Хмѣльницкаго были напечатаны въ «Русской Таліи» Булгарина на 1825 годъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова.[1]

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ да какимъ еще?

Тиснуть Сарское Село и съ нотой. Напрасно объявляли о Братьяхъ Разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Nap. [Наполеона], да цензура... лучшія строфы потонутъ.

28.

[Изъ Михайловскаго. 7 апрѣля 1825].

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и повѣстку вѣроятно отъ Плетнева.[2] Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ [изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь]. Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили. Полярную еще не получалъ.—Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ—прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'ecrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur [пойми], c'est ainsi voyez-vous que j'ecris à Анна Ив. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine—Господи

---

[1] Намекъ на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову. Анахарсисъ Клоцъ—полусумасшедшій демагогъ, погибшій на гильотинѣ въ 1794 г. Этимъ именемъ Пушкинъ шутя называлъ Кюхельбекера.

[2] Изъ письма къ кн. Вяземскому [стр. 25] видно, что присланы были: Войнаровскій и Думы съ письмомъ Пущина.

lib.pushkinskijdom.ru

Іисусе Христе! quelles misères... цѣлуй Ольгу — quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'ecrire une lettre comme celui, c'est bien que votre frère a prit la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги же это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de m-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона [сегодня день его смерти], Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія —это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину].

29.

[Изъ Михайловскаго 22 апрѣля 1825]

Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan [послѣднія 6-я и пр. пѣсни], новый Walter Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ St.-Florent, а не черезъ Сленина.—Вино, вино, ромъ [12 бутылокъ], горчицы, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбурскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Ста-

lib.pushkinskijdom.ru

ростою;[1] приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей [напримѣръ, устрицъ].

23 [апрѣля]. Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія.—Думаю, что можно начать благословясь.—О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно.[2] Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и по сему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго [непремѣнно]. Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—что жъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ [и не читавъ] нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude mais je m'en ... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти сплетни.

des bretelles
des bottes [или не нужно].

[На оборотѣ]: Брату Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу.

30.

[Изъ Михайловскаго. 28 іюля 1825].

Если бъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

---

[1] «Смерть Чигиринскаго Старосты» К. Ѳ. Рылѣева въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825.

[2] Въ изданіи 1826 г. строки о Ѳ. И. Толстомъ выпущены, по желанію кн. Вяземскаго. [См. выше, стр. 26].

lib.pushkinskijdom.ru

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ—онѣ еще не собраны, не цензированы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизустъ передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ.—Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году—а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.*

28 іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены ли Вяземскому 600 рублей.

[На уцѣлѣвшей половинѣ оборотнаго листа рукою должно быть Всеволожскаго написано: Въ февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ, по особенной моей просьбѣ, свою черную тетрадь. Думалъ ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣтъ?].

---

* Можетъ быть въ минуту подобныхъ неудовольстій на брата, котораго поэтъ вообще очень любилъ, вырвалась у него эпиграмма:

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

lib.pushkinskijdom.ru

31.

[Изъ Москвы въ Тифлисъ. 8 мая 1829].

Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ увидѣться съ дражайшими родителями comme on dit и устроить свои денежныя дѣла. Изъ Петербуга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію—не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь.—Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова, и каковò вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда нибудь да перешлетъ мнѣ.—А. П.

8 мая.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину въ Азію].

32.

[Изъ Москвы. 6 апрѣля 1831].

Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бекендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужъ быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ, Харьковской губ. Оставить до востребованія.—Чужою рукою: «Въ Изюмъ». Печать почтамта: Москва. 1831 апрѣля 8].

33.

[Изъ Петербурга. 2 мая 1835].

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе поло-

lib.pushkinskijdom.ru

вину Кистенева.* Свою часть уступаю сестрѣ [т. е. одни доходы]. Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить.—А. П.

2 мая.

[Адресъ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3 мая 1835].

34.

[Изъ Петербурга. 24 апрѣля 1836].

J'ai tardé à vous repondre, parceque je n'avais pas grand chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main bes affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus; et quant a l'emprunt de 13000, il est déjà depensé. Voici le compte qui vous regarde:

à Engelhardt	1330	
à la restauration	260	
à Dumé.	220	[pour le vin].
à Pavlichtchef.	837	
à tailleur	290	
à Plechtcheef.	1500	
Depuis vous avez reçu		
en assign.	280	
en or.	950	
Août 1834	5767	

Votre lettre de change 10000 a été rachetée... Outre le loger, la table et le tailleur qui ne vous ont rien coutés, vous avez donc reçu 1230 r. Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et

* Оброчная деревня отца Пушкина, неподалеку отъ Болдина.

lib.pushkinskijdom.ru

des paysans. Il est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons—c'était à eux qu'il fallait m'adresser.

[На оборотѣ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ.—Печать почтамта: Спб. 24 апрѣля 1836].

Переводъ: Я замедлилъ тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я не получилъ и 500 р. дохода; что же касается до занятыхъ 13.000, то онѣ уже истрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится: Энгельгардту 1330, въ ресторанъ 260, Дюме 220 [за вино], Павлищеву 837, портному 390, Плещееву 1500. Послѣ ты получилъ ассигнаціями 280, золотомъ 950=5767 [августъ 1834]. Твое заемное письмо въ 10000 выкуплено. Сверхъ квартиры, стола и портнаго, чѣмъ ты вовсе не дорожилъ, ты получилъ 1230 р. Такъ какъ мать наша очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Надѣюсь сдать ихъ при первой возможности. Постараюсь, чтобы ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безпечности, съ которой до сихъ поръ живешь со дня на день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало бы къ нимъ обратиться.

35.

[Изъ Петербурга 3 іюня 1836].

Вотъ тебѣ короткій разсчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи* стоятъ [полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р:]—40000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца.	5714
Да 14-я часть на сестру	2857
Итого .	8571

* Псковская деревня принадлежала матери Пушкина, скончавшейся въ 1836 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р.

На твою часть придется—15715.

Прежде сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ и, если успѣешь, то купи свои векселя, покамѣстъ кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ [кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ]. Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 іюня.

Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь.—О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистинева. Но видно отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

VI. КЪ БАРОНУ АНТ. АНТОН. ДЕЛЬВИГУ.

1821—1830.

1.

[Изъ Кишинева. 23 марта 1821].

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...

lib.pushkinskijdom.ru

Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ.....

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.—О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки.—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха.—Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая—твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу—я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.—Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ*—самаго лучшаго со-

* Вольтера: Histoire des voyages de Scarmentado.

lib.pushkinskijdom.ru

стоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями—и братьями не только по африканской нашей крови.—Прощай.—А. Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишиневъ.

2.

[Изъ Одессы. 16 ноября 1823].

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по азіатски, не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей.* Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ

* Относится къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига «Н. М. Языкову»:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца Пировъ я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

lib.pushkinskijdom.ru

стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа—и украшу цвѣтами свой шалашъ—хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.—Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительства: я полу-Хвостовъ—люблю писать стихи [но не переписывать] и не отдавать въ печать [а видѣть ихъ въ печати]. Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя.[1] Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фи—дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія.—Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера!—Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

16 ноября.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника.[2]

3.

[Изъ Михайловскаго. Декабрь 1824]

Путешествіе по Тавридѣ[3] прочелъ я съ чрезвычай-

---

[1] Евгеній Онѣгинъ.

[2] Der Berggefangene, переводъ «Кавказскаго Плѣнника», вышедшій въ Петербургѣ въ 1823. Въ концѣ книги помѣщена «Tscherkessenlied», положенная на музыку Л. Маурером.

[3] «Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.», соч. Ив. Матв. Муравьева-Апостола, напечатано въ С.-Пб. въ 1823 г.

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній—посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу* на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу [развалины какой-то башни]; тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дангъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все,

* Изъ Тамани въ Керчь.

lib.pushkinskijdom.ru

что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня раѳмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.
. . . . . .
Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Но въ сердцѣ, бурями смятенномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. [Раевская] поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ-за ржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище;

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?... и проч.*

4.

[Изъ Михайловскаго. 8 іюня 1825].

Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь. Не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь

* Письмо писано вѣроятно въ концѣ 1824 г., ибо только въ исходѣ ноября Пушкинъ просилъ брата о присылкѣ Путешествія Муравьева.

lib.pushkinskijdom.ru

оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича[1]—получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣшь меня, это священный долгъ дружбы [сего священнаго чувства]. Что дѣлаютъ мои Разныя Стихотворенія?[2] Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго комисіонера нѣтъ и не будетъ.—По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка [вотъ почему онъ и ниже Ломоносова]—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы [исключая чего, знаешь]. Что же въ немъ: мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски—а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ [не говоря уже о его министерствѣ]; у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ ча-

---

[1] Варвара Васильевна Чичерина, дочь полковника Вас. Ив. Чичерина, скончавшаяся въ 1824 г., и оставившая наслѣдство племяннику своему, Вас. Льв. Пушкину. Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

[2] Т. е. тетрадь стиховъ, по которой печаталась книга «Стихотвореній Александра Пушкина,» изданная въ 1826 г.

lib.pushkinskijdom.ru

сто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ.—Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его Мельникъ[1] хорошъ, какъ Демьянъ и Ѳока. Видѣлъ ли ты Н. М. [Карамзина]? Идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ?... Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?...

[Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ. Въ Имп. Публ. Библіотеку.—Почтовый штемпель: Опочка 1825, іюня 8.—Запечатано извѣстнымъ перстнемъ].

5.

[Изъ Михайловскаго. 23 іюля 1825].

Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новой Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь; не сказалъ ли ты чего нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону—а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. [Плетневъ], что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря—чего жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ—онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную, я не знаю, когда и какъ я получу ихъ.[2] Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими

[1] «Мельникъ»—басня Крылова, напечатанная въ «Сѣв. Цвѣтахъ» 1825 г.
[2] Ср. выше, стр. 122—123.

lib.pushkinskijdom.ru

альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено.—Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.[1]

23 іюля.

П. А. уѣхала и я одинъ.[2]

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность ....?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

[На четвертой страницѣ: Б. Дельвигу].

6.

[Изъ Михайловскаго, въ октябрѣ 1825]

Брови царь нахмуря,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Памятникъ Петра.

---

[1] Свадьба Дельвига была 30 октября 1825.

[2] Прасковья Александровна Осипова, сосѣдка по имѣнію, владѣлица Тригорскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Тотъ перепугался:
«Я не зналъ! Ужель?»
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
. . . . . .

То есть разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ:
Вѣшаютъ за шею;
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова.[1] Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго.

Писалъ и брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ топокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: своимъ пенатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣстъ еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу,[2] будущему своему тестю, а изъ жены своей сдѣлай арзамаску—непремѣнно.—Жду писемъ.

7.

[Изъ Михайловскаго, въ началѣ 1826].

Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ

---

[1] Лицейскій товарищъ.

[2] Мих. Александр. Салтыковъ, собственно не былъ членомъ арзамасскаго общества и не носилъ шуточнаго прозвища, но числился почетнымъ членомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

было понапрасну—мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна.—Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня.—Прощай, мой милый другъ.—П. *

[На четвертой страницѣ: Барону Дельвигу].

8.

[Изъ Михайловскаго. Январь 1826].

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ—но никогда я не проповѣдылъ ни возмущеній, ни революціи—напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великоду-

* Отвѣтъ Дельвига напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ, 1880 г., кн. II. Арестованъ и скоро выпущенъ былъ Н. Н., а не А. Н. Раевскій.

lib.pushkinskijdom.ru

шіе молодаго нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни—какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира.—Прощай, душа моя.—Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста они находились опять у Плетнева.

[Адресъ: Милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ, въ Б. Мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ].

9.

[Изъ Михайловскаго. 20 іюля 1826].

Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери.—Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ,[1] а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться[2]—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется,

---

[1] Т. е. не принадлежалъ къ обществу «соединенныхъ славянъ,» въ дѣлѣ по 14-му декабря 1825 г.

[2] Казнь и наказанія были уже совершены 13 іюля, но Пушкинъ узналъ объ этомъ только 24-го.

lib.pushkinskijdom.ru

не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому—и жду отвѣта. Покамѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна [Осипова] уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякой говоритъ по своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масленицу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою.—Жду Цвѣтовъ.

[На четвертой страницѣ: Дельвигу].

10.

[Изъ Михайловскаго. 31 іюля 1827].

Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя.[1] Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московской Вѣстникъ[2] и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу.[3] Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не

---

1 «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной.»

2 Въ этомъ изданіи Погодина Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе и много печаталъ своихъ стихотвореній.

3 Онъ началъ тогда «Арапа Петра Великаго».

lib.pushkinskijdom.ru

печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ».[1] Ей-Богу неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его—это было бъ еще неприличнѣе.—Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь.—Пиши же.

31 іюля. Михайловское.

11.

[Изъ д. Малинники, Твер. губ. Ноябрь 1828].

Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину[2] вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито.[3] Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ[4] здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ:

---

[1] Это «Встрѣча съ Карамзинымъ» Ѳ. Булгарина. Напечатано въ Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г.

[2] «Напрасно, пламенный поэтъ» и пр. Этотъ отвѣтъ написанъ по поводу стихотворенія Катенина: «Старая быль», напечатаннаго въ С. Цв. на 1829 г., которое сообщилъ туда Пушкинъ при такой запискѣ: «П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты.» Катенинъ послѣ того написалъ: «Посланіе къ Пушкину», на которое поэтъ отвѣтилъ присланнымъ стихотвореніемъ.

[3] Ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ. Она различала цвѣта, угадывала карты и пр.

[4] Полторацкій, родственникъ Олениныхъ и Осиповой, отецъ А. П. Кернъ.

lib.pushkinskijdom.ru

«дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ; онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку.» Дѣти разревѣлись: «не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина.» Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ [или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ].[1] Я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьи. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣг. Баронессѣ не говорю ничего, однако жъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

12.

[Изъ д. Малинники, 26 ноября 1828].

Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой, чортъ ее побери![2] Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямъ упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!—Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь

---

[1] Ѳедоровъ. Онъ въ статьѣ о IV и V гл. Онѣгина, въ Спб. Зрителѣ 1828 г., пенялъ поэту за то, что благородныхъ барышень называетъ дѣвчонками, а «деревенскую дѣвку»—дѣвою [см. томъ V].

[2] Посланіе Анны Ив. Готовцевой напечатано потомъ въ С. Цв. на 1829 г., подъ заглавіемъ «А. С. П.» Вслѣдъ за нимъ отвѣтъ Пушкина и въ томъ же альманахѣ Посланіе къ Готовцевой кн. Вяземскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей, и проч...[1]

VIII. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГРЕЧУ.

1821—1836.

1.

[Изъ Кишинева. 21 сентября 1821].

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится:[2] оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ. американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

---

[1] Егоръ Кирил. Варѳоломей—изъ богатыхъ молдаванскихъ бояръ, жившихъ въ Кишиневѣ, членъ мѣстнаго управленія.

[2] Въ стихотвореніи былъ вычеркнутъ цензурою стихъ: «вольнолюбивыя надежды оживимъ».

lib.pushkinskijdom.ru

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвенье—то я имъ не пеняю; забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—Пушкинъ.

21 сентября, 1821. Кишиневъ.

2.

[Изъ Одессы, апрѣль 1824].

Въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго Фонтана, присоединилъ къ оному «Разговоръ между издателемъ и антиромантикомъ»—разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классикомъ Выборгской сторо-

lib.pushkinskijdom.ru

ны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей словесности. Онъ напечаталъ въ 5-мъ № Вѣстника Европы второй разговоръ между издателемъ и классикомъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится? Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ.»

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго Острова» писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы извѣстнаго критика.—Александръ Пушкинъ.*

Одесса.

3.

[Въ Петербургѣ, 13 октября 1836].

Милостивый государь Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю

* Хотя это письмо собственно не относится къ частной перепискѣ, ибо самимъ Пушкинымъ было предназначено для напечатанія въ Сынѣ Отечества, но мы сочли не лишнимъ помѣстить его въ этомъ томѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.[1]

13-го окт. 1836 г.

[На конвертѣ: Его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Гречу. За Синимъ мостомъ, на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ].

IX. КЪ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

1821—1824.

1.

[Изъ Кишинева. Мартъ—Апрѣль 1821].

Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ, и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ незаконнаго ига, что...* Сія прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и...* консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кан-

---

[1] Письмо Греча, вызвавшее этотъ отвѣтъ, напечатано въ Р. Архивѣ 1881, кн. II.

* Пропуски въ подлинникѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

такузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ и...* и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: «симъ побѣдиши»; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы!

Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены—странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже...* но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи!

* Пропускъ въ подлинникѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско.[1] Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная [т. е. состоявшая изъ военныхъ людей]; вторую граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра.[2] Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ!—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе

---

[1] Это было вначалѣ марта, слѣд. письмо писано или въ мартѣ же или не позже апрѣля.—Для сравненія подробностей см. письмо П. И. Пестеля къ гр. Киселеву, отъ 3 марта 1821 [Гр. Киселевъ. Спб. 1882, ч. 4, стр. 10—15].

[2] Греки и итальянцы, у которыхъ тогда происходило карбонарское движеніе.

lib.pushkinskijdom.ru

для него сабли турокъ; Константинъ[1] не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодаго мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ. что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять.[2]

2.

[Изъ Одессы 1823]

Константинопольскіе нищіе, карманные воришки [coupeurs des bourses], бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они.[3] Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, ни какого понятія о чести, ни какого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже па-

---

1 Али-Паша-Янинскій.

2 Гр. Каподистріа сообщилъ изъ Лайбаха отъ 26 марта 1821 г. повелѣніе Императора объ исключеніи Ипсиланти изъ русской службы, а Портѣ сообщено, что политика Государя всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой либо страны, и что онъ желаетъ точнаго соблюденія существующихъ трактатовъ.

3 Дѣятели греческаго возстанія.

lib.pushkinskijdom.ru

лочные удары, съ хладнокровіемъ, по истинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ [miserables] выпала священная обязанность быть защитниками свободы.[1]

3.

[Изъ Одессы. Іюнь 1824].

Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что̀ бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что случилось мнѣ говорить касательно грековъ. Исключительные люди, по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы; старая истина, которую все таки не худо повторить. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столь же, сколько и единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы...[2]

---

[1] Мы привели этотъ отрывокъ въ переводѣ г. Анненкова, такъ какъ французскаго подлинника онъ не напечаталъ [Пушкинъ, стр. 204—205].

[2] Сравн. выше, стр. 18. Сообщенный г. Анненковымъ текстъ исправленъ по Р. Архиву 1881, кн. II.

lib.pushkinskijdom.ru

X. КЪ ДЕГИЛЬИ.

[Въ Кишиневѣ. 6 іюня 1821].

Avis à M-r Deguilly, ex-officier français.*

Il ne suffit pas d'être un Jean..., il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un... duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second. [Выноска Пушкина: Ni un général qui daigne recevoir un piedplat dans sa maison].

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prevu, je suis faché de n'avoir pas parlé.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous. Aggréez l'assurance des sentiments que vous méritez.—Pouschkine.

Juin 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

* Этого француза Пушкинъ вызывалъ на дуэль, вѣроятно, для отстраненія его соперничества въ любви. Дегильи устранился отъ дуэли и получилъ приводимое письмо.

lib.pushkinskijdom.ru

XI. КЪ ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КАТЕНИНУ.

1822—1826.

1.

[Изъ Кишинева. 19 іюля 1822].

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не италіанской глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.*

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ [покрайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя] обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть—да, вѣроятнѣе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Если бъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Если бъ ужъ на то рѣшился, написалъ ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Кор-

* Катенинъ принялъ на свой счетъ этотъ стихъ изъ «Посланія Чадаеву», полагая, что Пушкинъ говоритъ о комедіи «Сплетни» [въ 3 д. въ стихахъ, подражаніе Le méchant Грессе], гдѣ въ тирадахъ Зельскаго находили намеки на Пушкина. Черезъ два дня Пушкинъ писалъ о Катенинѣ и брату Л. С. [выше, стр. 83].

lib.pushkinskijdom.ru

неля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежемъ красёнъ, но non erat his locus...—Прощай, Эсхилъ; обнимаю тебя, какъ поэта и друга.....

19 іюля.

2.

[Изъ Михайловскаго. 14 сентября 1825].

Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ не измѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію—общую нашу любовницу. Если это правда, что жъ утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши—ты созидаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant Posthume, Posthume labuntur anni.[1]

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ [какъ трагедіи Софіи Алексѣевны]. Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булг.[2] твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ

[1] У Горація: Heu, heu fugaces, Posthume, Posthume, Labuntur anni.

[2] Въ «Таліи» Булгарина 1825 г. были помѣщены отрывки изъ 3 дѣйствія «Андромахи» Катенина и сцены изъ трагедіи «Венцеславъ» Ротру, передѣланной А. А. Жандромъ.

lib.pushkinskijdom.ru

изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ кн. Шаховскаго.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю на бѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву—я самъ ее люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Кавериньмъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду!—Addio, poëta, a rivederla, ma quando.

[Штемпель: Опочка. 1825 сентября 14].

3.

[Изъ Михайловскаго. 4 декабря 1825].

Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, 4. [и что должно было бы стоять первымъ] что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я конечно печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V—словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ—ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ—вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что

lib.pushkinskijdom.ru

тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія.—Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина[1] и поздравлю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь—мочи нѣтъ хочется къ вамъ.—Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.[2]

4-го декабря.

[Почтовой штемпель: Опочка. 7 декабря 1825].

4.

[Изъ Михайловскаго. Февраль 1826].

Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой[3] были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ[4] радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе [въ томъ числѣ и я] много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность

---

1 Петръ Андреевичъ, извѣстный артистъ, скончавшійся въ 1879 г.

2 Вполнѣ это письмо напечатано во «Всемірномъ трудѣ» 1868, № 5 а въ Матеріалахъ Анненкова приведено только въ отрывкахъ.

3 «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ.»

4 Катенинъ затѣвалъ изданіе альманаха и просилъ стиховъ у Пушкина письмомъ отъ 3 февраля, на которое настоящее и служитъ отвѣтомъ. [См. Р. Архивъ 1881, I].

lib.pushkinskijdom.ru

есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

XII. КЪ ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ.

1822.

[Изъ Кишинева. 26 сентября 1822].

Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить—и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но..... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ, прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія калмыкъ!*

Кишиневъ. 26 сентября 1822

---

* Первый стихъ относится къ обществу «Зеленая лампа», а послѣдній къ слугѣ Калмыку, которому приказано было желать здравія каждому провинившемуся пошлымъ словомъ. Неизданный конецъ этого письма, по словамъ Лонгинова, заключаетъ разспросы о литературныхъ и театральныхъ пріятеляхъ—Хмѣльницкомъ, Катенинѣ, кн. Шаховскомъ, Семеновыхъ, Сосницкихъ и др.

lib.pushkinskijdom.ru

XIII и XIV. КЪ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БЕСТУЖЕВУ И КОНДРАТІЮ ѲЕДОРОВИЧУ РЫЛѢЕВУ.

1822—1825.

1.

[Изъ Кишинева. 21 іюня 1822].

Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю по неволѣ, и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ, кажется голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень ...; повидимому, ее настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно [напр. услужливаго Плетнева, или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Таврида]. Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удоволь-

lib.pushkinskijdom.ru

ствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.—Пушкинъ.

21 іюня 1822. Кишиневъ.

2.

[Изъ Кишинева. 13 іюня 1823].

Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу, и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О «Взглядѣ»[1] можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова,[2] и обижать Майкова? «Елисей» истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

---

[1] «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» Пол. Зв. на 1823. Тамъ же напечатаны «Романъ и Ольга» и «Вечеръ на бивакѣ», Бестужева.

[2] Осиповъ—авторъ шуточныхъ переложеній Энеиды и Превращеній Овидія. Объ упоминаемой же ниже поэмѣ В. И. Майкова «Елисей» Пушкинъ вспоминалъ въ очеркахъ VIII гл. «Онѣгина»: читалъ охотно Елисея.

lib.pushkinskijdom.ru

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который, упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто хѳдитъ въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ.[1]

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Бл.....щеніе, однако жъ Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года—постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со втораго приступа овладѣть моей анѳологіей? «Разбойниковъ» я сжегъ—и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его.[2] Впрочемъ чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.—Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви.—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужъ ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня.—Прощай, до свиданья.—А. П.

13 Іюня.

3.

[Изъ Одессы. 12 января 1824].

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь,

---

[1] См. въ изданіи сочиненій В. Майкова [Спб. 1867, стр. 333, 336 и 354].

[2] Отрывокъ былъ напечатанъ только впослѣдствіи въ Пол. Зв. 1825.

lib.pushkinskijdom.ru

что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! а какой же смыслъ имѣетъ: Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч.[1] Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему Гнѣдичу.[2] Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя, sans rancune, и съ благодарностію за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій—прелесть и чудо. Признаніе — совершенство![3] Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій[4] несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ

---

[1] Элегія «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» была напечатана въ Пол. Зв. на 1824 г. съ 3 послѣдними стихами, впослѣдствіи исключавшимися во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тогда же напечатанныхъ, поэтъ указываетъ опечатки: вмѣсто «надъ ясной влагою» и «съ боязнью и тоской.»

[2] См. выше, письмо къ Толстому, стр. 159.

[3] Въ Пол. Зв. на 1824 г. напечатаны стих. Баратынскаго: Истина, Аглая, Римъ, Признаніе и Къ*** [Лутковскому].

[4] Отрывокъ былъ напечатанъ въ той же книжкѣ Пол. Звѣзды.

lib.pushkinskijdom.ru

почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.—А. Пушкинъ.

1824, янв. 12. Одесса.

[Адресъ: Его высокобл. Ник. Ив. Гречу, въ Спбгѣ, въ газетной экспедиціи, прошу доставить г. Бестужеву].

4.

[Изъ Одессы. 8 февраля 1824].

Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти[1] въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше [т. е. занимательнѣе] тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ, но за чѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN и ожидаетъ ободрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ, отличается новостію мыслей; можно бы съ бо̀льшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли.

Арабская сказка—прелесть.[2] Совѣтую тебѣ, дружокъ, за̀воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича—это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову: «Вчера люблю и мыслю» помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы.[3] Плетне-

---

[1] «Замокъ Нейгаузенъ» въ Полярной Звѣздѣ на 1824.

[2] «Витязь буланаго коня» О. И. Сенковскаго.

[3] Мадригалъ Родзянки: Къ милой, оканчивается стихами: Вчера, сегодня, безпрестанно люблю и мыслю о тебѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ва Родина хороша; Баратынскій—чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ* шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ.—Объ моей поэмѣ нечего и думать. Если когда нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.

8 февраля. 1824.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Ник. Ивановичу Гречу въ Спбгѣ. Въ газетной экспедиціи. Прошу доставить господину Бестужеву].

5.

[Изъ Одессы. 29 іюня 1824].

Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая что я сердитъ на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо [другаго я не получалъ]. Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно

* Бахчисарайскій Фонтанъ напечатанъ въ 1824. Тогда онъ еще не выходилъ и здѣсь говорится о слухахъ, предшествовавшихъ его появленію.

lib.pushkinskijdom.ru

ли вывѣшивать на показъ ... свои .....? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще не кстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными![1] Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ «однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей»? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы [единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться], что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобъ ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду.[2]

---

[1] Въ Литературныхъ Листкахъ на 1824 г. [февраль, № 4] Булгаринъ напечаталъ изъ предыдущаго письма, что авторъ Б. Фонтана писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: «Не достатокъ плана... а печатаю потому что» и проч. [стр. 166].

[2] См. выше, письмо къ Гречу, стр. 147.

lib.pushkinskijdom.ru

Онѣгинъ мой ростетъ, да чортъ его напечатаетъ.— Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія «Разбойниковъ», то я никакъ его не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни [скоты! скоты! скоты!], а п..а—къ чорту его!

Кончу дружеской коммисіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. — Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо.—Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

6. КЪ РЫЛѢЕВУ.

[Изъ Михайловскаго. 25 января 1825].

Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго.* Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Pucelle и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Ля-

* Въ Полярной Звѣздѣ на 1825 г. новыхъ отрывковъ Войнаровскаго, однако, напечатано не было; а явился онъ въ началѣ того же года въ отдѣльномъ изданіи, вполнѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

фонтена и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности, къ тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды.—Прощай, поэтъ.[1]

25 января.

7.

[Изъ Михайловскаго, послѣ 25 января 1825].

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ.[2] Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ. — Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ

---

[1] Мы помѣстили въ перепискѣ съ Бестужевымъ и два уцѣлѣвшія письма къ Рылѣеву [№ 6 и 9], потому что въ нихъ говорится о тѣхъ же литературныхъ вопросахъ. Восемь писемъ Рылѣева къ Пушкину напечатаны нами въ изданіи сочиненій перваго [Спб. 1874, с. 203—214].

[2] «Горе отъ ума» привезъ и прочиталъ Пушкину Ив. Ив. Пущинъ 11 января 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно-комическаго генія.—Теперь вопросъ. въ комедіи Горе отъ ума, кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ [именно съ Грибоѣдовымъ] и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно.—Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репитиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину—прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля.

О стихахъ я не говорю—половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову, можетъ быть я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.—По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

lib.pushkinskijdom.ru

Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листковъ Булгарина тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга.—Вели прислать.[1]

8.

[Изъ Михайловскаго. 21 марта 1825].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда.[2] «У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ.» Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Люкрецій, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ [виноватъ! Горацій не подражатель], шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moor и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

«У насъ есть критика и нѣтъ литературы,» гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ не достаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова [уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ

---

[1] Что письмо это написано вскорѣ послѣ предыдущаго письма къ Рылѣеву, а не 24 марта 1824, какъ указываетъ г. Анненковъ, подтверждается увѣдомленіемъ Рылѣева и отвѣтомъ Бестужева отъ 12 февраля 1825 г. [Соч. Рылѣева, 1874, стр. 206].

[2] Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 годовъ—въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г. Статья была прислана Пушкину еще до выхода альманаха въ свѣтъ, а самый альманахъ посланъ изъ Петербурга 25 марта.

lib.pushkinskijdom.ru

истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга] и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова.—Кумиръ Державина, $^1/_4$ золотой $^3/_4$ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. «Ода къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей», «Ода Богъ»—съ «Одой на смерть Мещерскаго», «Ода къ Зубову» недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ—Крыловъ, который столь же выше Ляфонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо. — Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ [У одного только народа, критика предшествовала литературѣ—у германцевъ], не можетъ почесться уложеніемъ вкуса.—Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны—вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать на оборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

«Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?» Во первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

«Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу.» Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другаго. Карамзинъ кажется ободренъ, Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ—также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго—и не говорю: слава Богу!

lib.pushkinskijdom.ru

«Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты.» Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своихъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Во первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowley и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо* очень умно, но все таки ты не правъ; все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана [первыя 5 пѣсней—другихъ не чи-

* Оно помѣчено 9 марта и не могло быть получено въ Михайловскомъ черезъ 3 дня, почему мы и сочли неправильнымъ указаніе Анненкова на помѣту настоящаго письма: 12 марта, вмѣсто 21-го.

lib.pushkinskijdom.ru

талъ], но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же.—Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бъ коснулся я сатиры.—Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ. Ахъ, если бъ заманить тебя въ Михайловское!... Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе [gracieuse] Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ [что очень рѣдко со мною случается]. Симъ заключаю полемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію.—Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.—Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ.—Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во первыхъ, какъ истинный талантъ; во вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc.—Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры!...

21 марта. Михайловское.

9. КЪ РЫЛѢЕВУ.

[Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825].

Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу—не счелъ за

lib.pushkinskijdom.ru

нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ [loci topici]: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ [исключая Ивана Сусанина—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ].

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи.* Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый Орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.»

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?—Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

10.

[Изъ Михайловскаго. Въ концѣ апрѣля 1825].

Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

---

* Ср. выше стр. 90.—«Войнаровскій» и отдѣльное изданіе «Думъ» вышли одновременно. «Исповѣдь Наливайко» помѣщ. въ Пол. Звѣздѣ на 1825.

lib.pushkinskijdom.ru

«О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, тріумфъ—минуту,
А добродѣтль вѣкъ живетъ.»

Прочти посланіе къ Александру [Жуковскаго 1815 г.]. Вотъ какъ русской поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего п...ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!...

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ [прелесть!] подражаніяхъ—прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ* напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все начисто.—Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на

* «Ревельскій турниръ» въ Полярной Звѣздѣ на 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

солнцѣ въ полночь [стр. 330], etc: но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ — прелесть; конецъ также. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

11.

[Изъ Михайловскаго. 30 ноября 1825].

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься. — Радуюсь и твоимъ занятіямъ. — Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій, таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить. — Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо. — Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями, etc. — Однако поэмы мои скоро выйдутъ.* И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ — молокососъ, Плѣнникъ — зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя — Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ «Пчелѣ»? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что

* Изданіе поэмъ тогда не состоялось. Плетневъ предлагалъ это Пушкину въ августѣ 1825 г. [Вѣстн. Евр. 1881, № 3], но за тѣмъ дѣло остановилось только на изданіи мелкихъ стихотвореній.

lib.pushkinskijdom.ru

я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ — поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ но стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Лямартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его «Духи»?[1] До сихъ поръ я ихъ не читалъ. — Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву,[2] какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 ноября.

[Адресъ: «Его высокобл. Кондратью Ѳедоровичу Рылѣеву, въ Спбгѣ, у Синяго моста, въ домѣ Американской Компаніи. Прошу доставить г. Бестужеву].

Штемпель: «Опочка 3 декабря».

12.[3]

[Декабрь 1825].

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ.[4] Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что — славаБогу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гугу! Почему

---

[1] Шекспировы Духи, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1825.

[2] Намекъ на то, что Рылѣевъ имѣлъ обыкновеніе предварительно набрасывать планъ или конспектъ для своихъ «Думъ».

[3] Кстати приводимъ этотъ черновой отрывокъ, сообщенный г. Анненковымъ.

[4] См. 7-е и 8-е письма Рылѣева къ Пушкину, въ соч. Рылѣева, стр. 212—214. Послѣднее изъ нихъ писано въ исходѣ ноября 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста — нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ [NB. мое дворянство старѣе]. Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно рускихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ [кромѣ меня] изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего — такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

XV. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

[Одесса. 22 октября 1823].

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa; je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre. Comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi, c'est à dire que je ne montrerai pas votre épitre à m. de S., comme j'en avais d'abord l'intention, en ne lui cachant que jettais sur vous l'intérêt d'un caractère byronique, et voici ce que je me suis proposé. Votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables. En révanche j'y ai préparé tout au long une belle réforme dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre. J'y commence

lib.pushkinskijdom.ru

par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job. Je vois votre vanité et votre passion à travers l'affectation de votre cynisme etc. Le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet. Mais comme vous êtes toujours mon maître en fait de moral, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils. Mais dépêchez vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles. Votre frère m'a dit que Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux. Mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une lettre.*

Octobre 22, 1823. Odessa.

XVI. КЪ ФИЛИППУ ФИЛИППОВИЧУ ВИГЕЛЮ.

[Изъ Одессы въ Кишиневъ, послѣ 22 октября 1823].

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ.
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ,
И не найду твоихъ слѣдовъ.
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ:
Содомъ, мы знаемъ, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И прародительскимъ грѣхомъ.
На всякій случай, милый другъ,

* Это и слѣдующіе три черновые наброска писемъ сохранились въ бумагахъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Явлюсь къ тебѣ; своей . . . .
Бесѣдою служить я радъ,
Стихами, прозой, всей душою
Но, Вигель, пощади мой..... *

Это стихи, слѣдственно шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю вамъ разсѣяться хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыя вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ думаю

* До напечатанія по черновой рукописи этихъ стиховъ, существовалъ въ печати слѣдующій, вѣроятно, поправленный текстъ:

Проклятый городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ,
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ пламенѣя,
И пестрый домъ Варѳоломея
И лавки грязныя жидовъ.
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но съ этимъ милымъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я къ лести вовсе непривыченъ:
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
И просвѣщеньемъ, и умомъ,
Красою женщинъ и садами,
Великолѣпными пирами,
И прародительскимъ грѣхомъ;
А здѣсь, какъ бы на зло судьбѣ,
Ни сводни, ни книгопродавца,
И развѣ вечеромъ къ тебѣ
Придутъ два милые красавца.

Въ черновыхъ тетрадяхъ сохранился еще набросокъ о Кишиневѣ:

Тѣснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Болтливый грекъ, и турокъ молчаливый,
И важный персъ, и хитрый армянинъ.....

lib.pushkinskijdom.ru

годенъ къ употребленію въ пользу..... меньшой. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ. Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ А..... жезлъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній.* Пульхеріи В. [Варѳоломей] объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодъ, грязь. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій..... Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки.....

XVII. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

[Одесса. Въ ноябрѣ 1823].

Oui, sans doute, je l'ai devinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Odessa, ci-devan hermite de Kicheneff. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folies, de tourments, d'esprit, de grâce, de mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, mes facultées s'anéantissent. J'ai perdu jusqu' au talent des carricatures, quoique la femme du pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait un bon homme

* Сравн. у Липранди, въ Р. Арх. 1866, стр. 1231—2.

lib.pushkinskijdom.ru

de poète, le petit bout de moi qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction que vous avez fait dans le tems. Mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du ciel. Nous avons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concert, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai m-me de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? Encore une foi, venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte.

Quand à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter [quoique par grand hazard elle ne fut point contrepointée], ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets.

XVIII. КЪ ИВАНУ НИКИТИЧУ ИНЗОВУ?

[Одесса. Послѣ 8 декабря 1823].

Je vous envoye, général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtems. Veuillez recevoir mes remercîments. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Le suis confus de n'avoir pu jusqu'à présent vous passer cette dette. La faute est que je creuvais de misère. Agréez, général, l'assurance de mon profond respect.

lib.pushkinskijdom.ru

XIX. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ КРИВЦОВУ.

1823—1831.

1.

[Изъ Одессы. Декабрь 1823 ?].

Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О дружба, дружба! [1]

2.

[Изъ Москвы. 10 февраля 1831].

Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе.[2] Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? [3] Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, [4] а я женатъ, или почти. Все,

---

[1] Мы относимъ это письмо къ 1823 году, потому что въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 20 декабря 1823 г. Пушкинъ пишетъ, что ждетъ отвѣта Кривцова. Кромѣ того въ слѣдующемъ письмѣ, уже 1831 г., онъ упоминаетъ о полученіи письма Кривцова, отъ 1824 г., которое вѣроятно и было писано въ отвѣтъ на настоящее.

[2] Борисъ Годуновъ.

[3] Кривцовъ въ это время былъ въ отставкѣ послѣ своего губернаторства въ Тамбовѣ. Біографическія свѣдѣнія о немъ въ Р. Архивѣ 1864.

[4] Нога у Кривцова была отнята вслѣдствіе раны, полученной при Кульмѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il' n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью.

У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

10-го февраля 1831.

XX. КЪ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШИШКОВУ.

[Изъ Одессы. 1823—1824].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ;* ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Милостивый государь», «лестное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорнѣйшій слуга», — такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать

* А. А. Шишковъ, давнишній знакомецъ Пушкина [см. «посланіе» въ I томѣ], племянникъ А. С. Шишкова. Онъ издалъ свои стихотворенія въ двухъ сборникахъ «Восточная Лютня» [М. 1824] и «Опыты Александра Шишкова 2-го» [М. 1828]; а его переводы въ стихахъ нѣмецкихъ драмъ составили сборникъ: «Избранный нѣмецкій театръ» [4 ч. М. 1831]. Онъ умеръ въ крайней бѣдности въ 1834 г. Посмертное изданіе его сочиненій и переводовъ сдѣлано Россійской Академіей, въ 4 частяхъ, въ 1834—1835 годахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть и поповѣсничать и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятелъ Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ тифлискими виноградниками? Если у тебя есть что нибудь, пришли мнѣ — право сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе. — А. Пушкинъ.

Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу.[1] Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами—любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ — наврядъ.

XXI. КЪ ѲАДДЕЮ ВЕНЕДИКТОВИЧУ БУЛГАРИНУ.

1.

[Изъ Одессы. 1 Февраля 1824].

Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ «Листкахъ» здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла.[2] Это въ людяхъ бѣда небольшая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса 1-го февраля 1824.

---

[1] Казначеевъ—правитель канцеляріи гр. Воронцова въ Одессѣ, почему и письмо мы отнесли къ одесской жизни Пушкина, а не въ 1822 г., какъ П. В. Анненковъ.

[2] Элегія [Простишь ли мнѣ] и «Нереида», см. выше, стр. 164. Оба стихотворенія были перепечатаны въ № 4 «Литературныхъ Листковъ», томъ самомъ, гдѣ черезъ 10 страницъ Булгаринъ помѣстилъ и выписку изъ письма Пушкина къ Бестужеву о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ. — Въ письмахъ къ брату и кн. Вяземскому Пушкинъ упоминаетъ о своихъ письмахъ къ Булгарину, но неизвѣстно, сохранились ли они.

lib.pushkinskijdom.ru

XXII. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

[Изъ Одесы. Мартъ 1824].

...Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? — Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu' il ne peut exister d'être intelligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная .....*

XXIII. КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ КАЗНАЧЕЕВУ.

1824.

1.

[Въ Одессѣ. 25 Мая 1824].

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ — не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства [гр. Воронцовъ]. Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ началь-

* Это письмо, изъ котораго извѣстенъ только приведенный отрывокъ, было прочитано на почтѣ и послужило главнымъ поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Одессы. По указанію А. И. Левшина, бывшаго тогда правителемъ походной канцеляріи гр. Воронцова, докторъ-атеистъ Гунчисонъ, учившій Пушкина философіи атеизма, впослѣдствіи, въ Лондонѣ, былъ ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви.

lib.pushkinskijdom.ru

никомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риѳмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другаго.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжной торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника кромѣ его сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку — я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы можетъ быть не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ я ношу

lib.pushkinskijdom.ru

съ собою смерть.... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.[1]

2.

[Въ Одессѣ. 1824],

Весьма сожалѣю, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія — я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ

---

[1] Казначеевъ къ Пушкину относился очень дружелюбно. — Оба письма [второе въ переводѣ съ франц.] напечатаны г. Анненковымъ по черновымъ оригиналамъ. Недоразумѣнія съ гр. Воронцовымъ были вызваны первоначально эпиграммами Пушкина на служившихъ въ канцеляріи графа, на посѣтительницъ графскихъ баловъ и пр. Воронцовъ изъявилъ поэту свое неудовольствіе, а тотъ, по словамъ Липранди, сказалъ гдѣ-то слѣдующій экспромтъ:

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько времени графъ назначилъ его, въ числѣ другихъ, въ командировку по истребленію саранчи, но Пушкинъ принялъ это за личную обиду и написалъ графу письмо «въ сильныхъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ» [Липранди. Р. Арх. 1866]. Говорятъ также, что на дѣлѣ о саранчѣ Пушкинъ сдѣлалъ надпись:

Саранча летѣла, летѣла —
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла — все съѣла,
И вновь улетѣла.

lib.pushkinskijdom.ru

говорите о покровительствѣ и дружбѣ — двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство [мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ]. Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стóятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного — независимости [простите мнѣ это слово ради самаго понятія]. Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ ужъ я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе — писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, ужъ кажутся мнѣ товаромъ, по столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей [мнѣ не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья]. Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ пришлаго пошляка изъ англичанъ [le premier galopin anglais], который пріѣзжаетъ къ намъ безпечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье [sa nonchalente platitude et son baragoin]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставлю его въ покоѣ наслаждаться тріумфомъ, потому что также мало цѣню общественные мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ.

XXIV. КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

[Изъ Михайловскаго. Іюль 1824]

Стыжусь, что доселѣ не имѣю духу исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ.* Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи.

* Дѣло идетъ о предполагавшемся бѣгствѣ за границу.

lib.pushkinskijdom.ru

XXV. КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ДАМѢ.

[Изъ Михайловскаго въ Одессу. Въ концѣ сентября 1824].

Ваша тихая дружба[1] могла бы удовлетворить всякую душу, менѣе эгоистическую, чѣмъ моя; но и теперь, каковъ бы я ни былъ — она, дружба эта, еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки [la rage de l'ennuie], которая поѣдаетъ мое глупое существованіе. Сбылось все, что я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки. Правительство.... вздумало предложить моему отцу роль своего агента въ преслѣдованіи меня.[2] Отецъ имѣлъ слабость принять порученіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ его въ ложное положеніе относительно меня. Меня стали попрекать ссылкой; заявлять страхъ, что мое несчастіе вовлечетъ и другихъ въ погибель; подозрѣвать, что я проповѣдую безбожіе моей сестрѣ, которая есть небесное созданіе, и брату, который очень забавенъ и веселъ. А изъ этого выходитъ, что я провожу въ поляхъ все то время, когда не лежу въ постелѣ. Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море — производитъ во мнѣ тоску; шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, что я сталъ бы плакать отъ бѣшенства при видѣ яснаго неба. Что касается до моихъ сосѣдей, я едва ознакомился съ ними; я пользуюсь между ними репутаціей Онѣгина. Единственное развлеченіе мое составляетъ добрая, старая сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ея патріархальные разговоры

---

[1] Особу эту Пушкинъ называетъ «belle et bonne princesse». Этотъ переводъ отрывка съ французскаго черноваго оригинала сообщенъ г. Анненковымъ въ его книгѣ: «Пушкинъ» и пр. [стр. 269].

[2] Начальникъ края, маркизъ Паулучи, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца Пушкина: принять надзоръ за поступками сына.

lib.pushkinskijdom.ru

въ то время, какъ ея дочки.... разыгрываютъ мнѣ Россини.... Лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ ли можно и желать, но скука — это холодная муза, и романъ не подвигается. Однако же кланяюсь вамъ одной строфой. Покажите ее W. и попросите его не судить о всемъ по этому образчику....

XXVI. КЪ Д. М. К.

[Изъ Михайловскаго въ Одессу. Сентябрь 1824].

Слово живое объ Одессѣ; напишите, что у васъ; выздоровѣла ли Катинька? [Гика].

XXVII. КЪ ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,

съ проектами писемъ на высочайшее имя и съ письмами къ Адеркасу и Мойеру.

1824—1834.

1.

[Изъ Михайловскаго. 31 октября 1824].

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бу-

lib.pushkinskijdom.ru

магу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ...

Отецъ мой воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ, и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить!..

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. А. П.

31 октября.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

[Г. Анненковъ приводитъ отрывки изъ этого же письма по сохранившемуся черновому наброску]:

Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и обласканъ.... но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно

lib.pushkinskijdom.ru

твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата.... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть, Пещуровъ, осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку — короче, быть моимъ шпіономъ!... ...Желая наконецъ вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова.... Отецъ разсердился, закричалъ — я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: «что говорю ему въ послѣдній разъ». Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ! потомъ, что хотѣлъ бить... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія.... Спаси меня!... ...Я сосланъ за одну строчку глупаго письма; если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что поднялъ руку на отца — посуди, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой.

Псковскому губернатору.

Милостивый государь Борисъ Александровичъ!* Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мни-

---

* Борисъ Антоновичъ [а не Александровичъ] фонъ-Адеркасъ. Письмо не дошло по адресу, потому что посланный привезъ его обратно, не заставъ губернатора въ Псковѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

тельность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

2.

[Изъ Михайловскаго. 24 ноября 1824].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! За чѣмъ же обвинять было сына? [1] Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только.[2] Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что жъ, милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой гречанки? Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! она родня поэтамъ по поэзіи; но А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего...

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидищь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

24 ноября.

---

[1] Въ черновомъ наброскѣ: «Экой дуракъ! Въ чемъ онъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!.. Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ».

[2] Тоже: «да онъ убилъ его словами!»

lib.pushkinskijdom.ru

[Адресъ: «Его высокобл. м. г. Василію Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ».—Штемпель 1 декабря 1824. Опочка].

3.

[Тоже. Декабрь 1824].

Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живое. Восьмилѣтняя Родося Сафіоносъ, дочь грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупянской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи. Нельзя ли сиротку пріютить? Она племянница русскаго полковника, слѣд. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье.— О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, вываливая, что̀ у меня на сердцѣ. — Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ кого можно; прочимъ — всю душу.

ПРОЕКТЪ ПРОШЕНІЯ ГОСУДАРЮ. *

Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался — мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безче-

* Приводимъ кстати этотъ проектъ, написанный въ концѣ 1824 или въ началѣ 1825 г. подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ тогда находился Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

стилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести.

Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету...*

4.

[Изъ Михайловскаго. Май — іюнь? 1825].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бъ царь меня до излеченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. [Карамзину] два года ничего не писать противу правительства — и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ

---

* Этотъ проектъ въ переводѣ съ французскаго подлинника приведенъ въ книгѣ г. Анненкова. «Пушкинъ» Спб. 1874, стр. 142—143.

lib.pushkinskijdom.ru

пятистопныхъ безъ риѳмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу пофранцузски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ.[1] Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И. . . . . .[2]

Надпись къ Гёте, Ахъ, если бъ мой милый, Генію — все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія.[3] Жалѣю; что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ —

---

[1] Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года.

[2] Пушкинъ пародируетъ начало посланія Жуковскаго къ Блудову: «Счастливаго пути любезному желаю» и пр. Кстати укажемъ, что еще въ 1818 г. по поводу стих. Жуковскаго «Тлѣнность», написаннаго бѣлыми стихами, Пушкинъ, тоже пародируя начало, сказалъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что̀, если это проза,
Да и дурная?...

[3] Онъ былъ въ Михайловскомъ въ концѣ апрѣля 1825 г. Сопоставляя же съ этимъ письмо къ Дельвигу, отъ 23 іюня 1825 г., гдѣ говорится о замѣнѣ «прошенія», слѣдуетъ отнести настоящее письмо къ маю или іюню.

lib.pushkinskijdom.ru

или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза.[1] — Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыганокъ? Вотъ нà! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ [если не укралъ этого]. Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ.

[Къ этому письму приложено черновое прошеніе]

[Obligé de reconnaitre l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce] je me [fer] serois fait un devoir de [la] supporter ma disgrace dans un respectueux silence, si la nécessité [seule peut me contraindre] ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu' à présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'ajourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majésté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.[2]

Переводъ. [Обязанный признать снисходительность в. в—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости], я долгомъ бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, если бы необходимость [одна, можетъ меня побудить], не побуждала меня нарушить его.

Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего нрава. Нынѣ сознаюсь, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю ваше величество дозволить мнѣ удалиться куда нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишенъ всякой помощи.

---

[1] Въ переводѣ Жуковскаго эта баллада Шиллера названа «Кубокъ».

[2] Въ скобкахъ поставлено зачеркнутое въ подлинникѣ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

5.

[Изъ Михайловскаго. Іюнь — іюль? 1825].

Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно,[1] тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства. — Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ леченіи лошадей.[2]

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства. — Обнимю тебя горячо. — А. Пушкинъ.[3]

182..... Михайловское.

---

[1] Въ іюнѣ 1825 г. Пушкину разрѣшено было лечиться въ Псковѣ. Г. Бартеневъ, неправильно отнесшій это письмо къ 1826 г., для объясненія выраженія о «милости» придумалъ небывалое освобожденіе Пушкина въ 1826 г. отъ тройнаго надзора, тогда какъ такого предварительнаго освобожденія вовсе не было и Пушкинъ прямо получилъ полную свободу въ сентябрѣ 1826 г.

[2] В. Всеволодовъ — авторъ «Сокращенной патологіи скотоврачебной науки» 1817.

[3] Родные Пушкина, напуганные прежними письмами его о болѣзни, упросили Жуковскаго написать къ дерптскому профессору хирургіи Мойеру, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Псковъ для осмотра больнаго. Пушкинъ поспѣшилъ просить Мойера отложить поѣздку. Это письмо мы и приводимъ вслѣдъ за симъ [ср. также письмо къ Осиповой, отъ 29 іюля 1825].

lib.pushkinskijdom.ru

Къ Ивану Филиповичу Мойеру.

[Изъ Михайловскаго. 29 іюля 1825].

Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобъ отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго. — Александръ Пушкинъ.

Село Михайловское. 29 іюля 1825 г.

[Адресъ: «Его Прев., м. г., г-ну Мойеру, въ Дерптѣ». Штемпель: Опочка. 1825 г. іюля 30].

6.

[Тоже. 17 августа 1825].

Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и ей Богу первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ [бы] управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ то докторомъ-аматеромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина. Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, въ слѣдствіе чего читаю только Карамзина, да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя

lib.pushkinskijdom.ru

ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какого нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ. А мнѣ бы очень нужно. [1]

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій [Василій Алексѣевичъ] у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ и Везувій.

17 августа.

[Адресъ: «Его Высокобл. Василію Андреевичу Жуковскому въ Спбгѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія». Штемпель: Опочка. 1825 г. авг. 20].

7.

[Изъ Тригорскаго. 6 октября 1825].

На дняхъ увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ тележку и прискакалъ во Псковъ.[2] Губернаторъ принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лекаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ тол-

---

[1] Четіи-Минеи Пушкинъ читалъ при посѣщеніяхъ Святогорскаго архимандрита, которому былъ порученъ духовный надзоръ за нимъ. Объ этомъ надзорѣ сохранилась въ альбомѣ А. Н. Вульфа шутка поэта:

Дѣдушка-игуменъ
Былъ ли намъ пріятенъ?
Жилъ ли онъ межъ гуменъ
Иль межъ голубятенъ?
Дѣвушкамъ-красоткамъ
Онъ ли строилъ куры?
Бабушкамъ-devot' камъ
Говорилъ ли: куры
Отчего несутся?.... и пр.

[2] Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ въ Псковъ, говорятъ, Пушкинъ написалъ на стеклѣ въ гостинницѣ алмазомъ своего перстня:

Господинъ фонъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ;
Вы такой же ресторaторъ,
Какъ великій губернаторъ.

lib.pushkinskijdom.ru

комъ. — П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc. — Воля твоя, мой милый, ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. — 2-е. Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности — не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что̀ мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лечиться во Псковѣ мнѣ невозможно — и такъ погодимъ, авось ли царь что нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § [и самый важный]: Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: «прими его, какъ меня».[1] Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лечиться не намѣренъ — они не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело, а отъ другаго не хочу — будь онъ тебѣ разпріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру — это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество[2] — пусть трагедія искупитъ меня... Но до трагедій ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ ссылоч-

---

[1] Мойеръ былъ другомъ Жуковскаго и былъ женатъ на любимой его племянницѣ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, въ то время уже скончавшейся.

[2] Что государь проститъ его за трагедію. См. выше, стр. 37.

lib.pushkinskijdom.ru

ной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога — страшно подумать!

Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе незавидное, что̀ ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское 6 октября

8.

[Изъ Михайловскаго. Начало 1826].

Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому что мнѣ было не до себя, во вторыхъ за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно [оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости?[1] Напиши, сдѣлай милость. Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться [буде условія необходимы]; но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

И такъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

---

[1] Ср. письмо къ Дельвигу, выше стр. 139.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ,[1] съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.

Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

Я наконецъ былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ.

Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же довѣрять иногда къ счастію. Прости, будь счастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Алекс. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдственно я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба.

9.

[Тоже. 7 марта 1826].

Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ, излагаю здѣсь исторію моей опалы.[2] Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немедленнаго леченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю импе-

---

[1] Василій Ѳедосѣевичъ — майоръ камчатскаго полка, болѣе пяти лѣтъ просидѣвшій въ тираспольской крѣпости [съ 1822] и потомъ сосланный на поселеніе. О немъ подробности у Липранди [Р. Архивъ 1866].

[2] Письмо это было написано по настоянію Жуковскаго, для показа императору Николаю Павловичу, къ которому вскорѣ Пушкинъ обратился съ прошеніемъ, печатаемымъ нами вслѣдъ за этимъ письмомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ратору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное конечно всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. — Александръ Пушкинъ.

7 марта 1826 г Михайловское

[Адресъ: Василію Андреевичу Жуковскому.]

ПРОШЕНІЕ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ.

Всемилостивѣйшій государь.

Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку [въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ], рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

lib.pushkinskijdom.ru

Всемилостивѣйшій государь, ваше императорское величество, вѣрноподданный Александръ Пушкинъ. *

[Приложены: медицинское свидѣтельство о болѣзни и обязательство]:

Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года.

10.

[4 іюля 1834].

Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étante inconsiderée; и сказалъ, que j'aimais mieux avoir l'air inconsequant qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невесело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ недостало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести что̀ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна [Хитрова]. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня конечно трогаетъ. Но что жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

---

* Прошеніе это было представлено Псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу.

lib.pushkinskijdom.ru

11.

[6 іюля 1834].

Я право самъ не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе — какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все таки не могу. Въ такомъ случаѣ я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь — отчего письма мои сухи? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ, но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что̀ у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье. *

[На двухъ послѣднихъ запискахъ надпись: «В. А. Жуковскому»].

XXVIII. КЪ ПРАСКОВЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ОСИПОВОЙ.

1825—1835.

1.

[Изъ Михайловскаго 25 іюля 1825].

Voici, madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres, vous serez arrivé à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la decision de S. M. leur a paru un malentendn et l'on est résolu de Lui en

* Всѣ три письма см. ниже въ перепискѣ съ Бенкендорфомъ: отъ 3, 4 и 6 іюля 1834; ср. также письма къ женѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurai pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiement de vos nouvelles; donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 Juillet.

[Переводъ. Препровождаю къ вамъ, милостивая государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе его величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго, — которое, какъ бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ; умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.]*

2.

[Тоже. 29 іюля 1825].

Vous avez reçu, madame, de Pskow une lettre inutile que j'ai anéantie. Je vous envoye une autre de Batovo et une autre de ma mère: vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me

* Прасковья Александровна была въ первомъ замужствѣ за Николаемъ Ивановичемъ Вульфомъ и отъ этого брака имѣла дѣтей: Анну, Евпраксію и Алексѣя. Она, въ это время уѣзжала въ Ригу съ дочерьми Анной и Евпраксіей и племянницей Анной Петровною Кернъ [ур. Полторацкая] къ мужу послѣдней, генералу Ермолаю Ѳедоровичу Керну, бывшему тогда комендантомъ въ Ригѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

faire l'opération par Moer, je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskow. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient se hater d'y retourner; mais ce souhait tient trop à mon egoisme de famille; si Riga vous amuse, amusez vous et souvenez vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à. d. de Michailovsky): vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 Juillet.

Au nom du ciel, madame, n'ecrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer, cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

[Милостивая государыня. Вы получили изъ Пскова безполезное письмо, которое я уничтожилъ,* посылаю вамъ, другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сей часъ писалъ ему, умоляя его не пріѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; я уже давно утратилъ всякую надежду. — Рокотовъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и библіотеку. Тамошнее уединеніе полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспоминайте иногда изгнанника Тригорскаго

* Вѣроятно письмо къ Адеркасу выше, стр. 194.

lib.pushkinskijdom.ru

[т. е. Михайловскаго]: вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ безполезнымъ толкамъ: я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ].

3.

[Тоже. 1 августа 1825].

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc.: voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

[Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно.* Погода у насъ стояла ужасная, вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей].

4.

[Тоже. 8 августа].

C'est hier que j'ai reçu, madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible: elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous attendait vers la mi-Août: je n'ose l'espérer.

---

* Младшая дочь Осиповой — Екатерина Ивановна.

lib.pushkinskijdom.ru

Que vous disait donc m-r Kern concernant la surveillance paternelle de m-r Aderkas à mon égard? Sont-ce des ordres positifs? M-r Kern y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics? Je suppose, madame, qu'à Riga vous étes plus au fait des nouvelles européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg, je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne; mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenaître.

Adieu, madame; recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté: c'est vous qui m'avez fait aprécier le charme de la première.

8 Août.

[Адресъ: à M — me M — me Ossipoff, à Riga].

[Милостивая государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего пріѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронутъ я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души, и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богдановна сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ августа; я не смѣю надѣяться.

Что говорилъ вамъ Кернъ относительно родительскаго надзора Адеркаса надо мною? Не рѣшительныя ли это приказанія? Значитъ ли что нибудь Кернъ въ этомъ дѣлѣ, или это одни общественные толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что́ дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что же касается новостей петербургскихъ, я ничего не знаю, что тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте; примите увѣренія въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой].

lib.pushkinskijdom.ru

5.

[Тоже. 11 августа 1825].

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent, autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais, c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, madame, que les bruits qui sont venus à M-eur Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger: ces jours-ci j'ai été chez Pechtchouroff — l'avocat patelin, comme vous l'appellez. Il me croyait à Pskof [NB]. Je compte voir encore mon vieux négre de grand-oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins, et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, madame, votre tout dévoué.

11 Août.

[Адресъ: «Ея высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ»].

[Говорить ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. Керна, не вѣрны; но вы правы, ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете; онъ думалъ, что я въ Псковѣ [NB]. Я разсчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю.* Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а

* Генералъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ, послѣдній сынъ знаменитаго Арапа Петра Великаго.

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ].[1]

6.

[Тоже. 20 февраля 1826].

Madame. Voici le nouveau poême de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiments: vous en serez enchantée.

Je présume, madame, que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky; où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 Février.

Veuillez, madame, présenter mes hommages à M-elle votre fille, ainsi qu'à M-elle Netty.[2]

[Вотъ новая поэма Баратынскаго, присланная мнѣ Дельвигомъ. Это образецъ граціи, изящества и чувства. Вы будете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время весело, но не на столько однако, чтобъ совсѣмъ забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ. Примите и пр.... Передайте мое почтеніе вашей дочери, а также M-elle Нетти].

7.

[Изъ Пскова. 4 сентября 1826].

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait:

---

[1] Ниже помѣщено письмо къ Осиповой, отъ 28-го августа, не дошедшее къ ней по желанію самого Пушкина [см. письма къ А. П. Кернъ].

[2] Въ началѣ 1826 г. Осипова отправилась въ тверское свое имѣніе, съ старшею дочерью Анною Николаевной. Нетти — Анна Ив. Вульфъ, племянница Осиповой.

lib.pushkinskijdom.ru

chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'a moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre, je reviens en toute hâte à Trigorsky où desormais mon coeur est fixé pour toujours.

Pskow, 4 Sept.

[Я полагаю, м. г., что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько же, сколько и меня.* Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъегеря; мнѣ дали его для безопасности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа этого мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, поспѣшу возвращеніемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынѣ всегда приковано].

8.

[Изъ Москвы. 15 сентября 1826].

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire; cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué, et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 Sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la C-esse Orlof; un immense

* Въ ночь съ 3-го сентября 1826 г. въ Михайловское пріѣхалъ изъМосквы фельдъегерь и помчался обратно съ Пушкинымъ черезъ Псковъ въ Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

manège a été converti en salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements, très sévères concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que m-lles Annettes sont déjà à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie. Pouchkine.*

Moscou. 13 Sept.

[Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ, и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ, какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 сентября, у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ саженями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб., и пригласила 1000 человѣкъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не видавъ его, не могу о немъ ничего сказать. Простите непослѣдовательность письма; оно вполнѣ передаетъ вамъ непослѣдовательность настоящей

* Письмо это не отъ 13 сентября, какъ помѣтилъ Пушкинъ, а отъ 15, такъ какъ онъ самъ говоритъ въ началѣ письма, что онъ уже восемь дней въ Москвѣ, и за тѣмъ упоминаетъ, что пишетъ 15 сентября.

lib.pushkinskijdom.ru

моей жизни. M-elles Annetes * вѣроятно уже въ Тригорскомъ; посылаю имъ издалека сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр.].

9.

[Изъ Петербурга. Весной 1827].

Je suis bien coupable envers vous, mais pas tant que vous pourrez le penser. Arrivé à Moscou, je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на ваше имя въ почтамтъ. Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous dirai-je, madame, de mon séjour à Moscou et de mon arrivée à P. B. L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsky, à peu près comme arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous.

[Адресъ: «Ея высокор. П. А. Осиповой въ Опочку»].

[Я очень виноватъ передъ вами, но не столько однако, какъ вы можете подумать. По пріѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ же писалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось что вы ихъ не получали. Это меня смутило, и я не бралъ пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Петербургъ? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я вы-

* Анна Николаевна и Анна Ивановна.

lib.pushkinskijdom.ru

бралъ бы Тригорское, почти также, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ». Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно разсчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покамѣстъ кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всего моего сердца].

10.

[Изъ Петербурга. 24 января 1828].

Je suis si honteux, madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire, que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de votre amitié, souvenir qui me sera étérnellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre existence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette existence est assez sotte; et que je brule de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon desir. Je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg, m'est devenu tout à fait étranger — je les supporte avec impatience. J'aime meiux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, madame, que mes gouts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poéte.

Agréez, madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve M-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait elle beaucoup de conquêtes?

A. P.

24 Janvier.

[Адресъ: «à Madame Ossipof». «Рукою Осиповой: année 1828»].

[Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ

lib.pushkinskijdom.ru

дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снисхожденіемъ, придаютъ мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои цвѣты на дипломатическія тернія, разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите,что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось M-elle Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ *].

11.

[Изъ Петербурга. Мартъ 1829].

Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour M-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question. Je ne sais, madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est il vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуѐво. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, madame, vous et toute votre famille l'assurance de mon respect, de mon amitié, de mes regrets et de mon parfait devouement.

[Помѣта, Осиповой: reçu le 13 de Mars 1829].

---

* Написано въ Тверскую губернію, гдѣ въ это время была П. А. съ дочерьми, изъ которыхъ здѣсь упоминается о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ. Дельвигъ отправлялся въ это время съ женою въ Харьковъ, и по пути предполагалъ посѣтить Осипову.

lib.pushkinskijdom.ru

[Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для M-elle Евпраксіи, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду ли имѣть счастіе видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда ли это? И однако, я все же разсчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуёва.* Какъ ни устроивай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ, и въ моей совершенной преданности].

12.

[Изъ Болдина. Сентябрь 1830].

C'est dans la solitude de Boldino, madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je le suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de B. Л. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il parait que la crainte de la choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! Ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou; je suis cerné par toute une echelle de quarantaines et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après demain, et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot toujours qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en

---

* Другое названіе Пушкинскаго с. Михайловскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

souviens pas, madame. Mais en tout cas ce mot ne peut-être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical; et je vous supplie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'egoïsme: nous voyons, que dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur..... c'est un grand peut être, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serais à Pétersbourg, vous recevrez, madame, tout ce que j'ai imprimé; mais ici je n'ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, madame, de mon coeur, vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement. A. Pouchkine.

[Адресъ: «Ея высокор. м. г. Пр. Ал. Осиповой въ Опочку»].

[Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполнѣ оцѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л.* Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнью холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могу добраться до Москвы; меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, такъ какъ Нижегородская губернія — средоточіе эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время про-

* Василій Львовичъ Пушкинъ [ум. въ августѣ 1830 года].

lib.pushkinskijdom.ru

ѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слòва всегда, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знакомъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалѣю, если эта фраза имѣетъ недружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, чтò вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастію можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастіе—это великое можетъ быть, какъ говорилъ Рабеле о раѣ или о вѣчности. Я атеистъ относительно счастія, я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только пріѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, чтò я напечаталъ; отсюда же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности. А. Пушкинъ].

13.

[Изъ Царскаго Села. 29 іюня 1831].

Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au

lib.pushkinskijdom.ru

milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute s'est apaisée; mais les désordres se sont renouvellés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui jusqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies de l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je, me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoé-Sélo. 29 Juin 1830.

[Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое. *

* Е. Н. Вульфъ выходила замужъ за бар. Бориса Александр. Бревскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли и она ежеминууно приходить мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жены моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее предпредставить].*

---

* 1830 г., которымъ помѣчено это письмо — явная описка вмѣсто 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли и она ежеминууно приходить мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жены моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее предпредставить].*

---

* 1830 г., которымъ помѣчено это письмо — явная описка вмѣсто 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

14.

[Изъ Царскаго Села. 29 іюля 1831].

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur — prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'O—a, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrets, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorod dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les medecins ont été massacrés avec un rafinement d'atrocité! L'Empereur y est allé, et a apaisé l'emeute avec un courage et un sangfroid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux emeutes, et les emeutés à sa présence. Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Si cette vérité était connue avant, nous eussions evité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remêts en vos mains mes interêts et mes projets. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu, je tiens à être votre voisin et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qu'il parait, vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes esperances.

lib.pushkinskijdom.ru

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma considération. Je salue toute votre famille.

29 Juillet. Zarskoé Sélo.

[Адресъ: Ея Высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Опочкѣ, въ селѣ Тригорскомъ].

[Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца — благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ относилъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ ними, о шалости О—и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться уже нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете ли, что въ Новгородѣ, въ Военныхъ Поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подъ тѣмъ же нелѣпымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительной храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Если бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву — деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобы рецептъ этотъ не понадобился вамъ въ Тригорскомъ. — Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино[1] или за какое другое мѣ-

[1] Деревня въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ, которую Пушкинъ хотѣлъ купить. См. предыдущее письмо.

lib.pushkinskijdom.ru

сто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе чѣмъ бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ. — Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству].

15.

[Изъ Петербурга. Январь 1832].

Recevez, madame, mes bien sincères remerciments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique [à présent celui de Leon]. Il doit contenir [j'entends le coffre et non Nikita] ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à-fait gâté.

Je vous envoye, madame, les «Сѣверные Цвѣты» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins de contes à dormir débout; je souhaite que cela vous amuse un moment. Nous avons appris ici la grossese de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embelissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. A. P.

[Помѣта Осиповой: reçue le 14 de Janvier 1832].

lib.pushkinskijdom.ru

[Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость — потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ по просьбѣ Никиты, моего слуги [теперь Лёвинова]. Онъ долженъ заключать въ себѣ [т. е. сундукъ, а не Никита], вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», которыхъ я недостойный издатель. Это — послѣдній годъ этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ казаться намъ недавнею. Прилагаю къ этому снотворныя сказки; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услыхали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ; дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью.

Благоволите, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи и неизмѣнной преданности].

16.

[Изъ Петербурга. Осенью 1832].

— M-r Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assis-

lib.pushkinskijdom.ru

tion tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême: j'en aurai bientôt un на Фурштатской, въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée comme nous tous. Il n'est rien de plus sage, que de rester dans son village et d'arroser ses choux — vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille.

[Г. Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштадтской, въ домѣ Алымова». Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ так же какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту — старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся ли нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо если бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству].

17.

[Изъ Петербурга. Май 1833].

— Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre aimable

lib.pushkinskijdom.ru

lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espêces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés, ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiètude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage.

[Адресъ: Ея высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ. Помѣта: reçue le 20 de Mai 1833].

[Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, дорогая Прасковья Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякаго рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ имъ сопутствовать!].

---

lib.pushkinskijdom.ru

18.

[Изъ Петербурга. 29 іюня — 13 іюля 1834].

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même interêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais hônnete homme et, pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complête; je veux seulement n'être pas volé et payer les interêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pas pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié. A. P.

29 Juin S. P. B.

lib.pushkinskijdom.ru

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

[Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, добрая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейхмана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную миниту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго раззоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносить проценты въ ломбардъ. Улучшенія придутъ впослѣдствіи. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленіе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стòитъ того, чтобы его спасти, хотя бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или по меньшей мѣрѣ бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непріятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго раззоренія. Если бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите пе-

lib.pushkinskijdom.ru

редать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П. 29 іюня. Спб.

13-го іюля. Это письмо должно было бъ быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ; не знаю, какъ случилось, что оно не было послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все таки располагаю явиться къ вамъ].

19.

[Изъ Петербурга. Въ исходѣ августа 1835].

Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez vous, que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour dire au maître de poste, que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à extrémité; elle était venu de Pavlovsk pour chercher un logement et elle est tombée subitement en faiblesse chez M-r Княжнинъ où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Nathalie en bût à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux, qu'elle soit si élégante, quand son beau père et sa belle mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Nathalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venu établir chez moi, Nathalie, comme de raison, l'aurait reçue; mais une maison froide, remplie de marmailles et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà

lib.pushkinskijdom.ru

déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi je fais de la bile et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute süße Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

[Адресъ: Ея высок. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ, оттолѣ въ село Тригорское].

[Вотъ я и въ Петербургѣ, милостивая государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило отъ того, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда кого нибудь изъ нашихъ людей, сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ этому печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служитъ цѣлью для злыхъ нападокъ свѣта. Повсюду говорятъ — какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человѣкъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало быть, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ ни при чемъ и за все долженъ быть въ отвѣтѣ я. Если бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями — едва ли годится для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее уже переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи.

lib.pushkinskijdom.ru

Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая M-me Осипова, жизнь — при всемъ томъ, что она «сладкая привычка» — содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца].

20.

[Изъ Петербурга. 26 декабря 1835]

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de reçevoir votre lettre du 27 Novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plûpart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

lib.pushkinskijdom.ru

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois. [Помѣта Осиповой: «je ne l'ai jamais reçu»].

[Наконецъ, милостивая государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что̀ подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю̀ вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ протекло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ собственныхъ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою. — 26 декабря.

Вексель вашъ готовъ и я вышлю его въ слѣдующій разъ.

[Помѣта Осиповой: «Я его никогда не получала»].

lib.pushkinskijdom.ru

XXIX. КЪ АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВУЛЬФУ.

1824—1829.

1.

[Изъ Михайловскаго. 20 сентября 1824].

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
[Не Михайловской прикащикъ],
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ — ужъ молчи!
Чудо — жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи́,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни — любви посвящены,
Ночью — царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданія, мой милый. А. П.

Приписка сестры Алексѣя Николаевича Вульфа, Анны Николаевны: Александръ Сергѣевичъ вручилъ

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно сбирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это будетъ только на словахъ. — Пожалуста отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову и ежели можешь употреби все стараніе уговорить его, чтобъ онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣстъ пожалуста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство ва счетъ А. П. кончилось Пожалуста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ. Я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта; не забывай тебѣ душой преданную Анну Вульфъ. — Сентября 20, 1824 года. — Левъ тебя цѣлуетъ.

Адресъ: «Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфу въ гор. Дерптъ».

2.

[Тоже. Весною 1825].

Любезный Алексѣй Николаевичъ — благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія — прелесть. Въ посланіи послѣ тобой хранимаго, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. А. П.

[На оборотѣ рукою Осиповой написано: «Очень хорошо бы было когда бъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ.»].

3.

[Тоже. Сентябрь 1825].

Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ со-

lib.pushkinskijdom.ru

чиненіяхъ; чортъ съ ними и съ цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ. — Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc. Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи на «Подите прочь».*

4.

[Тоже. Октябрь 1825].

Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если [что можетъ случиться] деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же [что также случается] денегъ нѣтъ — то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились. Что скажу вамъ новаго! Вы, конечно, уже знаете все, что̀ касается до проѣзда Анны Петровны [Кернъ]. Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ бы я очень исполнить

* Эти стихи Языкова: «Подите прочь — теперь не ночь» и пр. Вульфъ прислалъ изъ Дерпта Пушкину. — На письмѣ помѣта о полученіи его въ сентябрѣ 1825. Въ этомъ и слѣдующемъ письмѣ условный языкъ, подъ видомъ разговора объ изданіи — цензоръ, наборщики — извѣстные агенты; посылка и удержаніе коляски — успѣхъ или неуспѣхъ плана бѣгства за границу.

lib.pushkinskijdom.ru

желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой, вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.
Нѣтъ, Бога ради,
Нельзя ли... и пр.

Не написалъ ли Языковъ еще чего нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ — мы будемъ очень благодарны.

[Адресъ: «Его благ. А. Н. Вульфу, въ Дерптъ и помѣта Вульфа: 10 окт. 1825].

5.

[Тоже. Май 1826].

Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — добро. Однако я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. — Неправда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ, скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете ли вы письма отъ Анны Ник. [съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ] и что дѣлаетъ Вавилонская блудница N. N.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ противъ почтеннаго Е. Ѳ. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичь: привезите же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

[Рукою А. Н. Вульфа приписано. «7 Мая, 1826 года». Адресъ: «Его благ. А. Н. В. въ Дерптъ»].

lib.pushkinskijdom.ru

6.

[Изъ села Малинники. 27 октября 1828].

Тверской Ловеласъ С. Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня [въ моральномъ отношенія], и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. — Требуемыя отъ меня поясненія, на счетъ вашего петербургскаго поведенія, далъ я съ откровенностію и простодушіемъ, отъ чего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна. Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здраствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

27 окт. 1828 года.

[Адресъ: Его благ. А. Н. Вульфъ].

7.

[Изъ села Малинники. 16 октября 1829].

Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. 1. Въ Маллинникахъ засталъ я одну Анну Никол. съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

дующее: a] Евпраксія Никол. и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ, b] N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К — ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю — а, c] Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу дѣлается невиннѣе [сей часъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ].

II. Въ Павловскомъ Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ: Подъѣзжая подъ Ижоры

Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило? [1]

III. Въ Берновѣ [2] я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. [2] Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна [ваша Кларисса] въ Твери. П — ва кто то прибилъ, и ему велѣно подать въ от-

---

[1] Эгельстромъ, добродушный старикъ помѣщикъ, родомъ шведъ, былъ плохой стихотворецъ и служилъ потѣхой для сосѣдей. Посланіе ему Пушкина приведено нами въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ 2-го тома.

[2] Старицкаго уѣзда, въ 8 верстахъ отъ Малинниковъ; оно принадлежало Ив. Петр. Вульфу, женатому на Аннѣ Ѳедор. Муравьевой, двоюродной сестрѣ Мих. Никит. Муравьева. Ихъ дочь Анна Ив. [Netty] была въ послѣдствіи за мужемъ за Трувеллеръ. Къ ней, Россети [Смирновой] и Олениной [Андро] относятся стихи:

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ —
И R. и O. позабываю
Для N. и W.

lib.pushkinskijdom.ru

ставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Ив. Ив. на строгой діэтѣ [...разъ въ недѣлю]. Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать.... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

16 окт.

XXX. КЪ АННѢ НИКОЛАЕВНѢ ВУЛЬФЪ.

1825.

[Изъ Михайловскаго въ Ригу. 21 іюля 1825].

Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes-vous à Riga? Avez vous fait des conquêtes? Vous marierez vous bientôt? Avez vous trouvé des houlans? mandez moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'interesse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien. 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdi qu'avec vos amis [au masculin] ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les amies vous feront du tort; car mettez-vous das la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit — «что съ вами нездорово вальсировать», ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la dernière édition de Byron.

lib.pushkinskijdom.ru

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc.... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante: не мила ей прелесть ночи et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup? Ennui? confomité de sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: «elle était-là, la pièrre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée; j'ecris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué.... Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu des ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse; que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette delicieuse créature! Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrette, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, m-lle la baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 Juillet.

P. S. Envoyez-moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus — maudite visite, maudit départ!

lib.pushkinskijdom.ru

[Переводъ]. Пишу вамъ въ грустномъ опьяненіи; видите — держу слово.

И такъ, доѣхали ли вы до Риги? одержали ли побѣды? скоро ли выйдете замужъ? нашли ли улановъ? увѣдомьте меня обо всемъ этомъ съ величайшей подробностью, ибо вы знаете, что не смотря на мои злыя шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что̀ до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстояніи, за то вамъ будутъ нравоученія и совѣты. Извольте прислушать. 1) Ради Бога будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями [мужескаго рода], они воспользуются этой вѣтреностью лишь для самихъ себя, тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія же тщеславныя и говорливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученой, но учености своей не выказывайте, и если уланъ скажетъ вамъ, что съ вами нездорово вальсировать, не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носику, отвернитесь и заговорите о чемъ нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣдняго изданія Байрона.

Знаете ли, за что я хотѣлъ васъ побранить? нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ... и т. д. и т. д. и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце ноетъ; вчера Алексѣй [Вульфъ] и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что̀ насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ни-

lib.pushkinskijdom.ru

чего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблекшаго геліотропа.[1] Пишу много стиховъ — все это, если хотите, очень похоже на любовь: но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и ревности; мнѣ же оно было только не много обидно.[2] Однако же мысль, что я для нея ничего не значу; что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ дни грусти; что ея прелестные глаза остановятся на какомъ нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладостнымъ выраженіемъ — нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна, скажите ей, что она убьетъ меня; — нѣтъ, не говорите ей этого, она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности — я презираю ее, слышите ли? да, презираю, не смотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ столь новымъ чувствомъ.

Простите, m-lle баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

21 іюля.

P. S. Пришлите мнѣ обѣщанный вами рецептъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мочи нѣтъ — проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ![3]

---

[1] Позднѣйшее примѣчаніе А. П. Кернъ. Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа Пушкинъ, точно, выпросилъ у меня.

[2] Примѣчаніе А. П. Кернъ. Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

[3] Въ 1858 г. А. П. Кернъ передала намъ стихи, написанные Пушкинымъ для альбома Анны Ник. Вульфъ, при чемъ онъ два послѣдніе стиха

lib.pushkinskijdom.ru

XXXI. КЪ АННѢ ПЕТРОВНѢ КЕРНЪ.

1825.

1.

[Изъ Михайловскаго въ Ригу. 25 іюля 1825]

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous — l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au desir d'avoir un mot de votre jolie main.

означилъ точками и никакъ не хотѣлъ объяснить, что означаютъ эти точки:

Увы! напрасно дѣвѣ гордой
Я предлагалъ свою любовь.
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ея души не тронетъ твердой!
Однимъ страданьемъ буду сытъ,
И пусть мнѣ сердце скорбь расколетъ...
. . . . . .
. . . . . .

Къ Аннѣ же Николаевнѣ, говорятъ, написано и стихотвореніе 1825 г.

КЪ ИМЕНИННИЦѢ:

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и ими вамъ служить...
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили благодатью!
Нѣтъ, нѣтъ по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка [смѣю вамъ сказать] —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

lib.pushkinskijdom.ru

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tacher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à-travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. [Кернъ] et mes compliments à M-me Voulf.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous — j'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? écrivez moi tout ce qui vous passera par la tête — je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental, que dira Анна Никол.? Ахъ вы чудотворка или чудотворица!

25 juillet.

[Переводъ]. Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы — легкомысліе, или кокетство дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ; я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жа-

lib.pushkinskijdom.ru

лости ко мнѣ въ душѣ вашей, но вѣтреность всегда жестока, и всѣ вы, барыни, вертя головы какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанья, что есть душа страждущая вамъ во славу и честь.

Прощайте, божественная, бѣшусь и падаю къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Ѳедоровичу и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою — спрячете ли его опять у себя на груди? Напишете ли мнѣ длинный отвѣтъ? напишите мнѣ все, что вамъ въ голову прійдетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете ли, что перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона; что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

2.

[Тоже. 14 августа 1825].

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!... et puis: ахъ, мерзкая! — Pardon, belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par exemple, que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire [l'heureux cachet!] et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty.... Allons, gardez toujours le: Не скоро, а здорово, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons d'autre chose. Vous me dites

lib.pushkinskijdom.ru

que je ne connais pas votre caractère? que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — [j'y aurais-joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot]. Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous voulez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve — je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne — mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi.... — Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force ni émotion, et un refus n'a ni grâce, ni volupté. A revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. По дѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! c'est ma seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible si que je n'avais pas remarqué d'abord: si ma cousine reste je viendrai cet automne etc. — Au nom du ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-là en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites vous de votre cousin? mandez le moi, mais franchement. Envoyez le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r Kern, un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

lib.pushkinskijdom.ru

Ceci était écrit hier. Aujourd' hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous, cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'aurais dû être reconnaisant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez vous? je vous supplie, divine—compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

[Перечитываю ваше письмо вдоль и поперегъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны — въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и утѣшьтесь, потому что отъ этого вы еще милѣе. Напр. что вы хотите сказать этой печатью, которая должна быть вамъ прилична и нравиться [счастливая печать], и о значеніи которой вы спрашиваете меня? — Я рѣшительно не догадываюсь, чего вы желаете — развѣ только тутъ есть какой-нибудь тайный смыслъ? Можетъ быть, вы требуете у меня девиза для нея — это было бы совсѣмъ à la Netty... Ну, пожалуй, оставьте по прежнему: «не скоро, а здорово», лишь бы только это не было девизомъ вашей поѣздки въ Тригорское — и поговоримъ о другомъ. Вы пишите, что я не знаю вашего характера — да что мнѣ за дѣло до вашего характера? Богъ съ нимъ! развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Главная вещь — глаза, зубы, руки и ноги... [прибавилъ бы и сердце, но кузина ваша слишкомъ опошлила это слово]... Вы говорите, что васъ легко узнать, т. е. вы хотите сказать — легко полюбить — съ этимъ я согласенъ, и самъ тому живое доказательство. Въ отношеніи къ вамъ я велъ себя какъ 14-лѣтній мальчикъ — это негодится; но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я мало по малу возвращаю потерянное превосходство и пользуюсь этимъ для того, чтобы

lib.pushkinskijdom.ru

побранить васъ. Если когда нибудь мы свидимся, то обѣщайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я вашихъ обѣщаній; притомъ же письмо всегда такъ холодно, въ почтовой просьбѣ нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ — ни граціи, ни нѣги! — И такъ до свиданія — и поговоримъ о другомъ. Въ какомъ положеніи подагра вашего супруга? Надѣюсь, что она порядочно прихватила его на другой день послѣ вашего пріѣзда? По дѣломъ ему! Если бъ вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, я питаю къ этому человѣку!... Божество мое, ради Бога устройте, чтобъ онъ игралъ и страдалъ подагрой... Подагра! подагра! Это моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ ваше письмо, я вижу въ немъ страшное если, котораго сначала не замѣтилъ. «Если моя кузина останется, то я пріѣду ныньче осенью» и пр. — Ради неба, пусть же она останется! Постарайтесь ее чѣмъ нибудь занять; нѣтъ ничего легче: прикажите какому нибудь офицеру изъ вашего гарнизона влюбиться въ нее, а когда пора будетъ ѣхать, досадите ей, отбивъ ея вздыхателя — а это еще легче. — Но не выказывайте ей этого: изъ упрямства она способна все сдѣлать какъ разъ на перекоръ... А что вы дѣлаете съ своимъ кузеномъ? — скажите откровенно. Посылайте-ка его скорѣе назадъ въ университетъ; не знаю почему, я также какъ и Кернъ не очень люблю этихъ студентовъ... А г-нъ Кернъ человѣкъ достойный, умный, разсудительный и проч., и у него только одинъ недостатокъ — что онъ вашъ мужъ. Какъ это можно быть вашимъ мужемъ? — Объ этомъ я не могу себѣ составить понятія, какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось, и я теперь въ скверн нѣйшемъ расположеніи духа, хоть знаю, что это несправедливо, и что я долженъ бы быть благодаренъ вамъ за прошлый разъ. Но что же мнѣ дѣлать? Умоляю васъ,

lib.pushkinskijdom.ru

божество мое, сжальтесь надъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку].

3.

[Тоже. 28 августа 1825].

Voici une lettre pour M-me votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuie trop, quittez-le — mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez.... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? vous me direz «et l'éclat, et le scandale?» Que diable! en quittant un mari, le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose.— Mais avouez que mon projet est romanesque? — confomité de caractère, haine des barrières, organe du vol très prononcé, etc, etc.—Concevez vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide — et Kern une fois mort — vous êtes libre comme l'air... Eh bien, qu'en dites vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frisonner. — Vous me direz: consolez vous! fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible— il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés — j'y répugne.... Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? votre tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente [et le moyen.... à 400 verst]. Il est probable

lib.pushkinskijdom.ru

que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. Mais écrivez moi et beaucoup, en long et en large et en diagonale [1] [terme de géometrie]. — Mais surtout donnez moi l'espérance de vous revoir. — Si non, je tâcherai vraiment d'être amoureux autre part.... J'oubliais: je viens d'écrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse, je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable — je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche; je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu.

28 août.

Ne décachetez pas la lettre ci jointe, ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en fâcherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me Ossipof décachète une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachète une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier — vraiment c'est un charme!

[Вотъ письмо къ вашей тетушкѣ; если ея нѣтъ уже въ Ригѣ, можете оставить его у себя. Скажите на милость, можно ли быть такой вѣтреницей? какимъ образомъ письмо, адресованное къ вамъ, попало въ чужія руки? [2] — Но что сдѣлано, то сдѣлано — поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать.

Если вашъ почтеннѣйшій супругъ слишко надоѣлъ вамъ, бросьте его, и знаете ли какъ? оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ и пріѣзжайте... вы думаете, въ Тригорское? — совсѣмъ нѣтъ — въ Михайловское. Этотъ

---

[1] Отсюда черезъ 9 строкъ вверхъ, изъ угла въ уголъ, написано: «Voilà ce que c'est que diagonale» [Вотъ что значитъ діагональ].

[2] Г. Осипова не отдала и даже не показала г-жѣ Кернъ письма Пушкина, написаннаго по поводу отвѣта Анны Петровны на его предыдущее. Самому Пушкину П. А. написала рѣзкій выговоръ.

lib.pushkinskijdom.ru

прекрасный проектъ бродитъ у меня въ головѣ ужъ цѣлую четверть часа... Понимаете ли вы, какъ велико было бы мое счастье! — Вы скажете — а огласка? а скандалъ? — Кой чортъ! бросить мужа — ужъ есть полнѣйшій скандалъ — остальное ничего не значитъ. — Но согласитесь, что въ проектѣ моемъ много романическаго... сходство характеровъ, ненависть къ препятствіямъ, органъ кражи, развитый въ сильной степени и проч. и проч. и проч. — Представьте себѣ удивленіе вашей тетушки! — Тутъ сейчасъ разрывъ. Вы начнете тайкомъ видѣться съ вашей кузиной, отчего дружба становится пріятнѣе, — а если умретъ Кернъ, вы сдѣлаетесь свободны, какъ воздухъ... Ну, что вы скажете? Не говорилъ ли я вамъ, что бываю въ состояніи дать совѣтъ смѣлый и важный?

Однако, поговоримъ серьезно, т. е. хладнокровно. Увижу ли я васъ опять? мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣшьтесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться? — невозможно; для этого нужно прежде забыть ваши спазмы... Бѣжать изъ Россіи? удавиться? жениться? — Все это представляетъ большія трудности — до нихъ я не охотникъ. Ахъ, кстати, какъ я буду получать ваши письма? Тетушка ваша противъ нашей переписки — такой цѣломудренной, такой невинной... [да и какъ же иначе?... за 400 верстъ?...] Очень можетъ быть, что наши письма станутъ перехватывать, читать, коментировать и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить почеркъ, а тамъ я увижу. Но все таки пишите мнѣ — пишите много — вдлину, вширину и діагонально [геометрическій терминъ]... А главное, не лишайте меня надежды увидѣться съ вами; иначе, я серьезно постараюсь влюбиться въ кого нибудь другаго... Да, я и забылъ сказать вамъ, что написалъ къ Нетти письмо очень нѣжное, униженное... Я безъ ума отъ Нетти... Она наивна, а вы — нѣтъ. Отчего вы не наивны? Неправда ли, что я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ въ разговорѣ? Но пріѣзжайте сюда — и я обѣщаю вамъ, что буду не-

lib.pushkinskijdom.ru

обыкновенно любезенъ; я буду веселъ въ понедѣльникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ середу, прововоренъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, я буду всѣмъ, чѣмъ вы прикажете и цѣлую недѣлю стану лежать у вашихъ ногъ. Прощайте!

28 августа.

Не распечатывайте прилагаемаго здѣсь письма — это не хорошо. Тетушка ваша разсердится. Но подивитесь, какъ Господь смѣсилъ все: г-жа Осипова распечатываетъ ваше письмо, вы — письмо къ ней, я — письмо Нетти, — и всѣ мы находимъ въ этихъ письмахъ много для себя поучительнаго... Просто чудеса!]

A MADAME OSSIPOF.

Oui, madame, honny soit qui mal y pense. Ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! serait-ce par expérience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Votre dernière lettre [de minuit] est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années — et elle se corrigera, je vous le promets; quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi — ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifféremment? elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui

lib.pushkinskijdom.ru

me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinance qui me caractèrise, et décidément, je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir pas de principes et que sa femme puisse se moquer de moi. — Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant «hardie dans etc.» – N'est ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini; je ne la croirai plus.

Adieu, Madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée—nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue et encore plus de.... Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

[Госпожѣ Осиповой].

[Да, сударыня, honny soit qui mal y pense [стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ]. Только злые люди могутъ думать, что переписка въ состояніи повести къ чему нибудь. Ужъ не по опыту ли знаютъ это иныя особы? но я прощаю имъ, вы сдѣлайте тоже, и станемъ продолжать.

Послѣднее письмо ваше [писанное въ полночь] прелестно. Я смѣялся отъ всей души, но долженъ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ вашей милой племянницѣ. Правда, она вѣтрена — но вѣдь надо имѣть терпѣніе. Еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ — и ручаюсь вамъ, что она исправится. Что же касается до ея кокетства, то вы совершенно правы: оно хоть кого приведетъ въ отчаяніе. — Какъ это она не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ счастіе нравиться сиру Керпу? Такъ нѣтъ — нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному

lib.pushkinskijdom.ru

брату. По пріѣздѣ въ Тригорское ей приходитъ мысль — завладѣть Рокотовымъ и мною... Но этого мало: въ Ригѣ, въ ея проклятой крѣпости, она видитъ проклятаго плѣнника и становится кокетливымъ провидѣніемъ этого проклятаго каторжника! Мало и этого: отъ васъ я узнаю, что въ дѣлѣ замѣшано еще нѣсколько мундировъ! — ну, ужъ это слишкомъ! Рокотовъ узнаетъ объ этомъ, и посмотримъ, что онъ еще скажетъ. Но увѣдомьте пожалуйста, увѣрены ли вы въ томъ, что она кокетничаетъ безразлично? Сама она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ пріятнѣе вѣрить ей. Еще болѣе меня успокоиваетъ то, что не у всѣхъ одинаковая манера ухаживанья, — пусть только ея поклонники будутъ почтительны, робки и деликатны, съ меня этого довольно. Благодарю васъ, что не передали ей моего письма; въ немъ было слишкомъ много нѣжностей, а въ настоящихъ обстоятельствахъ, это смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, напишу съ тою дерзостью, которая отличаетъ меня, и рѣшительно прекращу съ ней всякія сношенія; — я отыму у всѣхъ право говорить, что я внесъ раздоръ въ семейство, не допущу Ермолая Ѳедоровича обвинять меня въ отсутствіи нравственныхъ правилъ, а жену его — насмѣхаться надо мною.

Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ «смѣла въ... и пр.»* Не такъ ли? Она и отъ этого отнѣкивается, но дѣло кончено — я ей не стану болѣе вѣрить.

Прощайте, сударыня, — съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріѣзда. Мы станемъ злословить сѣверную Нетти, которая всегда будетъ вызывать во мнѣ сожалѣ-

---

* По словамъ А. П. Кернъ, въ одномъ письмѣ къ Осиповой Пушкинъ выразился такъ: «Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!» [Хотите ли знать, что за женщина г-жа Кернъ? у нея гибкій умъ, она понимаетъ все; легко огорчается и утѣшается точно также; застѣнчива въ пріемахъ, смѣла въ поступкахъ; но чудо, какъ привлекательна!]

lib.pushkinskijdom.ru

ніе, что я увидѣлъ ее, и еще больше, что... Простите этому черезъ-чуръ искреннему признанію человѣка, который любитъ васъ очень нѣжно, хотя совершенно иначе.

Михайловское.

4.

[Тоже. 22 сентября 1825].

Au nom du ciel, n'envoyez pas à M-me Ossipoff la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière. Gardez la pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies.... A propos — vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère, c'est affreux; il fallait dire votre mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant [qui n'est pas poète] à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais celà tout naturel — car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. — Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskov; celà vous sera facile. — Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée. — Ne serait-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!.... Venons auf ait: d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette — qu'en dites-vous? — ou bien,

lib.pushkinskijdom.ru

ne ferez-vous pas un voyage à Pétersbourg? — vous me le ferez savoir — oui? — Ne me trompez pas, bel ange! que je vous suis redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration: ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. — Il faut que le sort décide de mon existance; je ne veux pas m'en mêler. — L'espérance de vous revoir encore belle et jeune, est la seule chose qui me soit chère — encore une fois, ne me trompez pas.

22 Sept. Михал

Demain, c'est la fête de M-me votre tante, je serai donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

[Ради Бога, не отсылайте къ г-жѣ Осиповой письма, найденнаго вами въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно въ назиданіе вамъ. Оставьте это письмо у себя, а иначе вы насъ поссорите... Я было хотѣлъ помирить васъ, но послѣ вашихъ послѣднихъ сумасбродствъ, потерялъ всякую надежду на это... Кстати, вы клянетесь мнѣ всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы на ты съ своимъ двоюроднымъ братомъ, вы говорите ему: я презираю твою мать... Это ужасно! Слѣдовало сказать: вашу мать, а еще лучше, ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Право, ревность въ сторону, я совѣтую вамъ прекратить эту переписку, — совѣтую какъ другъ, преданный вамъ истинно, безъ всякихъ фразъ и уловокъ. Не понимаю, что за цѣль у васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ [къ тому же не поэтомъ], и еще на такомъ почтительномъ разстояніи.

lib.pushkinskijdom.ru

Вы сами знаете, что я находилъ это кокетство очень естественнымъ въ то время, когда онъ былъ подлѣ васъ, потому что надо же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ ли? Переписку — прочь! а я ручаюсь вамъ, что отъ этого любовь его не уменьшится... Теперь скажите — серьезно ли вы одобряете мой проектъ? Анета въ ужасъ пришла, когда узнала о немъ, а у меня голова кружится отъ радости. Но я не вѣрю въ счастіе — и это очень понятно; не вѣрю я, чтобъ вы, ангелъ любви, захотѣли разубѣдить мою невѣрующую и увядшую душу. Но, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте въ Псковъ; вамъ это такъ легко. — При одной мысли объ этомъ, сердце мое бьется, въ глазахъ темнѣетъ, я весь изнемогаю... Неужели она, какъ и многія другія мысли, останется тщетной надеждой?... Но къ дѣлу. Прежде всего вамъ нуженъ предлогъ, напр. болѣзнь Анеты, какъ вы думаете? Или не поѣдете ли вы въ Петербургъ? — вѣдь тогда вы мнѣ дадите знать объ этомъ; да? — Не обманывайте меня, милый ангелъ! если бъ вы знали, какъ я благословляю васъ за то, что разстанусь съ жизнью, извѣдавъ счастье! — Не говорите мнѣ объ удивленіи — это не чувство... Говорите мнѣ о любви — я жажду ея. А главное — ни слова о стихахъ. Совѣтъ вашъ — писать къ его величеству — тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ... на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать... Пусть сама судьба распоряжается моею жизнью — я ни во что не хочу вмѣшиваться... У меня только и есть дорогаго, что надежда еще увидѣть васъ все еще прекрасной и молодою... Еще разъ, не обманывайте меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки — поэтому я поѣду въ Тригорское. Вашъ планъ — выдать замужъ Анету, чтобы имѣть у нея прибѣжище — восхитителенъ, но я еще не сообщилъ его ей. Ради Бога, отвѣчайте на главные пункты этого письма — и только тогда я повѣрю, что свѣтъ стоитъ еще того, чтобы жить].

---

lib.pushkinskijdom.ru

5.

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante mais.... qui ne vaillent pas le diable, je vous en àvertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire; quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? he bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas [ou ce qui est bien pire], vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse.... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non-personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier; il est nècéssaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux. Qu'est ce donc que cela doit être à 4 pas?* — Pardon, divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécille! De la douceur, de la coquetterie [et surtout, au nom du ciel, des refus, des refus et des refus] le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez vous? — Je suis au désespoir du départ

* Послѣ этого нѣсколько разъ перечеркнуто: «NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre a moi? Sans indiscrétion, peut-on le savoir?»

lib.pushkinskijdom.ru

d'Annette; quoi qu'il en soit il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Voulf. Vous viendrez? — n'est ce pas? — jusque là ne decidez rien à l'égard de votre mari. — Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous—lui.... Enfin soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent — quelquefois c'est inévitable — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait toute triste et toute voluptueuse — je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte. — Adieu — je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire; il est ridicule mais vrai.

[Вы приводите меня въ отчаяніе. Я было принялся писать вамъ глупости, надъ которыми вы бы умерли со смѣху, — и вотъ ваши строки вдругъ нагнали на меня грусть. Пожалуйста, постарайтесь отдѣлаться отъ своихъ спазмовъ, которые очень идутъ къ вамъ, но которые — предупреждаю васъ — ни къ чорту не годятся. Отчего вы все заставляете меня бранить васъ? — Если у васъ рука болитъ, не надо было писать мнѣ... Что за сумасбродка!

Скажите, однако, что же такое сдѣлалъ бѣдный мужъ вашъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ? — Что жъ, я сознаюсь, что онъ былъ бы правъ въ этомъ случаѣ: вы не умѣете или [что еще хуже] не хотите беречь людей... А хорошенькая женщина всегда властна... быть властной...* Боже меня избави читать вамъ проповѣдь, но вѣдь согласитесь, что надо сколько нибудь оказывать уваженія мужу — иначе, никому не захотѣлось бы въ мужья. Не слишкомъ прибѣгайте къ насилію, это необходимо для свѣта.

---

* Или: «быть любовницею» — непереводимая игра словъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Послушайте, я говорю съ полной откровенностью: за 400 верстъ вы нашли средство заставить меня ревновать... что же было бы въ четырехъ шагахъ?* — Простите, божество мое, что я не стѣсняясь, высказываю вамъ мой образъ мыслей — это доказательство самаго искренняго участія; я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Постарайтесь же какъ нибудь поладить съ этимъ проклятымъ Керномъ. Согласенъ, что онъ не геній, но вѣдь и не идіотъ же онъ. Кротость, кокетство [а главное, ради Бога, отказы, отказы и отказы] — повергнутъ его къ ногамъ вашимъ — мѣсто, которому я завидую отъ всей души... Но что же дѣлать? — Отъѣздъ Анеты привелъ меня въ отчаяніе. — Во что бы то ни стало, вы должны нынче осенью пріѣхать сюда или хоть въ Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Анеты. Какъ вы думаете объ этомъ? Пишите, умоляю васъ, но ни слова не говорите объ этомъ А. Вульфу. Такъ пріѣдете? да? а до тѣхъ поръ не рѣшайте ничего насчетъ вашего мужа... Вы молоды, передъ вами цѣлая будущность, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые никогда не совѣтуютъ рѣшиться на сильную и рѣзкую мѣру... иногда это необходимо — но прежде надо поразсудить хорошенько и не дѣлать безполезной огласки.

Прощайте; теперь ночь и передо мною носится вашъ образъ, полный грусти и сладострастія; я будто вижу ваши глаза, полураскрытый ротикъ. Прощайте... мнѣ чудится, что я у ногъ вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую ваши колѣна... о, я бы отдалъ всю кровь свою за минуту дѣйствительности! — Прощайте и вѣрьте моему безумному бреду... онъ смѣшонъ, но искрененъ.

---

* Зачеркнуто: NB. Весьма желательно мнѣ знать, почему вашъ двоюродный братъ выѣхалъ изъ Риги только 15 числа нынѣшняго мѣсяца, и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ письмѣ ко мнѣ? Отложивъ нескромность: нельзя ли это узнать?

lib.pushkinskijdom.ru

6.

[Приписка въ письмѣ Анны Никол. Вульфъ].

Анна Петровна, я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну — она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь вашъ — Яблочный Пирогъ.

7.

[8 декабря 1825].

Je ne m'attendais guere, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquerir pour moi un nouveau charme — toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation — mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon exil me paise plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le votre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que j'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 dec.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis a vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous deteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

[Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Байронъ пріобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть — всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекутся въ незабвенныя черты. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Леилѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно-прекрасенъ. Итакъ васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы ангелъ-утѣшитель, а я не что иное, какъ неблагородный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ; мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда нибудь. Можетъ быть происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ; она не иное что, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знайте, что подъ его чертами я представляю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно. — 8 декабря. — Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасы, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что снова перецѣловываю ихъ въ ожиданіи еще лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны и проч.].

———

8. изъ альбома А. П. Кернъ [1828].

I.

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестной,
То тебѣ подобенъ онъ.
Я скажу тебѣ резонъ
«Невозможно!»

II.

Amour, exil —
Какая гиль

lib.pushkinskijdom.ru

III.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть.

IV.

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она... *
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!»

V.

[ея сестрѣ].

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

XXXII. КЪ ИВАНУ МАТВѢЕВИЧУ РОКОТОВУ.

Monsieur, je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche mais pour le moment je n'ai pas de chevaux a ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher elle ést à vos ordres. Si Monsieur votre frère me fesait l'honneur de passer chez moi, j'aurois été enchanté de le recevoir et de renouveller une connaissance aussi aimable.

Quand à ce qui regarde le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500.

Aureste je m'en rapporterai absolument à la decision de Monsieur votre frère.

Agreez les assurences du respect le plus profond et la consideration la plus parfaite.—Monsieur, votre très humble et obeissant serviteur—Alexandre Pouchkin.

Mercredi.

* Два стиха Подолинскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

P. S. Mon père vous presente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère.[1]

XXXIII. КЪ НИКОЛАЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПОЛЕВОМУ.

1825—1831.

1.

[Изъ Михайловскаго. 2 августа 1825].

Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо, хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу [конечно лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ]. Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ они понравились публикѣ.[2]

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе. — Александръ Пушкинъ.

2-го августа. Михайловское.

[На письмѣ штемпель: «Опочка. 5 августа 1825 г.» и рукою Полеваго отмѣчено: «получ. 15 августа 1825 г.»].

---

[1] Рокотовы — сосѣди Пушкина по Михайловскому. Время, къ которому относится это письмо, неизвѣстно.

[2] Въ М. Телеграфѣ 1825 г. были напечатаны двѣ эпиграммы, отрывокъ «Цыганъ», «Телега жизни» и «Въ альбомъ» [Если жизнь тебя обманетъ], а въ 1826 г. Элегія [Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный], потомъ эпиграммы на Каченовскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

[Въ Москвѣ. 27 марта 1830].

Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ знать, что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ.[1] Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь вашъ А. Пушкинъ.

27-го марта 1830 г. Москва.

[Адресъ: «Николаю Алексѣевичу Полевому»].

3.

[1 января 1831].

Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ; искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа, пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе[2] не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ честь имѣю быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1 янв. 1831.

XXXIV. КЪ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

1825—1829.

1.

[Изъ Михайловскаго. Сентябрь 1825].

Où êtes vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

---

[1] Пушкинъ былъ избранъ членомъ общества любителей россійской словесности.

[2] Послѣ этого зачеркнуто: «не измѣ».

lib.pushkinskijdom.ru

Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelque jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai reflechi sur la tragédie en général, c'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du tems etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitié dont l'une est occupée par deux milles personnes, qui sont sensés n'être pas vu par ceux qui sont sur les planches; 2) la langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue grecque etc. Voyez les anciens, leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle; 3) le tems, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle des 24 heures? soit, et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait une révolution dans le sîstème de la tragédie; quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon ni Vera, mais quel homme que ce Schakspeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère* [les femmes

* Et c'est le sien — зачеркнуто.

lib.pushkinskijdom.ru

jn'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur eunesse, et voilà pourquoi il est si facile de les peindre], ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa melancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire même les choses les plus étranges en porte essentielement l'empreinte [comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding]. Un conspirateur dit donnez moi à boire en conspirateur et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron [ha pagato] cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gène et cette timidité de dialogue.[1] Lisez Sch. il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume. J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai taché de les unir tout deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développé, je puis créer.[2]

Переводъ: Гдѣ вы? Изъ газетъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ. Желаю, чтобъ это васъ забавляло. Что вашъ братъ? Вы ничего не говорите мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лечится ли онъ?

Вотъ что касается до меня: друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобъ получить мнѣ дозволеніе полечиться; мать писала къ его величеству и затѣмъ я получилъ дозволеніе отправиться въ Псковъ и даже тамъ

---

[1] Et là-dessus — зачеркнуто.

[2] Это письмо, напечатанное съ черноваго оригинала, повидимому осталось неотправленнымъ, такъ какъ часть его повторена въ письмѣ 1829 г., тоже напечатанномъ съ черноваго наброска и, можетъ быть, тоже не отправленномъ.

lib.pushkinskijdom.ru

жить, но я не намѣренъ воспользоваться этимъ; съѣзжу туда только на нѣсколько дней. Покамѣстъ же я совершенно одинокъ: единственная сосѣдка, которую я посѣщалъ, уѣхала въ Ригу, и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей; послѣдняя подвигается и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ. Классики и романтики основывали его законы на правдоподобіи, а оно-то и исключается самой сущностью драмы. Не говоря уже о времени и проч., какое къ-чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, будто бы невидимыхъ для находящихся на сценѣ. 2] Языкъ. Напримѣръ, Филоктетъ у Ля-Гарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи» и проч. Вспомните древнихъ, и трагическія ихъ маски съ двойными лицами — все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія. 3] Время, мѣсто и проч. и проч. Истинные геніи трагедій никогда не хлопотали о правдоподобіи. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ». А, вы желаете закона 24-хъ часовъ? Извольте! — и за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего безполезнѣе, по моему мнѣнію, маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ: Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ и считаетъ, что произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какое ребячество!

Правдоподобіе положеній и истина разговора — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ [у женщинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ]. И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полнаго, мрачнаго и энергичнаго — создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ [таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга]. Заговорщикъ говоритъ «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова Озлобленнаго: «онъ заплатилъ!» [ha pagato]. Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость — развѣ это естественно? Отсюда и неловкость и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое

lib.pushkinskijdom.ru

время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Вы меня спросите: трагедія моя характерная или для костюмовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Это способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась — я могу творить.

2.*

[1827 г.]

Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ Годунова. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозрѣваемыя.

Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣ-

* Кстати приводимъ этотъ черновой набросокъ письма, имѣющаго соотношеніе къ предъидущимъ и послѣдующимъ письмамъ къ Раевскому.

lib.pushkinskijdom.ru

довать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ [чтобъ не сказать хуже], и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.....

....Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго....

Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ....

Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника * отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давноминувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ....

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное равнодушіе

* Отсутствіе указанія на годъ показываетъ, что эти строки писаны въ годъ выхода книжки, т. е. въ 1827 году.

lib.pushkinskijdom.ru

древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жъ вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ риѳмъ назваться стихами. Г-нъ Загоскинъ предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго Журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики....

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что г-нъ Загоскинъ и публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны, и, кажется, не нужны....

3.

[Изъ Петербурга. 30 января 1829].

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est rempli de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce tems la, comme nos sansoeuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre, sine qua non. A l'exemple de Schakspeare, je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique romanesque etc... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers—quand aux grosses indécences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passioné de mon aventu-

lib.pushkinskijdom.ru

rier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drole de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté, voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier — partager tantôt le lit dégoutant d'un juif tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible esperance d'un throne qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte en même tems traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne — et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle — mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise comme le [слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка].

Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à coté de Козьма Minine, puis Voevode à Нижній, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище—ville qu'il fit bruler pour la punir de je ne sais quoi à la mode des proconsuls de la convention nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse, et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers boyards à passer du coté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère, qui

lib.pushkinskijdom.ru

accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractèrisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache et le billot? il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire Tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tout deux abjurant leurs foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксенія— il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire.

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job — le patriarche il est vrai était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Godounof j'ai refléchi sur la tragédie — et si je me melai de faire une préface, je ferai du scandale — c'est peut être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du tems, des lieux etc. que diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches. 2) La langue. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pirrhus: Helas, j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situation. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle des 24 h.! soit. Et là-dessus il

lib.pushkinskijdom.ru

vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez la, je vous prie car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface. — A. P. *

30 j. 1829.

Переводъ: Вотъ моя трагедія, такъ какъ вы непремѣнно этого хотите; но я требую, чтобъ прежде ея чтенія вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ — sine qua non.

По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ пафосомъ и проч... Стиль ея — смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось наскоро и будетъ исправлено при первой перепискѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ любви; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было высказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, и въ то же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращусь къ ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно какая полька, какъ....

---

* Въ концѣ письма было поставлено S. P. b. и зачеркнуто. 30 j., вѣроятно janvier, ибо январь 1829 Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ, а въ мартѣ уже уѣхалъ на Кавказъ. — Замѣтки о Борисѣ Годуновѣ см. еще въ т. V.

lib.pushkinskijdom.ru

Гаврило Пушкинъ — одинъ изъ моихъ предковъ; я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ въ числѣ семи начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ 1616-мъ въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, короновавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ «Погорѣломъ Городищѣ»: онъ выжегъ городъ, ввидѣ наказанія не знаю за что именно, по образцу проконсуловъ національнаго собранія.

Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ болръ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтьте, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтрености, которая отличала этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осыпаетъ почестями и щедротами. Что же дѣлаетъ Шуйскій, чуть было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ — и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушенъ и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушенъ къ религіи; оба они изъ политическихъ видовъ отступаются отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксеніи на его совѣсти — правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей священной обязанностію не вѣрить ему.

Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова — патріархъ, конечно, былъ человѣкъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его простякомъ.

Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи — и если бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ бы скандалъ — это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ [словесности]. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, подразумѣваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ. 2] Языкъ. Напр. Филоктетъ у Ля-Гарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы! я

lib.pushkinskijdom.ru

слышу сладкіе звуки греческой рѣчи». Все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія? Истинные геніи трагедіи никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ»: а! вы желаете закона 24 часовъ! Извольте! И за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе.

1829 30 января.

XXXV. КЪ ВИЛЬГЕЛЬМУ КАРЛОВИЧУ КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

[Изъ Михайловскаго. Декабрь 1825].

Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней и письмо. Я трясъ, трясъ ее и ждалъ не выпадетъ ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ «Духовъ» [Calembour! reconnais tu le sang?], сперва про себя, а потомъ и въ слухъ.* Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно, критикую. Ты сознаёшься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. Зато Калибанъ — прелесть. Не

* Въ письмѣ къ Бестужеву, отъ 30 ноября 1825 г., Пушкинъ пишетъ, что еще не получилъ пьесы Кюхельбекера [выше, стр. 177], а послѣ 14 декабря не могъ бы написать такого письма, слѣд. его надо отнести къ первой половинѣ декабря.

lib.pushkinskijdom.ru

понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго.[1] Это простительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому — и рада.

«Сиръ — слово старое, прочтутъ иные сыръ» etc.[2] очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать.—Пасъ стада главы моей [вшей]?[3] Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада — прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc. — Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу, — но, вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля.... Ай-ай... Больше не буду! Не бей меня.

[Четвертка сложенная пакетомъ, съ надписью «Кюх.»].

---

[1] «Поэтъ» Кюхельбекера, сочиняя стихи, дѣйствительно пародируетъ «Жалобы Цереры» и монологи изъ «Орлеанской Дѣвы» въ переводѣ Жуковскаго.

[2] При своемъ стихѣ: «Грустенъ я, унылъ и сиръ», Поэтъ у Кюхельбекера замѣчаетъ:

Сиръ? слово старое; прочтутъ иные сыръ;
Сиръ никого не тронетъ;
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякой сыръ!
Сиръ! Слово сиръ мою элегію уронитъ.

[3] Я всегда въ уединеніи
Пасъ стада главы своей,
Васъ, созданья вдохновенія» и пр. [Шекспировы Духи].

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVI. КЪ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

1825—1835.[1]

1.

[Изъ Михайловскаго. 5 августа 1825].

Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье [въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа]

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ — шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца.[2] Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è scritto in presenzia della donna, come ognun puo veder. Addio, caro poeta. Scrivete mi, vi prego. — Tuto il vostro.[3]

[Адресъ: П. А. Плетневу. Штемпель: августа 5. 1825. Опочка].

---

[1] Къ сожалѣнію мы печатаемъ только письма и отрывки, уже явившіеся въ печати, а 20 писемъ, находящіяся у Я. К. Грота остаются, благодаря ему, недоступными для публики.

[2] Анна Петровна Кернъ. См. Р. Старину 1879, № 10, стр. 321.—Приведенная въ началѣ письма поправка, повидимому, была отмѣнена, ибо не вошла въ изданіе стихотвореній, которое тогда печаталъ Плетневъ.

[3] «Это писано въ присутствіи помянутой дамы, какъ всякій можетъ видѣть. Прости, милый поэтъ. Пиши мнѣ, пожалуйста. Весь твой».

lib.pushkinskijdom.ru

2.

[Тоже. Декабрь 1825].

Милый, дѣло не до стиховъ, — слушай въ оба уха. Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать — не то, что и совѣсти марать. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ — чортъ ли въ нихъ — а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благоразумнѣе бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, который, можетъ быть на меня сердитъ; онъ какъ нибудь это сладитъ. Да нельзя ли дамъ взбуторажить? Душа!.. Я пророкъ, ей Богу пророкъ! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc. — Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька [1] также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ Байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый впрочемъ гораздо милѣе Борьки — увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ.[2] Воейковъ не напроказилъ ли чего нибудь? Я его сентябрской книжки не читалъ. Онъ что-то немного труситъ. Кюхельбекера Духи — дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ

---

[1] Извѣстный Борисъ Федоровъ тогда печаталъ отрывки изъ своего романа: «Князь Курбскій», который вполнѣ появился только въ 1843 г. Замѣтимъ, что Пушкину недавно въ печати была приписана эпиграмма, принадлежащая Дельвигу, а по другимъ указаніямъ Соболевскому:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

[2] Вѣроятно письмо къ Кюхельбекеру [стр. 280], не имѣвшее поэтому и адреса, и письмо къ Воейкову?

lib.pushkinskijdom.ru

никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится.

Неужто Илья Муромецъ — Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да — какъ жаль, что онъ умеръ!...

3.

[Изъ Михайловскаго. Въ началѣ 1826 г.].

Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; изданіе очень мило;[1] кое-гдѣ ошибки, это въ фальшъ не ставится. — Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно; я туда не намѣренъ. Но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ ли Жуковскій узнать, могу ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26.

Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки — нерелигіозныя; другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда-нибудь, гдѣ бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ? — А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

4.

[Тоже. 3 марта 1826].

Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады — или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса

---

[1] Говорится о первомъ собраніи стихотвореній, появившемся въ началѣ 1826 г.

lib.pushkinskijdom.ru

прежде чѣмъ не выпишите меня въ Петербургъ. Что это въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣпушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль,[1] а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака [что мнѣ слѣдуетъ],[2] по крайней мѣрѣ, пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ — и квитъ. — Получили ли мои пріятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что жъ не отвѣчаютъ? — А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина.[3] Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

[Штемпель: Опочка. 4 марта 1826].

5.

[Тоже. Мартъ 1826].

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ письмо и отъ Заикина,[4] съ увѣдомленіемъ о продажѣ стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ, какихъ же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелется — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе добавленное, исправленное изданіе. [Однако скажи: развѣ были какія нибудь неудовольствія

---

[1] 30 января 1826 г. Слѣпушкину была присуждена за его стихотворенія Россійской Академіей медаль средней величины и 50 червонцевъ, а кафтанъ пожалованъ государемъ.

[2] Жетоны, выдававшіеся членамъ Россійской Академіи за засѣданія и оплачиваемые послѣ деньгами.

[3] Плетневъ просилъ прислать Б. Годунова, нанявъ для переписки «писаку» въ Опочкѣ.

[4] Книгопродавецъ. Изданіе стихотвореній 1826 г. было скоро раскуплено и поэту предлагали сдѣлать второе.

lib.pushkinskijdom.ru

по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?]. Знаешь ли? Ужъ если печатать что̀, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и можетъ быть примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякой разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ.[1] Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ.[2] Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другаго. Впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи?[3] Въ моемъ Борисѣ бранятся по... у на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола. Прощай, мой Доня; деньги мои держи крѣпко, ни кому не давай. Они мнѣ нужны. Сдерри долгъ и съ Дельвига.[4]

6.

[Изъ Москвы. Апрѣль 1830].

Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками — а ты, благодѣтель, явись къ Фонъ-Фоку[5] и возьми отъ него письменное дозволеніе [нужно

---

[1] Вѣроятно «Графъ Нулинъ», напис. въ концѣ 1825 г. Изданіе поэмъ и 2-е изданіе стихотвореній тогда не состоялось.

[2] Подразумѣвается оффиціальное письмо къ Жуковскому, помѣщенное выше.

[3] Жуковскій желалъ прочесть Годунова на своихъ педагогическихъ лекціяхъ.

[4] Деньги были выручены за продажу «Стихотвореній». О долгѣ Дельвига см. выше, на стр. 140.

[5] Предшественникъ Л. В. Дубельта въ III Отдѣленіи, черезъ которое проходили всѣ новыя произведенія Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

ли оно?]. Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? кажется неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши.

7.

[Изъ Москвы. 31 августа 1830].

Хорошъ! не хотѣлъ со мою проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что̀ у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцати-лѣтняго хуже «30-ти лѣтъ жизни игрока».[1] Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день отъ дня далѣе.[2] Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвка, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, и пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ. которую сыграемъ Богъ-вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ-вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься, и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ. — Грустно, душа моя. — Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

31 августа.

---

[1] Извѣстная драма.

[2] Помолвка была 6 мая 1830 г., свадьба 18 февраля 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

[Изъ Болдина. 9 сентября 1830].

Я писалъ тебѣ премеланхоличное письмо, милой мой, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня холера-морбусъ. Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій, — знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня; погоревалъ, потомъ помолчавъ: какъ скучны статьи Катенина!* И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь, — а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо, обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго, приданое не уйдетъ; зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не прежде мѣсяца, и оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ: деньгами нечего шутить: деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина. Ахъ, мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь, да степь; сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши стихи сколько вздумается — никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы и стиховъ. — Прости жъ, моя милая.

9 сент. 1830. Болдино.

---

* Статьи П. А. Катенина «Размышленія и Разборы» въ Литературной Газетѣ» 1830.

lib.pushkinskijdom.ru

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе — не прислать ли тебѣ его? Вспомни однако жъ, что ты обѣщалъ мнѣ свое: дѣльное, длинное. — А цѣна трагедіи? 10 или 12?

9.

[Изъ Москвы, въ концѣ 1830].

... Скажу тебѣ [за тайну], что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами [Домикъ въ Коломнѣ]; нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ Жуанъ. Сверхъ того, я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою [весьма секретное!] пять повѣстей.....

10.

[Изъ Москвы. 21 января 1831].

Что скажу тебѣ мой милый! ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову * объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дель-

* Тесть Дельвига, умершаго 14 января 1831.

lib.pushkinskijdom.ru

вигъ — быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.

11.

[Оттуда же. 31 января 1831].

Я зналъ его [Дельвига] въ лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы полной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ. Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ чистымъ разумомъ и надеждами.

12.

[Оттуда же. 24 февраля 1831].

Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется я переродился. Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія.

13.

[Изъ Москвы. 1831].

Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна.[1] Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ, etc.

14.

[Тоже. 26 марта 1831].

Что это значитъ, душа моя? Ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не воспослѣдовало ли тебѣ вновь отъ генералъ-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться?[2] Чего добраго! Не боленъ ли ты? Все ли у тебя

---

[1] Въ Литературной Газетѣ.

[2] Это запрещалъ Плетневу П. В. Голенищевъ-Кутузовъ во время ссылки Пушкина въ деревню.

lib.pushkinskijdom.ru

благополучно, или просто лѣнишься, да напрасно друзей своихъ пугаешь?...

...Мысль благословенная [остаться по пріѣздѣ изъ Москвы до зимы въ Царскомъ Селѣ]. Лѣто и осень такимъ образомъ я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. Съ тобою буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ-бокомъ. Жизнь дешевая; экипажа не надобно. Чего лучше?

15.

[Тоже. 11 апрѣля 1831].

Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла.

16.

[Изъ Царскаго Села 1831].

Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры; одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы...

17.

[Изъ Михайловскато. Осень 1835].

Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо [дѣльное по твоему обычаю]. Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ «Путешествіе» [1] отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? [2] Неужели залягаетъ меня ос..ъ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ лег-

---

[1] Говорится о «Путешествіе въ Арзерумъ».

[2] Это прошеніе напечатано вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ [1] далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать; а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера [2] заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу — черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе; а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ «Путешествія». Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь, что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; [3] но нельзя ль [разумѣется изъ за угла и тихонько, напримѣръ въ Московскомъ Наблюдателѣ] объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою душу грѣховъ своего омонима? Это бы, право, было не худо.

ВЪ ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТЪ ЦЕНЗУРЫ.

Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо

[1] Вмѣсто предполагавшагося «альманаха» Пушкинъ началъ съ слѣдующаго года изданіе «Современника».

[2] Лицейскій товарищъ [2-го выпуска].

[3] Къ «Библіотекѣ для чтенія» Сенковскій помѣстилъ тогда повѣсть «Пикникъ въ Токсовѣ» А. Бѣлкина, такъ что многіе считали ее за Пушкинскую, принимая за продолженіе его «Повѣстей И. Бѣлкина».

lib.pushkinskijdom.ru

отъ его величества изъ 3-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы» — повѣсть [1827], 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина» — романа въ стихахъ [1827, 1828, 1831, 1833], «Полтава» [1829], 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» [1828], «Графъ Нулинъ» [1828], «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира [неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ], г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? — Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

XXXVII. КЪ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ.

1826—1836.

1.

[Изъ Михайловскаго. 9 ноября 1826].

Милый Николай Михайловичъ! Сейчасъ изъ Москвы, видѣлъ ваше «Тригорское».* Спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай вамъ Богъ здоровья, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія.

* Извѣстное стихотвореніе Языкова [Соч. его, ч. I, стр. 72]. Ср. выше стр. 46 — указаніе въ письмѣ кн. Вяземскому.

lib.pushkinskijdom.ru

2.

[Изъ Москвы. 21 декабря 1826].

Письмо ваше получилъ я въ Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода — вамъ, достойному пѣвцу того и другаго. Пишу однако жъ изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ Московскомъ Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой, откуда передамъ ихъ въ храмъ безсмертія. Непремѣнно будьте же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется.

Я усталъ и боленъ — потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфу кланяюсь, обѣщая мое высокое покровительство.

21 декабря. *

Тригорское ваше съ вашего позволенія напечатано будетъ во 2 № Московскаго Вѣстника.

Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи. Дельвигъ — нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ «Телеграфу» — жаль, но что же дѣлать?

3.

[Изъ Михайловскаго. 14 апрѣля 1836].

Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ: вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы, гдѣ теперь вспоминаемъ

---

* П. Анненковъ прочелъ въ подлинникѣ и напечаталъ «21 ноября», и сдѣлалъ изъ этого даже выводъ: «Итакъ Пушкинъ возвратился въ Москву 20 ноября и 22 декабря уже (?) писалъ въ домѣ Зуб.» и пр. [I, 174]. Между тѣмъ Пушкинъ не изъ Москвы, а изъ Пскова писалъ: 29 ноября 1826 Погодину и Бенкендорфу и 1 декабря кн. Вяземскому. Въ Москву же пріѣхалъ 20 декабря [а не ноября] и поэтому теперь возстановляется заподозрѣнная точность помѣты подъ стихами Пущину [Мой первый другъ]: «13 декабря 1826 г. Псковъ», которую переправляли на 13 ноября.

lib.pushkinskijdom.ru

мы васъ и старину. — Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, у которой я въ гостяхъ. Поклонъ вамъ отъ всего и ото всѣхъ вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью. Алексѣй Вульфъ здѣсь же, по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ..., но оно такъ живо мнѣ васъ напомнило, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнитесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобы онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи — вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника: опрысните его вашими кипучими каплями.[1] Посланіе къ Давыдову — прелесть![2] Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазавъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ — и правъ. Прощайте, пишите мнѣ, да и кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его «Посланіе», напечатанное въ Новосельи [помнится], и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ.

14 апрѣля.

PS. Пришлите мнѣ, ради Бога, Стихъ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ и еще какую нибудь легенду — нужно.

---

[1] Языковъ далъ для 2-й книги Современника отрывки изъ своей сказки объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ.

[2] Посланіе Языкова къ Д. В. Давыдову напечатано въ Моск. Наблюдателѣ 1835 г. Тамъ Языковъ говоритъ: «Ты боецъ чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу».

lib.pushkinskijdom.ru

XXXVIII. КЪ НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ АЛЕКСѢЕВУ.

[Изъ Пскова. Въ концѣ ноября 1826].

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшаго мнѣ жизнію новѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ нибудь чинно-сидящаго моего друга или въ креслахъ театральныхъ, или въ рестораціи за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей. *

---

* Объ этомъ Кишиневскомъ пріятелѣ Пушкина любопытныя подробности сообщены въ статьяхъ И. П. Липранди, въ Р. Архивѣ 1866 г. — О письмѣ къ Алексѣеву упоминается выше, на стр. 47, и вѣроятно къ этому же лицу относится написанная въ Кишиневѣ записка въ стихахъ:

«Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди — тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,

lib.pushkinskijdom.ru

XXXIX. КЪ СЕРГѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СОБОЛЕВСКОМУ.

1826—1829.

1.

[Изъ Пскова. Въ концѣ ноября 1826].

Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однако жъ, прежде чѣмъ что нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже [очень мило, очень учтиво] вымыли голову.[1] Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали.[2] Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. — Съ Погодинымъ уговорился снова.

Перешли письмо Зубкову[3] безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду

Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги...»

Тардифъ, прежде извѣстный кухмистеръ въ Петербургѣ, жилъ тогда въ Кишиневѣ.

[1] За чтеніе въ Москвѣ «Бориса Годунова» и пр. См. письмо Бенкендорфа, въ Р. Стар. 1874, № 8, с. 695. О Соболевскомъ см. Р. Архивъ 1878, № 11.

[2] См. ниже, письмо къ Погодину отъ 29 ноября 1826 г.

[3] Вас. Петровичъ, женатый на родственницѣ Пушкина, который въ 1826 г. останавливался въ его домѣ въ Москвѣ и тамъ между прочимъ написалъ свои «Стансы» [Въ надеждѣ славы и пр.].

lib.pushkinskijdom.ru

у васъ; покамѣстъ сижу или лежу въ Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ; чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

2.

[Изъ Петербурга. 1827].

Если бы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу,[1] то я безъ хлопотъ ее бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ — и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный

Что ты Ольдекопничаешь и Воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей — Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полеваго и проч.

Хорошъ!

3.

[Изъ Петербурга. 15 іюля 1828].

Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ[2] и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе, деньги же эти — трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго.[3] Пріѣзжай въ Петербургъ если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣ-

---

[1] Онѣгина, которую Соболевскій по порученію автора печаталъ тогда въ Москвѣ; между тѣмъ 3-ю главу Пушкинъ успѣлъ уже напечатать въ Петербургѣ.

[2] Смерть матери Соболевскаго. Сыну она оставила много денегъ, но огромныя имѣнія перешли законнымъ наслѣдникамъ — Давыдовымъ и Апраксинымъ.

[3] Сергѣй Дмитріевичъ, извѣстный библіофилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ну судьбы твоей, то есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не съумѣю. Прощай, мой другъ.

15 іюля.

4.

[9 ноября 1828].

Во-первыхъ — запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари.

На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отвѣдай,
И отправься на легкѣ.

Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ —
То-то другъ мой растаращитъ
Сладострастный свой глазокъ:

Поднесутъ тебѣ форели,
Тотчасъ ихъ варить вели.
Какъ увидишь — посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.

Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси, есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ —

lib.pushkinskijdom.ru

У податливыхъ крестьянокъ
[Чѣмъ и славится Валдай]
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

9 ноября.

5.

[Изъ Петербурга. 1829].

Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ?[1] Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ — кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу?[2] Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли: во всякомъ случаѣ въ Петербургѣ не остаюсь.

---

[1] Дѣйствующее лицо въ «Бурѣ» Шекспира. Этимъ именемъ Пушкинъ прозвалъ Соболевскаго.

[2] IV и V главы вышли вначалѣ 1829 г. «Атеней» издавался московскимъ профессоромъ М. Г. Павловымъ. — Иванъ Савельичъ — извѣстный въ то время московскій шутъ, о которомъ подробности см. въ Запискахъ Селиванова [Р. Стар. 1882, № 3].

lib.pushkinskijdom.ru

XL. КЪ МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

1826—1836.

1.

[Изъ Пскова. 29 ноября 1826].

Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемелется и будетъ мука̀, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

2.

[1827].

Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ къ Языко̇ву—тисните, [1] но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ № не помѣщусь.

3.

[Изъ Михайловскаго. Осень 1827].

Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ цензуры; [2] коль скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы!

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ, и пр. [См. т. II, ст. 155].

4.

[Изъ Михайловскаго 31 августа 1827].

Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ кромѣ двухъ стиховъ. [3] Скажите это отъ меня господину, который вопро-

---

[1] Напечатано въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 9.

[2] Ангелъ, Стансы, 3-я гл. Онѣгина, Фаустъ и Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ были представлены самимъ Пушкинымъ Бенкендорфу въ іюнѣ 1827 г., а возвращены изъ этой цензуры въ августѣ. [Р. Ст. 1876, № 8, с. 700].

[3] Эти стихи теперь напечатаны: «Да модная болѣзнь» и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

шалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени, впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію!!! * Et tu, Brute!... Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!... Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи, давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка Переправа въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвально одно ревностное

* Погодинъ издалъ альманахъ подъ этимъ заглавіемъ на 1826 годъ, но на 1827-й годъ изданіе не состоялось.

lib.pushkinskijdom.ru

трудолюбіе, а хорошее однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ, отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ; но что все собираюсь загладить свою вину — не знаю, увижу ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать зимою въ бѣлокаменной.... Весь вашъ безъ церемоній.

31 августа. Михайловское.

PS. Еще слово: изданіе Ураніи, ей Богу, можетъ хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя «Благонамѣреннаго»; онъ совершенно правъ — публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе, но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

5.

[Въ концѣ 1827].

Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиняться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго [кромѣ Голубые глаза, взятые для Дельвига]. Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы* пропущенные — на дняхъ пришлю Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего

* Напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1828, № 1.

lib.pushkinskijdom.ru

не осталось послѣ здѣшней альманашной жатвы, а писать еще некогда. — Весь вашъ А. П.

Я не лишенъ правъ гражданства, и могу быть цензированъ нашею цензурою, если хочу, — а съ каждымъ нрав. четверостишіемъ я къ высшему начальству не полѣзу — скажите это имъ.

6.

[19 февраля 1828].

Вы конечно правы, и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. — Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ — печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ — а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило, не трогать, чего знаете. — Впрочемъ здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ! витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Третьяковскій, «плюньте на суку»...

19 февраля.

На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

7.

[Изъ Петербурга. 1 іюля 1828].

Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право всякой день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякой день собирался къ вамъ писать и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. — Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси: — должно терпѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте. — Честь и слава милому нашему Шевыреву.[1] Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно надѣюсь дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина и Ѳедорова. Я здѣсь надосугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ «Мысли», одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и N. N..... каждогда по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ. Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?... въ бытность свою въ С. Петербургѣ со мною въ томъ-было согласился [но сіе да будетъ и между нами. Т. добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу]. Кланяйтесь Калибану[2] — на дняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ — за симъ обнимаю васъ отъ сердца. — 1 Іюля.

Кстати, похвалите Славянина, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а N. N. Русской Академіи. — На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ бѣлокаменную съ Богомъ.
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ,
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну въ Аѳиней — что Аѳиней?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

[1] Онъ напечаталъ разборъ Елены, изъ 2 ч. Фауста.
[2] С. А. Соболевскій; см. выше, стр. 300.

lib.pushkinskijdom.ru

8. Одиннадцать записокъ.

[Въ Москвѣ. Май. 1830].

1. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда.[1] — А. П.

2. Могу ли къ вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не даетъ, а даритъ, кому захочетъ, такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него [прости Господи мое прегрѣшеніе].

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ уничтожилъ рогатки [chevaux de Frise], а ввелъ карреи кагульскія.[2]

3. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками. — Завтра увижу ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? [Въ трагедіи, понимается].[3] — А. П.

4. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 pr. c. или на шесть мѣсяцевъ по 5 pr. c. — Что четвертое дѣйствіе [Петра]? — А. П.

5. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

6. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ?[4] — А. П.

7. Если уже часть, такъ бо̀льшую ради Бога. — А. П.

8. Надеждинъ хоть изрядно насъ тешитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было бы, если [бъ] онъ теперь потѣшилъ — двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc. — Весь вашъ etc.

9. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любез-

---

[1] Пушкинъ просилъ взаймы на уплату карточнаго долга; у Погодина денегъ не было и онъ обѣщалъ ихъ занять у Надеждина или кого другаго.

[2] Пушкинъ поправляетъ ошибку, сдѣланную въ «Моск. Вѣстникѣ».

[3] Трагедія «Петръ I».

[4] Игра словъ: «Надоумко — псевдонимъ Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ онъ иногда до неприличія бранилъ Пушкина. Отсюда опять каламбуръ въ слѣдующей запискѣ: тешитъ [отъ тесать] и тѣшитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ный и почтенный! Ваши 1800 р. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ я не обязался именно къ которому числу. — Весь вашъ А. П.

10. Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. — А. П. — Четвергъ.

11. Сердечно благодарю васъ, любезный Михайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ. — Какъ вамъ кажется письмо Чадаева?* И когда увижу васъ?

9.

[Изъ Болдина. Декабрь 1830]

Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукьяновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы надосугѣ васъ раскритиковалъ. — А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому! его второй томъ

* Рядъ философическихъ писемъ Чаадаева къ г-жѣ Пановой, урожденной Улыбышевой, былъ написанъ въ теченіе 1828—1829 годовъ, и письма эти тогда же распространились въ рукописяхъ. Впослѣдствіи только первое изъ нихъ, въ переводѣ Н. Х. Кетчера съ французскаго оригинала, было напечатано въ «Телескопѣ» 1836 г., что и повлекло запрещеніе журнала, ссылку редактора, отставку цензора и объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Паѳмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную. [Приложено стихотвореніе «Герой»].

Дек 1830

10.

[Изъ Болдина Декабрь 1830]

Я было опять къ вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ, смотритель увидѣлъ, что я ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Марѳу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я было признаюсь боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи. Марѳа имѣетъ европейское, высокое достоинство. — Я разберу ее какъ можно пространнѣе. — Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. — Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? и эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. — Разумѣется сообразно съ духомъ его. — И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность — Скоро ли выдетъ ваша Марѳа? Не посылаю вамъ замѣчаній [частныхъ], потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другаго изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто. Разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія [не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю]. Борецкій [хоть и новгородецъ] съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояри-

lib.pushkinskijdom.ru

номъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически [то есть умно, живо, глубоко] его политику — вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь. — А. П.

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на царя [и по дѣломъ], а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите до свиданія. Поклонъ Языкову. — Что за прелесть сцена пословъ. Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? А посадникъ? А князь Шуйскій? А князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства Шекспировскаго.

[Слѣдуетъ разборъ трагедіи «Марѳа Посадница». См. томъ V].

11.

[1831].

Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Нікодіму Надоумкѣ, приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ [какъ лучше?] Мнѣ пишутъ изъ Петербурга что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка. — Выдавайте жъ Марѳу.

12.

[Изъ Царскаго Села. Лѣто 1831].

Сердечно благодарю васъ и за письмо и за старую Статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено, оно будетъ вѣроятно убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ Жу-

lib.pushkinskijdom.ru

ковскій будетъ сюда и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ самый неаккуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Холера и смерть цесаревича насъ совершенно смутила. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно...., ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полеваго.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

13.

[Изъ Петербурга. 11 іюля 1832]

Исполнивъ коммиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а

lib.pushkinskijdom.ru

разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика конечно ниже даже и публики, не только самой литературы—сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народной успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живаго, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей.... Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое вѣроятно никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были уважать N., N., N.? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе [каково бы у насъ ни было] избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! * Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля 1832.

14.

[Изъ Петербурга. 5 марта 1833]

По секрету.

Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники. — Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ дѣло слажено, и архивы вамъ открыты [кромѣ тайнаго]. Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ — и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью — вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать и я поспѣшу все здѣсь окончить. — Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

1833. 5 марта.

---

* Алекс. Александровичъ Шишковъ тогда издалъ «Избранный нѣмецкій театръ» [4 части. М. 1831]. Фортунатъ, драматическая сказка Людвига Тика, въ 3-й части этого изданія.

lib.pushkinskijdom.ru

15.

[Изъ Петербурга. 6 Апрѣля, 1834].

....Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ.... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не.... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ.

[Надпись на конвертѣ: 1834. Апрѣля 7].

16.

[Изъ Михайловскаго. 14 апрѣля 1836].

Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ въ слѣдствіе печальныхъ обстоятелствъ.[1] Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили. — Статья о вашихъ Афоризмахъ[2] писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С.-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ — порыться въ архивѣ, и свидѣться съ вами. — Весь вашъ А. П.[3]

14 апрѣля. Михайловское.

---

1 Смерть матери, тѣло которой Пушкинъ провожалъ въ Святогорскій монастырь, а оттуда отправился въ свою деревню.

2 Историческіе афоризмы М. Погодина, М. 1836. Статья объ этой книгѣ напечатана въ 1-й кн. Современника 1836, стр. 296—302.

3 Судя по нумераціи писемъ въ Москвитянинѣ 1842 г. № 10, гдѣ они были первоначально помѣщены, у г. Погодина имѣлось еще 14 ненапечатанныхъ; именно 12 послѣ № 7 [нашей нумераціи], 1 послѣ № 2, 1 послѣ № 12 и начало № 15-го. Не замѣщается ли первый пробѣлъ отчасти 11-ю записками [№ 8], помѣщенными въ «Утрѣ» 1868 г.

lib.pushkinskijdom.ru

XLI. КЪ МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗАГОСКИНУ.

1830—1834.

———

1.

[Изъ Петербурга. 11 января 1830].

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго.[1] Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы и пр.

Января 11-го, 1830. Спб.

2.

[Изъ Петербурга. 9 іюля 1834].

М. Г. Михаилъ Николаевичъ! вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе и не слыхали отъ меня спасибо.[2] Вы имѣете

---

[1] Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій; но статья была написана самимъ Пушкинымъ [см. т. V].

[2] Говорится вѣроятно о романѣ Загоскина «Аскольдова Могила», вышедшемъ въ концѣ 1833 г. Кстати замѣтимъ, что одинъ изъ бывшихъ прикащиковъ Смирдина сообщилъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» 1878, № 168, весьма сомнительное свѣдѣніе, будто Пушкинъ, прійдя однажды въ магазинъ, написалъ на обложкѣ «Аскольдовой Могилы» и на портретѣ О. П. Козодавлева:

1.

Аскольдова Могила
Не очень глубока:
Ее слегка изрыла [?!]
Загоскина рука.

lib.pushkinskijdom.ru

полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ,* очень занимательное лицо [или даже лица], собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціею [издержки спектакля на ея счетъ] и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга. — А. Пушкинъ.

9-го іюля 1834.

XLII. КЪ АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕРСТОВСКОМУ.

[Изъ Болдина. Въ концѣ 1830].

Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ; въ вторыхъ, потому что

2.

Какія нынѣ времена,
На все возвысилась цѣна,
И къ удивленію людей
И этотъ стòитъ пять рублей!

* Вантрилокъ Александръ Ваттемаръ, дававшій тогда свои представленія въ Петербургѣ. Въ его альбомѣ Пушкинъ написалъ: «Votre nom est legion, car vous êtes plusieurs. — 16 juin v. st. 1834. St. Pétersbourg. — A Pouchkine». [См. Р. Стар. 1880, № 5, 95—96, и № 9, 221].

lib.pushkinskijdom.ru

я надѣюсь быть ему долженъ; въ третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живаго, т. е. умнаго и дружескаго. И такъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго [1] не предается унынію [для чего нехудо поссориться ему съ Павловымъ, [2] яко съ лицомъ уныніе наводящимъ].

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно....

XLIII. КЪ ПАВЛУ ВОИНОВИЧУ НАЩОКИНУ. [3]

1830—1836.

1.

[Въ Москвѣ. Декабрь 1830].

Сей часъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ [4] и коли можешь достань съ своей стороны тысячи двѣ.

2.

[Изъ Петербурга. Май 1831].

Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ.

---

[1] Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. Сказка о его будто бы окрикѣ на Пушкина помѣщена въ Р. Архивѣ 1874, № 3, с. 799.

[2] Николай Филипповичъ. Объ отношеніяхъ его къ Нащокину см. Куликова въ Р. Старинѣ 1880, № 12.

[3] П. В. Нащокинъ, внукъ автора извѣстныхъ «Записокъ», подружился съ Пушкинымъ еще въ царскосельскомъ лицеѣ. Онъ умеръ въ Москвѣ 6 ноября 1854 г.

[4] Мой — потому что Пушкинъ купилъ у него шаль для невѣсты. Ср. т. IV, стр. 437.

lib.pushkinskijdom.ru

[Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой]. Поливановъ[1] сей часъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправлю тебѣ 2000 р. для Горчакова; не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Чтò ты дѣлаешь, душка? Что твоя хозяйка? Что Марья Ивановна,[2] спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

3.

[Тоже. Май 1831].

Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ;[3] онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

4.

[Изъ Царскаго Села. 1 іюня 1831].

Вотъ уже недѣля какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому

---

[1] Александръ Юрьевичъ—былъ женихомъ одной изъ свояченицъ Пушкина.

[2] Экономка, жившая у Пушкина въ Москвѣ послѣ его свадьбы; далѣе подъ «домомъ» Пушкинъ подразумѣваетъ оставленную квартиру.

[3] Владиміръ Петровичъ — Кишиневскій знакомецъ.

lib.pushkinskijdom.ru

пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной. У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской,[1] и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка[2] его не надулъ — смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу! Изъ Царскаго Села пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны,[3] и увезъ бы тебя въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотернъ и пр. — Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другаго. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

1 іюня 1831 г.

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана [«Странникъ»], очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

[На конвертѣ: получено іюня 6].

---

[1] Она была родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина, родившейся во Франціи. Третья сестра, Софья, была за гр. Де Местромъ.

[2] Аѳанасій Николаевичъ Гончаровъ.

[3] Цыганка, жившая у Нащокина. Объ отношеніяхъ къ ней и вообще о Нащокинѣ см. интересныя воспоминанія Н. И. Куликова: «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ». [Р. Старина 1880—1881].

lib.pushkinskijdom.ru

5.

[Тоже. 11 іюня 1831].

Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются ли письма? Пожалуста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй,[1] съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы — и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили.[2] Ужасно, но надѣюсь не правда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

11 Іюня 1831 г. Царское Село.

6.

[Тоже. Іюнь 1831].

Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на оное; на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ[3] я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но вой-

---

[1] Извѣстный писатель Николай Филипповичъ. Объ игрѣ его съ Нащокинымъ см. у Н. И. Куликова, Р. Стар. 1880, № 12, с. 992—3.

[2] Матвѣй Евграфовичъ — виленскій генералъ-губернаторъ; слухъ былъ ложный.

[3] Доставлявшимъ вещи изъ Москвы въ Царское Село.

lib.pushkinskijdom.ru

детъ же когда нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Сарское Село оцѣплено — такъ какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и тёща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ [Поливановъ]? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ «Заводахъ»[1] en tête à tete съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

[На конвертѣ: получено іюня 26].

7.

[Тоже. 26 іюня 1831].

Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ равнодушныхъ москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть; отперли больницы, кой-кого [сказываютъ] убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута.[2] Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 13-го. О военныхъ движе-

---

[1] Имѣніе Гончаровыхъ въ Калужской губерніи.

[2] Ср. письмо Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской, отъ 5 [17] іюля 1831 [Соч. его, V, 484].

lib.pushkinskijdom.ru

ніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости: теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій?[1] Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ горя? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа. Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру.[2] Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи.[3] Кланяюсь и Андрею Петровичу.[4] Пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Татьянѣ Дмитріевнѣ, Матренѣ Сергѣевнѣ[5] и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шолка. Все холера виновата.

Московскій карточный игрокъ, которому Пушкинъ остался долженъ по игрѣ. Кстати укажемъ на цѣлое дѣло о карточномъ долгѣ Пушкина, напечатанное въ Р. Старинѣ 1878, № 7, стр. 498—502.

[2] Ѳедоръ Даниловичъ, московскій медикъ.

[3] Къ чину.

[4] Есауловъ, музыкантъ, незаконнорожденный сынъ Есаулова; собственно его фамилія была Петровъ.

[5] Московскія цыганки.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

[Тоже. 21 іюля 1831].

Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ;[1] но это дѣло не сбыточное: по крайней мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу![2] Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ то критическомъ разговорѣ,[3] котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Ныньче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди попаду во временщики, и Зубковъ

---

[1] Начальникъ Кремлевской Экспедиціи; умеръ отъ холеры 15 іюля 1831 года.

[2] Рѣчь къ народу на Сѣнной площади.

[3] «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина, разговоръ». М. 1831, 16 стр. — Очень рѣдкая брошюра. Разговоръ происходитъ между «Помѣщикомъ, проѣзжающимъ изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ» и «вольнопрактикующимъ въ ономъ учителемъ русской словесности». Помѣченъ: «15 апрѣля 1831 г. Изъ Астрахани»

lib.pushkinskijdom.ru

съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны. . . . . ; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. — Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

21 іюля.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу ли что мнѣ слѣдуетъ къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

9.

[Тоже. 29 іюля 1831].

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что̀ ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что̀ и дешевле, и спокойнѣе.

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли

lib.pushkinskijdom.ru

ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

29 іюля 1831.

10.

[Тоже. 3 августа 1831].

Отецъ и благодѣтель! На дняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно: да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Корниліонъ Пинскій?* Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что̀ твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ за неимѣніемъ живописца. За симъ прощенія просимъ.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ ломбардъ. Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

11.

[Тоже. 3 сентября 1831].

Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца

* Матвѣй Михайловичъ — въ то время помѣщалъ свои статейки и стихи въ альманахахъ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ деп. мин. юстиціи и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ первымъ [по времени] первоприсутствующимъ кассаціоннаго уголовнаго департамента сената. Особенно сдѣлался извѣстенъ по скандальному процессу съ женой своей.

lib.pushkinskijdom.ru

рѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь [между нами] взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію [за коимъ блохи другаго рода]. Въ тотъ же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата — плюху, за что̀ онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ: ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили-было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l'absense, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ.* Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ пораспросить.

3 сентября.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

---

* Повѣсти И. П. Бѣлкина.

lib.pushkinskijdom.ru

12.

[Тоже. 7 октября 1831].

Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стòитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальныя 5 заплачу я въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. — Весь твой Пушкинъ.

Царское Село. 7 окт. 1831.

13.

[Изъ Петербурга. 24 октября 1831].

Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. бриллiанты * жены моей,

* Заложенные бриллiанты и изумруды, которые теща Пушкина предоставила ему съ женой съ тѣмъ, чтобы они ихъ выкупили.

lib.pushkinskijdom.ru

которые стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей и отъ лапъ Семена Ѳедоровича.[1] Дѣдушка.... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000[2] и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата — въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли что нибудь литературнаго — журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати, я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ, обнимаю тебя отъ сердца.

1831. 24....

[На конвертѣ: 1831. 24 октября].

14.

[Тоже. 5 января 1832].

Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе перешли мнѣ мой опекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ и что мои алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь?

---

[1] Крѣпостной человѣкъ Гончаровой, откупившійся послѣ и имѣвшій большое вліяніе на ея дѣла.

[2] Занятыхъ у Пушкина на расходы по свадьбѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Кстати, не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ [чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего]. Жену мою нашелъ я здоровою, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г—емъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабёнку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. Sur ce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

5 января 1832 г.

15.

[Тоже. 10 января 1832].

10 янв. Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣсть 5,500 руб., на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты [заложенные въ 5,500 р.]. Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ. — Весь твой.

16.

[Тоже. 29 января 1832]

Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ[1] получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бъ ты былъ...,[2] то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа;[3] фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

[На конвертѣ: 29 января 1832].

---

[1] Кренцеръ, завѣдывавшій у Нащокина фабрикою.

[2] Прорвано.

[3] Чернильница, подаренная Нащокинымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

17.

[Тоже. Февраль 1832].

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

18.

[Тоже. 2 октября 1832].

Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня [какъ можешь] передъ Ѳедоромъ Даниловичемъ [Шнейдеръ], отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ; остальной же долгъ получишь въ январѣ, какъ я ужъ распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ,[1] и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго.[2] Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго прострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ свя-

---

[1] Такъ назвалъ Пушкинъ своего Дубровскаго, написаннаго по разсказу Нащокина, который видѣлъ въ острогѣ этого Островскаго, Бѣлорусскаго дворянина, доведеннаго до нищеты богатымъ сосѣдомъ.

[2] Дм. Вас. Короткой отлично зналъ производство тяжебныхъ дѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

зать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ поглядишь и другой.[1] Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продалъ, но продамъ, во что бы ни стало.[2] Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера?[3] Прощай, кланяюсь твоимъ, — цѣлую Павла.[4]

2 октября. Петербургъ.

Въ Морской въ домѣ Жадиміровскаго.

[На пакетѣ клеймо почтамта: 1832].

19.

[Тоже. 23 февраля 1833].

Что̀ любезный Павелъ Воиновичъ? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, запла-

---

[1] По настоянію Пушкина, Нащокинъ набросалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства. [Ср. томъ IV, стр. 447].

[2] Мѣдная статуя Екатерины, подаренная Пушкину дѣдомъ его жены. Пушкинъ продалъ ее за 3000 р. заводчику Берду и деньги были зачтены въ приданое Натальи Николаевны. О предполагавшейся покупкѣ этой статуи М. П. Мятлевымъ см. Р. Архивъ 1881.

[3] Передѣлка «Лѣтней Ночи» Шекспира для оперы Есаулова.

[4] Сынъ Нащокина.

lib.pushkinskijdom.ru

тивъ Ѳедору Даниловичу, справилъ ли остальную тысячу въ Ломбардѣ, пришлешь ли мнѣ что нибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: «2,525 руб. доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Моросѣйкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ него росписку». Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что̀ твои дѣла? Заглаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ[1] тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ,[2] и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся до сыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

[На конвертѣ: 23 февраля 1833].

20.

[Тоже. 24 ноября 1833].

Что̀, Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous êtes éminement un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа, ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный пе-

---

[1] Ювелиръ, ростовщикъ.

[2] Въ Тюфелевой рощѣ подъ Симоновымъ, гдѣ у Нащокина была разорившая его фабрика.

lib.pushkinskijdom.ru

реплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то же похоже — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ[1] и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Лелинька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ, т. е. молчаливъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. «Велика своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать!» Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ — и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

[На конвертѣ: 24 ноября 1833 г.].

21.

[Изъ Петербурга. Декабрь 1833].[2]

Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ

---

[1] Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, шуринъ князя П. В. Вяземскаго. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ Нащокинъ освободился отъ своей цыганки.

[2] Письмо это не дошло до Нащокина. Оно было послано съ отправлявшимся въ Калугу И. Ѳ. Антипинымъ, который, не заставъ Нащокина

lib.pushkinskijdom.ru

желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя [въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ] пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алешѣ [зачеркнуто и сверху написано: «Лелинькѣ»] не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о калиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ! Успокой старика какъ умѣешь.

Не знаю, буду ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія — я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пуг[ачевскаго бунта], то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный.* Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не гово-

---

въ Москвѣ, увезъ письмо съ собою и хранилъ у себя болѣе 35 лѣтъ. Этотъ Антипинъ съ другимъ калужаниномъ Ѳ. И. Абакумовымъ приходили видѣть Пушкина на «Полотняный заводъ» [имѣніе тещи] и Пушкинъ написалъ имъ на память: «Александръ Пушкинъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности принимаетъ знакъ лестнаго вниманія почтенныхъ своихъ соотечественниковъ Ивана Ѳомича Антипина и Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27 мая 1830. П. Заводъ».

* Сынъ поэта Александръ.

lib.pushkinskijdom.ru

рилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину, и желаю вамъ обоимъ счастія. А. П.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, у священника въ домѣ].

22.

[Тоже. Мартъ или апрѣль 1834].

Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ коихъ я не вѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастія. Наталья Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною,* и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ. — Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Отъ того-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, сообразясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъ-ель-ва и пліе, для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ, что несча-

* Жена Нащокина, на которой онъ тогда только что женился, разставшись съ цыганкой, отъ которой уѣхалъ тайкомъ изъ Москвы для женитьбы.

lib.pushkinskijdom.ru

стіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталія Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она [чтобъ не сглазить] слава Богу здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ [Есауловъ] въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами — скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу — нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? — Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ. — Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя. — О чемъ же горе? — Жить нечѣмъ до октября. — Поѣзжайте въ деревню. — Не съ чѣмъ. Что дѣлать? Надо взять имѣніе

lib.pushkinskijdom.ru

въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только!

Вотъ тебѣ другія новости; я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ — убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

23.

[Тоже. Въ концѣ 1834].

Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немедленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. [Ты не пишешь, когда она родила]. Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться! Много

lib.pushkinskijdom.ru

бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташова у Прачешнаго мосту [гдѣ жилъ Вяземскій], а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

24.

[Тоже. 20 января 1835].

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a une beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другаго. Впрочемъ это дѣло дамское.

Ты видѣлъ вѣроятно Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ платель-

lib.pushkinskijdom.ru

щикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

20 января 1835 г. С.-Пб.

25.

[Тоже. Октябрь 1835].

Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ московскою почтою.[1] Услышалъ я, что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ.[2] О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что̀ истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15.000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно. — Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться.

---

[1] Письма Пушкина прочитывались на почтѣ и выписки изъ нихъ доставлялись Бенкендорфу А. Я. Булгаковымъ. Получивъ указаніе на это, Пушкинъ умышленно написалъ женѣ, чтобъ она была осторожнѣе въ перепискѣ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтдиректоромъ н—й Булгаковъ, который не считаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными д....и. — Письмо это не дошло ни до жены, ни до Бенкендорфа. [Р. Ст. 1880 № 9 и 10].

[2] Пушкинъ, взявъ отпускъ съ 27 авг. по 23 дек., отправился въ Михайловское, но по случаю болѣзни матери вернулся въ октябрѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. — Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жидёнокъ-лекарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

26.

[Тоже. 27 мая 1836].

Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому [тихонько отъ Наблюдателей NB.],* и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во вторыхъ деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь сча-

* Сотрудниковъ журнала «Московскій Наблюдатель».

lib.pushkinskijdom.ru

стливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея коммиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.*

[На конв. 27 мая 1836].

XLIV. КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ХМѢЛЬНИЦКОМУ.

[Изъ Москвы. 6 марта 1831].

Милостивый государь Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но въ слѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

6 марта 1831. Москва.

Давъ офиціальный отвѣтъ на офиціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ кни-

* По словамъ Нащокина у него были еще письма, но два изъ нихъ взялъ Кашинцевъ, родственникъ Дубельта, и удержалъ. Въ одномъ Пушкинъ извѣщалъ, что государь пожаловалъ ему 5000 рублей годоваго жалованья, «pour faire jouer ma marmite; больше онъ дать не могъ, ибо это превышало бы и генеральскій окладъ».—Пушкинъ писалъ Нащокину и съ Кавказа, во второе путешествіе. Въ одномъ письмѣ говорилъ, что онъ путешествовалъ съ особымъ деньщикомъ, и солдаты, видя его можетъ быть одного изъ русскихъ разъѣзжающимъ въ статскомъ платьѣ, считали нѣмецкимъ попомъ. Еще въ одномъ, писанномъ не задолго до смерти, Пушкинъ писалъ, что ему надо достать 5 тысячъ, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ и увезти жену въ Псковскую деревню.

lib.pushkinskijdom.ru

гопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго впрочемъ я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ.*

[Помѣта Хмѣльницкаго: 13 марта].

XLV. КЪ ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

[Изъ Царскаго Села. 6 іюля 1831].

Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la notre, et nous continuerons nos conversations, commencées jadis a Sarsko-Selo et si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive à Pétersbourg, le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnait. Les gazettes s'epuisent en semonces et en protestations; malheureusement le peuple ne sait pas lire, et les scènes de sang sont prêtes a se renouveler. Nous sommes cernés a Sarsko-Sélo et à Pavlovsky et nous n'avons aucune communication avec Pétersbourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudoff, ni Bellizard. Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez vous à Nécropolis? Laissez-le moi encore quelque temps. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, et à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont

* Въ 1830 г., по мысли знаменитаго гр. Мордвинова, министерство внутреннихъ дѣлъ предложило губернаторамъ приступить къ открытію публичныхъ библіотекъ. Хмѣльницкій немедленно на собственныя средства и вызванныя пожертвованія устроилъ такую библіотеку въ Смоленскѣ, и отнесся съ просьбою къ болѣе замѣчательнымъ писателямъ того времени, въ томъ числѣ и къ Пушкину, о пожертвованіи ихъ сочиненій.

lib.pushkinskijdom.ru

donc obscures, et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note ou bien d'en faire un extrait. J'étais prêt a vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait réflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligeance et ce laisser aller. Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote de l'idée du vrai Dieu, de l'art antique, du protestantisme est admirable de force, de verité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout à fait nouvelle, je ne puis toujours être de votre avis; par exemple, je ne conçois pas votre aversion pour Marc Aurèle, ni votre prédilection pour David [dont j'admire les psaumes, si toute fois ils sont de lui]. Je ne vois pas pourquoi la peinture forte et naive du polythéisme vous indignerait dans Homère. Outre son mérite poétique, c'est encore d'après votre propre aveu un grand monument historique. Ce que l'Iliade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité chrétienne dans le catholicisme, c'est à dire dans le pape. N'est-elle pas dans l'idée du Christ, qui se retrouve aussi dans le protestantisme? L'idée première fut monarchique; elle dévint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Écrivez moi, mon ami, dussiez vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 juillet S. S.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Петру Яковлевичу Чадаеву. Въ Москвѣ. На Дмитріевкѣ, въ домѣ Рѣшетникова].

Переводъ: Другъ мой, я буду говорить съ вами на языкѣ Европы; онъ мнѣ знакомѣе нашего, и мы будемъ продолжать наши бесѣды, начавшіяся когда-то въ Царскомъ Селѣ и такъ часто прерывавшіяся.

Вы знаете, что дѣлается у насъ въ Петербургѣ; народъ вообразилъ, что его отравляютъ. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но къ несчастію народъ не умѣетъ читать и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ отчего я не видалъ ни Блудова, ни Белизара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите ли вы, чтобы я отослалъ ее вамъ; но что вы станете дѣлать съ нею въ Некро-

lib.pushkinskijdom.ru

полисѣ [Москвѣ]? Оставьте мнѣ ее еще на нѣсколько времени. Я только что перечиталъ ее; мнѣ кажется, что начало очень связано съ предшествовавшими разсужденіями и съ идеями гораздо ранѣе развитыми, болѣе ясными и положительными для васъ, но не для читателя. По этому первыя страницы нѣсколько темны, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе. Я готовъ былъ также замѣтить вамъ безпорядокъ и отсутствіе метода во всей статьѣ, но разсудилъ, что это-вѣдь письмо и что этотъ родъ извиняетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это laisser aller. Все, что вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, что является портретомъ и картиной — все широко, блестяще и грандіозно. Съ взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я однако жъ не могу всегда соглашаться: напримѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду [псалмамъ котораго удивляюсь и я, если только еще они имъ и написаны]. Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не находится и въ Библіи? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то есть въ папѣ. Не въ идеѣ ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою; потомъ сдѣлалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите же мнѣ, другъ мой, если бы даже вамъ пришлось бранить меня. Лучше, говоритъ Екклезіастъ, слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца. — 6 іюля Ц. С.

XLVI. КЪ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КОНШИНУ.

1831—1836.

1.

[Изъ Царскаго Села. Лѣтомъ 1831].

Собака нашлась, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ говоря: мало; помнѣ и онъ и собака того не стоятъ, но жена моя другаго мнѣнія. Здоровы ли вы и скоро ль увидимся. А. П.

[Адресъ: Николаю Михайловичу Коншину].

lib.pushkinskijdom.ru

2.

22-го декабря 1836 г. [Изъ Петербурга].

Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ — увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо! Все-таки вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволяю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу.... Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе. — А. П.*

[Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Николаю Михайловичу Коншину].

XLVII. КЪ МИХАИЛУ ЛУКЬЯНОВИЧУ ЯКОВЛЕВУ.

1831—1836.

1.

[Изъ Царскаго Села. 19 іюля 1831].

Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, слѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой, и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня, написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ,

* Коншинъ былъ одинъ изъ множества посредственныхъ писателей и стихотворцевъ 20—30 годовъ. Въ Р. Архивѣ 1877 г., будто бы по воспоминаніямъ его, напечатана совершенная нелѣпица о поэтѣ, напр. что у Пушкина, въ день дуэли, въ передней разложены были пистолеты, будто самъ онъ. сбираясь на дуэль, плакалъ и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ ли онъ и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Михайловнѣ,[1] и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что̀ Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. На дняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхля и его же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву.[2] Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя. Плетневъ и я мы бы постарались что нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свиданія. — А. П.

19 іюля. С. село.

[На конвертѣ: «Его высокобл., м. г. Михайлѣ Лукьяновичу Яковлеву, въ Спбгъ, во 2-е Отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи». Штемпель: Царское Село. 20 іюля 1831].

2.

[Въ Петербургѣ, 3 іюля 1834].

Милостивый государь Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторія Пугачевскаго бунта, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

---

[1] Вдова Дельвига.

[2] Вѣроятно говорится о стихотвореніи: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный». Изъ пьесъ же Кюхельбекера въ печати явилась только одна мистерія «Ижорскій».

lib.pushkinskijdom.ru

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 іюля 1834. Спб.

3.

[Половина августа 1834].

Вотъ 18-й листъ.[1] — Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія [ты правъ, любимецъ музъ!] должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. — № 14.

4.

Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину?[2] Не правда ли? — № 14.

19 окт. [1834].

5.

Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣд-

---

[1] 2-й части Исторіи Пугачевскаго бунта. Говорится о неисправности списка Рычкова, можетъ быть даже объ этомъ мѣстѣ: «злодѣи жъ, усмотря, что имъ здѣсь прекратя и намѣреніе свое сдержать никоимъ образомъ не можно».

[2] Основанія лицея, о чемъ говорится и въ слѣдующей запискѣ, гдѣ Пушкинъ не соглашается на празднованіе вмѣстѣ съ позднѣйшими курсами, о чемъ хлопоталъ Энгельгардтъ. Записки подписаны лицейскимъ нумеромъ комнаты поэта.

lib.pushkinskijdom.ru

ній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — № 14.

[1836].

6.

Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичъ! я было тебя зазвалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другаго раза—прости великодушно — не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

[19 ноября 1836].

[Надпись: «Его высокородію м. г. Михайлу Лукьяновичу Яковлеву. У Казанскаго моста, въ домѣ казенной типографіи». Помѣта Яковлева: 19 ноября 1836].

7.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ.
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни. — А ввечеру тебѣ доставлю. — Весь твой А. П.*

[На оборотѣ: «М. Л. Яковлеву»].

* Гр. Соллогубъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ, что во второй половинѣ ноября 1836 г., прогуливаясь съ Пушкинымъ и остановясь ждать его у дверей книжной лавки Смирдина, импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковскаго толкнешь—
— «Иль въ Булгарина наступишь!»

добавилъ Пушкинъ, которому графъ сказалъ первые четыре стиха.

lib.pushkinskijdom.ru

XLVIII. ДВА ПРОТОКОЛА ПРАЗДНОВАНІЯ ЛИЦЕЙСКИХЪ ГОДОВЩИНЪ.[1]

1828.

Собрались на пепелищѣ скотобратца курнофеюса Тыркова, по прозвищу кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ — Тося, Илличевскій — Олесенька, Яковлевъ — паясъ, Корфъ — дьячокъ-морданъ, Стевенъ — шведъ, Тырковъ [смотри выше], Комовскій — лиса, Пушкинъ — французъ [смѣсь обезіаны съ тигромъ].

a. Пѣли извѣстный лицейскій пэанъ Лѣто, знойна.

Пушкинъ-французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ сочинитель Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше означено.[2]

b. Вели бесѣду.

c. Выпили вдоволь ихъ здоровій.

d. Пѣли рефутацію г-на Беранжера.[3]

e. Пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ.[4]

f. Пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ.

g. Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся.

h. Тырковіусъ безмолвствовалъ.

i. Толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія скотобратцевъ.

k. Паясъ представлялъ восковую персону.

l. И завидѣвъ на дворѣ часъ первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лицея Пушкину-французу, иже написа сію грамоту. [Слѣдуютъ собственноручныя подписи присутствовавшихъ съ ихъ прозвищами].

---

[1] Помѣщаемъ ихъ въ дополненіе къ предыдущей перепискѣ.

[2] Неизданное стих. Илличевскаго, въ духѣ Тредьяковскаго:

Лѣто знойно, дщерь природы,
Идетъ къ намъ въ страну.

[3] Часть ея приведена нами вслѣдъ за этимъ протоколомъ.

[4] По словамъ Якова Грота, обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

О Соломонъ,
Въ библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ! и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

[Протоколъ оканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ Пушкина]:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.[1]

РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.[2]

Soldat, t'en souviens tu, disaît un capitaine.
[Emile Debraux].

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье,
Мусье французъ, ... капитанъ,
Какъ помнятся у насъ въ простонародьи
Надъ нехристемъ побѣды россіянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать;
Но встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи?...

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ въ расплохъ?
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?...

Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
. . . . . .

Ты помнишь ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ казакъ иль полковой нашъ попъ
Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе....
. . . . . .

---

[1] Пушкинъ тогда же уѣхалъ изъ Петербурга и 27 октября былъ уже въ деревнѣ Вульфовъ Малинникахъ [Тверской губ.], какъ свидѣтельствуетъ написанное тамъ въ тотъ же день посвященіе къ только что оконченной «Полтавѣ».

[2] Пѣсня, которой первый стихъ поставленъ эпиграфомъ, вѣроятно, была завезена подъ чужимъ именемъ какимъ нибудь гр. Нулинымъ [«съ послѣдней пѣсней Беранжера»]. Она принадлежитъ Эмилю Дебро, талантливому поэту, умершему въ 1831 г. 36 лѣтъ отъ роду.

lib.pushkinskijdom.ru

1836.

Праздновали двадцатипятилѣтіе лицея [за тѣмъ собственноручно каждымъ: «П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ»].

Собрались выше упомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева, и пировали слѣдующимъ образомъ:

1. Обѣдали вкусно и шумно.
2. Выпили три здравія [по заморскому toasts]:
   a. За двадцатипятилѣтіе лицея,
   b. За благоденствіе лицея,
   c. За здоровье отсутствующихъ.
3. Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей. *
4. Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.
5. Поминали лицейскую старину.

[Конецъ протокола дописанъ Яковлевымъ]:

6. Пѣли національныя пѣсни.
7. Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-ти лѣтіе лицея; но всѣхъ стиховъ не припомнилъ, и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Собрались всѣ въ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го.

XLIX. КЪ АЛЕКСАНДРУ ѲЕДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ.

[РЕДАКТОРУ ЛИТ. ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ Р. ИНВАЛИДУ].

[Изъ Царскаго Села. Между 21—25 авг. 1831].

Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не обра-

* С. Д. Комовскому.

lib.pushkinskijdom.ru

зумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу.[1] Мольеръ и Фильдингъ вѣроятно были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты по своему обыкновенію нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

L. КЪ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ. 1831—1835.

1.

[Изъ Царскаго Села. 25 августа 1831].

Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ.[2] Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась.[3]

---

[1] Это было сообщено Пушкину самимъ Гоголемъ въ письмѣ отъ 21 августа 1831 [Р. Арх. 1880, II]. О выходѣ 2-го изд. «Вечеровъ» см. замѣтку въ V томѣ.

[2] Въ письмѣ отъ 21 авг. 1831 Гоголь предлагалъ написать эстетическоученый разборъ романовъ: П. И. Выжигинъ [Булгарина] и Соколъ былъ бы соколомъ да курица съѣла [Орлова], причемъ Булгарина сравнить съ Байрономъ.

[3] «Торжество дружбы» и пр. нагечат. въ 13-й книжкѣ Телескопа 1831 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича? — Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца.[1] У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна[2] благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно кажется мудрено.—А. П.

25 августа.

2.

[Май 1834]

Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о вашей.[3] Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

3.

[1835].

Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки.[4] Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ! — А. П.

4.

ЗАПИСКИ ЧУХИНА, СОЧИН. ЕТС.

[1835].

Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди не при-

[1] Н. А. Полевой, издававшій тогда М. Телеграфъ и передъ тѣмъ напечатавшій тамъ непріязненную статью о Борисѣ Годуновѣ.

[2] Въ письмѣ Гоголя, отъ 21 августа, жена Пушкина названа Надеждою.

[3] Въ письмѣ отъ 13 мая 1834 г. Гоголь просилъ Пушкина похлопотать передъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто засталъ Гоголя «еле-жива».—Телеграфъ запрещенъ въ апрѣлѣ 1834 г. и именно благодаря Уварову.

[4] Говорится о приключеніи съ поручикомъ Пироговымъ въ повѣсти «Невскій Проспектъ» [Арабески, 1835].

lib.pushkinskijdom.ru

знающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія — [!].

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина ни мало не уступаетъ его прежнимъ....[1]

LI. КЪ АЛЕКСАНДРУ АНѲИМОВИЧУ ОРЛОВУ.

[Изъ Петербурга. 24 ноября 1831—9 января 1832].

М. г. Александръ Анѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность.[2] Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего «Выжигина» есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ «Молвѣ»[3] объявленіе

[1] «Записки Чухина» вышли въ 1835 г.

[2] Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Орлова, благодарившаго его за статьи въ «Телескопѣ» 1831 г. «Торжество дружбы» и «О мизинцѣ Булгарина» [см. томъ V].

[3] «Молва» издавалась ввидѣ еженедѣльнаго приложенія къ «Телескопу» Надеждина. «Исторію русскаго народа» тогда издавалъ Полевой, и объявленіе о таковой же Орлова было помѣщено Надеждинымъ на смѣхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

о намѣреніи вашемъ писать «Исторію русскаго народа»: можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ А. Пушкинъ.

24-го ноября 1831. Спб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Анѳимовичъ! но отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стòятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Луговаго — мое дѣло сторона. — А. П.

1832. 9-го Янв. Спб.

LII. КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРІЕВУ.

1832—1836.

1.

[Изъ Петербурга 14 февраля 1832].

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите жъ долго, мило-

lib.pushkinskijdom.ru

стивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ щедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ въ слѣдствіи доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ![1] Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

14 февраля. С. П. Б

2.

[Изъ Петербурга. 14 февраля 1835].

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.[2]

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености

---

[1] Въ одной изъ статей Европейца отысканы были двусмысленные выраженія о нѣмцахъ и о конституціи.

[2] Выдержка изъ Записокъ Дмитріева напечатана въ Исторіи Пугачевскаго бунта: описаніе казни.

lib.pushkinskijdom.ru

и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря,[1] умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Не извѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. К.,[2] слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

14 февраля 1835. С. ПБ.

3.

[Изъ Петербурга 26 апрѣля 1835].

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное ободреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ пред-

---

[1] П. И. Соколовъ ум. 9 января 1835. Дмитріевъ и Пушкинъ были членами Россійской академіи.

[2] Т. е. къ Андрею Никол. Карамзину; говорится о графѣ Хвостовѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ставленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г: Полевому, который вѣроятно, за сходную цѣну, возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ Лобановъ и Аяксъ Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору [по крайней мѣрѣ, издателю Нестора].[1] Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ фокусникъ, а Фуссъ его паясъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

26 апрѣля 1835 С. П. Б.

4.

[Изъ Петербурга 14 іюня 1836].

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастіе найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло.[3]

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй N Со-

---

[1] Переводчикъ Шлецерова изслѣдованія о Несторѣ.

[2] Князь Мих. Андреевичъ былъ назначенъ вице-президентомъ академіи наукъ 7 марта 1835.

[3] Кончина матери.

lib.pushkinskijdom.ru

временника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ.*

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

14 іюня С. П. Б.

LIII. КЪ ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

1832—1835.

1.

[Въ Петербургѣ 14 декабря 1832].

Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе: познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣстъ прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

14 декабря 1832 г.

2.

[Изъ Петербурга 1 мая 1834].

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный

* Во 2-мъ томѣ Современника помѣщено «Увѣдомленіе» о томъ, что появлявшіяся въ Моск. Вѣдомостяхъ и Литер. Прибавленіяхъ статьи съ подписью И. Д. не принадлежатъ Ив. Ив-чу. Въ Мольеровской комедіи «Амфитріонъ», Меркурій, сынъ Юпитера, принимаетъ на себя видъ одного слуги, именемъ Созія, и дурачитъ послѣдняго.

lib.pushkinskijdom.ru

знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

1 мая, 1834. С. П. Б.

3.

[Изъ Петербурга 3 іюня 1834].

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышить о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexikon: Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете ли вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

3 іюня 1834. С. П. Б.

lib.pushkinskijdom.ru

4.

[Изъ Петербурга 26 января 1835].

М. г. Дмитрій Николаевичъ! Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разскащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны—научуся [чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ].

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.— Изъ примѣчанія къ пятой главѣ [16] вмѣсто Тобольскъ— Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть, м. г., вашего превосх. покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 января 1835. С. П. Б.

[Адресъ: Его Прев., м. г., Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева].

5.

[Изъ Петербурга 2 апрѣля 1835].

М. г. Дмитрій Николаевичъ. Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому же безпечному коммиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

2 апрѣля 1835.

[Адресъ: Его Прев. м. г., Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому].

lib.pushkinskijdom.ru

LIV. КЪ БАРОНУ МОДЕСТУ АНДРЕЕВИЧУ КОРФУ.

1833—1836.

1.

[Въ Петербургѣ. 1833].

Сейчасъ былъ у Смирдина и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. [Бакунинъ] можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille и требовать ту же цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плаѣу. Въ случаѣ какого нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.[1]

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнилъ твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.[2] — Весь твой Александръ Пушкинъ.

Пятница.

[Адресъ: Его превосх. м. г. Модесту Андреевичу барону Корфу].

2.

[Въ Петербургѣ. 14 октября 1836].

Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ.[3] Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія,

---

[1] Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо б. Корфа, который просилъ доставить работу Бакунину въ предположенной къ изданію съ 1834 г. «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина [Р. Арх. 1881, I].

[2] Поздравленіе относилось къ рожденію сына Александра.

[3] Ввиду работъ Пушкина для Исторіи Петра Великаго, Корфъ прислалъ ему составленный имъ каталогъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи. [Письмо Корфа въ Р. Арх. 1881, I].

lib.pushkinskijdom.ru

дабы ихъ достать. Какое поле — эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива [русская природа въ особенности]. До свиданія. Завтра вѣроятно увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный А. П.

14 октября.

LV. КЪ АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ АНАНЬИНУ.

[Въ Петербургѣ. 26 іюля 1833].

Милостивый государь Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню, вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1,500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

26 іюля.

[На оборотѣ: Его высокобл. м. г. Александру Андреевичу Ананьину].

LVI. КЪ АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ФУКСЪ. 1833—1836.

1.

8 сентября, 1833 года [въ Казани].

Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностію посылаю вамъ мой адресъ, и на-

lib.pushkinskijdom.ru

дѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани.[1] Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

2.

19 октября, 1834 г. С. П. Б.

Вчера, возвратившишь въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ими ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы.[2] Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ; да еще въ какой!... право совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его

---

[1] Пушкинъ тамъ былъ при поѣздкѣ за собираніемъ матерьяловъ для Исторіи Пугачевскаго бунта.

Дѣло идетъ, можетъ быть, о стихотвореніи г-жи Фуксъ: «На проѣздъ Александра Сергѣевича Пушкина черезъ Казань» [Заволжскій Муравей, 1834, № 1].

lib.pushkinskijdom.ru

разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу,* коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и проч.

3.

15 августа, 1835. С. П. Б.

Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева, наконецъ его получилъ, и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича [предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги].

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и проч.

4.

20 февраля, 1836. [Спб].

Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ,

* Мужъ г-жи Фуксъ.

lib.pushkinskijdom.ru

м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч.

LVII. КЪ КН. ВЛАДИМІРУ ѲЕДОРОВИЧУ ОДОЕВСКОМУ. 1833—1836.

1.

[Изъ Болдина. 30 октября 1833].

Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь — барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на-шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельи ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи.... А куда бы не худо до погребато добраться!* Теперь донесу вашему сіятельству, что будучи въ С., видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Не дурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня

* Говорится объ альманахѣ: «Тройчатка, или альманахъ въ три этажа», который предполагали издавать подъ своими псевдонимами Одоевскій [Гомозѣйка], Гоголь [Рудый Панько] и Пушкинъ [Бѣлкинъ], при чемъ каждый бралъ себѣ особый «этажъ».

lib.pushkinskijdom.ru

извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ. чтобъ нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужъ какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка.[1] — Весь вашъ А. Пушкинъ.

30 окт. Болдино.

2.

[Въ Петербургѣ. 1836. До 31 марта].

Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру «Путешествія» [въ Арзрумъ] прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. А. П.

3.

У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера — грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать «О враждѣ къ просвѣщенію»; ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и «Разборъ Постоялаго Двора», подъ названіемъ: «О нѣкоторыхъ романахъ». Разрѣшаете ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ.[2] Увижу ли васъ дотолѣ? Весь вашъ А. П.

---

[1] Намекъ на извѣстный анекдотъ о монахинѣ, прочитавшей: «не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть закорючка».

[2] Пушкинъ съ 26 февраля по конецъ марта былъ въ Москвѣ, а вернувшись поѣхалъ въ Михайловское, провожать тѣло умершей матери. Статьи, указанныя въ письмѣ, помѣщены въ Современникѣ, кромѣ Сегеліеля.

lib.pushkinskijdom.ru

«Разговоръ недовольныхъ» не помѣстилъ я, потому что ужъ «Сцены» Гоголя были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

4.

[1836. Ноябрь?].

Конечно Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется «письмо тестя» холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ «?». Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду ли,[1] Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. А. П.

5.

Статья г. Волкова[2] въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однако жъ я ея не помѣщу, потому что по моему мнѣнію правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера.[3] Россія не можетъ бросить 3.000.000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привиллегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога [желѣзная] изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы съ нея и начать.... Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу про-

---

[1] Повѣсть въ письмахъ «Сильфида» была процензурована 11 ноября 1836 г., а напечатана въ № 1 Современника на 1837 г. Письмо тестя—было Одоевскимъ переправлено.

[2] Матвѣй Степ. Волковъ — полковникъ инженеровъ путей сообщенія былъ профессоромъ строительнаго искусства. Потомъ онъ долго жилъ въ Парижѣ и въ 50-хъ годахъ издалъ «Письма о френологіи» и пр.—Статья его была написана по просьбѣ кн. Одоевскаго по поводу статьи Наркиза Отрѣшкова противъ желѣзныхъ дорогъ. Эпиграфъ статьи: «бѣда, коль...» и пр.

[3] Ф. А. фонъ-Герстнеръ, австріецъ, главный учредитель компаніи царскосельской желѣзной дороги, напечаталъ тогда докладъ о пользѣ ея.

lib.pushkinskijdom.ru

екта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я бы желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны.

6.

[1836. Декабрь].

Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ,[1] то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ. А. П.

7.

[Около 28 декабря 1836].

Также зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однако жъ не все уничтожатъ. На всякой случай спросъ не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ?[2]

---

[1] Иванъ Петровичъ — извѣстный археологъ. О немъ Одоевскій писалъ Пушкину уже по выходѣ 4 кн. Современника, слѣд. вначалѣ декабря, къ которому времени надо отнести и эту записку.

[2] На засѣданіе академіи наукъ 28 декабря 1836 г. Пушкинъ отправлялся съ А. А. Краевскимъ, и тамъ, указывая ему на М. А. Дундукова-Корсакова, шепнулъ: «а вѣдь сидитъ-то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно, не вертится!» Эпиграмма эта была написана въ сентябрѣ 1835 г.

Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?...

lib.pushkinskijdom.ru

LVIII. КЪ ГР. ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СТРОГОНОВУ.

[Въ Петербургѣ Около 11 апрѣля 1834].

Monsieur le comte! J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me parait plus dûre qu'un exil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte au sermon. Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de Madame votre femme et agréez l'hommage de ma haute considération. Alexandre Pouchkine.*

Переводъ: Графъ! Печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ.

LIX. КЪ БѢДНОЙ ВДОВѢ.

[Въ Петербургѣ. 1835].

Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго, постараюсь, но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ. — Съ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть покорный къ услугамъ А. Пушкинъ.

1835 г.

* Письмо это неправильно относили къ 1831 г. Въ дневникѣ своемъ, подъ 11 апрѣля 1834 г., Пушкинъ указываетъ на только-что полученный отъ графа листокъ франкфуртскаго журнала и приводитъ подробную выписку. Графъ былъ въ родствѣ съ семьей Гончаровыхъ, а потомъ опекуномъ дѣтей Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

LX. КЪ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЛАЖЕЧНИКОВУ.

1835—1836.

[Изъ Петербурга. 3 ноября 1835].

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ! Во-первыхъ долженъ я просить у васъ прощеніе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить васъ теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули

lib.pushkinskijdom.ru

вы слово хоботъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.[1]

3 ноября 1835 г. С.-Петербургъ.

2.

[Съ Тверской станціи, проѣздомъ 1836]

Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ. — Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство. — Отлагаю до сентября,[2] то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству. — Сердечно васъ уважающій Пушкинъ.

LXI. КЪ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ КЛЕЙНМИХЕЛЮ.

[Въ Петербургѣ 19 ноября 1835].

Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства гр. Чернышева, возвращены мною въ военное министерство. — Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ

[1] Томъ VII страница 318, Сочин. Лижечникова. Отвѣтъ на это письмо въ Р. Архивѣ 1881, I.

[2] Въ 1836 г. Пушкинъ два раза ѣздилъ въ Москву: съ 26 февраля по конецъ марта и сначала мая до 27-го числа того же мѣсяца. Не предполагалъ ли онъ въ сентябрѣ «возвратиться» въ Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова [1774 г.]. Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.*

LXII. КЪ КН. НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РЕПНИНУ.

1.

[Въ Петербургѣ. 5 февраля 1836].

Mon prince. C'est avec regret qui je me vois contraint d'importuner votre excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personellement connu de votre excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respêct et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi et cela comme venant de vous. Je prie votre excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vous; mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le réprésentant de notre ancienne et véritable noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette demarche. Je suis avec respect de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

5 fevrier 1836.

* Дѣло идетъ о матеріалахъ, которыми Пушкинъ пользовался изъ военнаго министерства для своей Исторіи Пугачевскаго бунта.

lib.pushkinskijdom.ru

Переводъ: Князь! съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ безпокоить ваше сіятельство; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности.

Однако же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительные обо мнѣ отзывы, будто бы произнесенные вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, что вы поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.*

2.

[11 февраля 1836].

Милостивый государь, князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

11 февраля 1836.

---

* 9 февраля князь отвѣчалъ, что Пушкинъ повѣрилъ пустымъ разсказамъ, что съ Боголюбовымъ онъ ничего не говорилъ и желаетъ поэту употреблять свой талантъ на пользу и славу отечества, а не на оскорбленіе частныхъ людей.

lib.pushkinskijdom.ru

LXIII. КЪ СЕРГѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ГЛИНКѢ.

[Въ Петербургѣ. Мартъ 1836].

Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше [извините галлицизмъ]. Современникъ мой еще не вышелъ — а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Ѳедору Николаевичу? — Весь вашъ А. Пушкинъ.

[Адресъ: Его высокородію м. г. Сергѣю Николаевичу Глинкѣ. На Сергѣевской, въ домѣ Болдырева № 37 на дворѣ].

LXIV. КЪ АЛЬФОНСУ ЖОБАРУ.

[Въ Петербургъ. 24 марта 1836].

Monsieur! J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater, que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance, que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique, vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires, dites vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis faché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie.

lib.pushkinskijdom.ru

Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production, qui sans cela tombera dans l'oubli, qu'elle mérite. J'ose espérer, que vous ne me refuserez pas la grâce, que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre très-humble et très-obeissant serviteur, A. Pouchkine.

24 Mars, 1836. St. Pétersbourg.

Переводъ. М. г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, м. г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Честь имѣю быть вашимъ, милостивый государь, нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою. — А. Пушкинъ.*

24-го марта 1836 года. С.-Петербургъ.

---

* Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а съ 1822 г. профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Магницкимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», испрашивая разрѣшенія напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину. [Р. Стар. 1880, № 7, 555—564].

lib.pushkinskijdom.ru

LXV. КЪ НАДЕЖДѢ АНДРЕЕВНѢ ДУРОВОЙ.

[Изъ Петербурга. 1836].

Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное — оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно.[1] Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся. — Весь вашъ А. П.

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева, у Прачешнаго мосту.

LXVI. КЪ ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

[Изъ Петербурга. 1836 Сентябрь?].

Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима?[2] Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура дѣло земское; изъ нея отдѣлили

[1] Придуманное издателемъ Записокъ названіе было отмѣнено, но и Пушкинское не принято. Книга явилась подъ заглавіемъ: «Кавалеристъ-Дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій». [Спб. 1836 г. 2 части]. Пушкинъ самъ хотѣлъ было издать эти Записки и напечаталъ изъ нихъ отрывокъ въ Современникѣ [см. т. V настоящаго изд.].

[2] Эта напечатанная въ № 3-мъ «Современника» статья, была представлена на цензуру А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. — Въ письмѣ Давыдова къ Жуковскому, отъ 14 апрѣля 1836, есть указаніе еще на одно письмо: «Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи, что мой бѣлый локонъ дыбомъ станетъ отъ восторга».

lib.pushkinskijdom.ru

опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства, но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ ныньче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову.... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

LXVII. КЪ КН. НИКОЛАЮ БОРИСОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

St. Pétersbourg, 10 Novembre, 1836.

Merci mille fois, cher prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers lancée contre les ennemis de notre pays.* J'en avais déjà vû trois, dont une d'un parfait personnage de mes amis, et aucun ne vaut la votre. Que ne traduites vous pas cette pièce en temps opportun; je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à toutes les vociférations de la Chambre des Députés.

Que je vous envie votre beau climat de Crimée. Votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez uue traduction en vers de mon Бахчисарайскій Фонтанъ: je suis sûr qu'elle vous reussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous vous adonnez soit le plus difficile que de traduire des vers russes en vers français, car, vû la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref.... Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.

* Клеветникамъ Россіи — Aux détracteurs de la Russie.

lib.pushkinskijdom.ru

Adieu; je ne désespère pas de vous voir bientôt dans notre capitale, vû votre facilité de locomotion. — Tout à vous A. Pouchkine.[1]

Переводъ. Тысяча разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, брошеннаго въ недруговъ нашего отечества. Я видѣлъ уже три перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ лицу высокопоставленному изъ моихъ друзей, но ни который не стоитъ вашего. Зачѣмъ вы не перевели этой пьесы болѣе вовремя; я переслалъ бы ее во Францію, чтобъ дать щелчокъ всѣмъ возгласамъ палаты депутатовъ. Завидую вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше возбудило во мнѣ множество воспоминаній всякаго рода: тутъ колыбель моего Онѣгина, и вѣроятно вы узнали нѣкоторыхъ лицъ. Вы меня извѣстили о переводѣ въ стихахъ моего Бахчисарайскаго Фонтана; я увѣренъ, что переводъ вамъ удастся, какъ все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, хотя родъ литературы, которому вы себя посвящаете, изъ самыхъ трудныхъ и, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе неблагодарныхъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить русскіе стихи французскими; ибо при сжатости нашего языка никогда нельзя быть достаточно краткимъ. Слѣдовательно, честь тому, кто такъ мастерски управляется съ языкомъ, какъ вы. — Прощайте; надѣюсь скоро васъ видѣть въ нашей столицѣ, особенно зная вашу легкую подвижность. Весь вашъ А. П.

LXVIII. ѲЕДОРУ АѲАНАСЬЕВИЧУ СКОБЕЛЬЦЫНУ.

[Въ Петербургѣ. 8 января 1837].

Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ въ займы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить. — А. Пушкинъ.[2]

8 янв. 1837.

---

[1] Кн. Н. Б. Голицынъ, умершій 23 октября 1866 г., 72 лѣтъ, былъ очень близокъ съ Пушкинымъ. Онъ оставилъ много оригинальныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ, и нѣсколько переводовъ съ перваго на послѣдній.

[2] Скобельцынъ, пріѣхавъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, чтобъ имѣть для нихъ протекцію, прикинулся поклонникомъ Пушкина, Жуковскаго и пр., и вошелъ въ ихъ кругъ, гдѣ его и считали богатымъ человѣкомъ. Письмо Пушкина онъ передалъ кн. П. А. Вяземскому, съ запиской — что не можетъ ничего дать, ибо самъ нуждается.

lib.pushkinskijdom.ru

LXIX. КЪ АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ ИШИМОВОЙ.

1.

[Въ Петербургѣ. 25 января 1837].

Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

2.

[27 января 1837].

Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ піесы, отмѣченныя карандашемъ, переведите ихъ какъ умѣете — увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу «Исторію въ разсказахъ», и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

27 января. 1837.

LXX. КЪ АЛЕКСАНДРУ ХРИСТОФОРОВИЧУ БЕНКЕНДОРФУ.

1826—1836.

I.

Псковъ. 29-го ноября 1826 года.

Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно,

lib.pushkinskijdom.ru

никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя, — то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена.[1] Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.[2]

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. — Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ. [Помѣта: получено 9-го декабря 1826 г.].

2.

[Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря 1826].

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр — ва, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества, касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ госу-

---

[1] Пушкинъ получилъ «внушеніе» за чтеніе въ Москвѣ Бориса Годунова и др. стихотвореній, безъ представленія ихъ на просмотръ.

[2] Списокъ этотъ былъ возвращенъ поэту.

lib.pushkinskijdom.ru

дарь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное. *

3.

[24 апрѣля 1827 г. Пушкинъ писалъ, что семейныя обстоятельства требуютъ его присутствія въ Петербургѣ. Пріѣздъ разрѣшенъ].

4.

20 іюля 1827

Въ 1824 году г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавказскій Плѣнникъ», и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «Кавказскаго Плѣнника» для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другаго способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ пр — мъ, осмѣиваюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр — ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

---

* Ему было предложено передѣлать Бориса Годунова въ историческій романъ, на подобіе Вальтеръ-Скоттовыхъ. — Настоящій отрывокъ мы беремъ изъ статьи чиновника III отдѣленія М. М. Попова, равно какъ указанія на содержаніе писемъ, въ статьѣ ненапечатанныхъ ни въ отрывкахъ, ни въ извлеченіяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

5.

Изъ Опочки. 10 сентября 1827.

Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр — ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ. [1]

6.

[Получивъ замѣчаніе, чтобъ стихи представлялъ не чрезъ посредниковъ, и что государь съ удовольствіемъ читалъ «Нулина», въ которомъ и въ «Фаустѣ» указалъ однако неприличные стихи, и что «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» тоже неприличны къ напечатанію, Пушкинъ извинялся, и писалъ 10 сентября 1827 г., прибавляя]:

Съ благоговѣніемъ и благодарностью получилъ я чрезъ ваше пр — во отзывъ государя императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ.

7.

5 марта. 1828.

Позвольте мнѣ принести вашему пр — ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе — обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію. [2]

---

[1] Отвѣта не послѣдовало никакого.

[2] Бенкендорфъ писалъ, что государь одобрилъ представленную ему VI главу Онѣгина, равно и стихотвореніе «Друзьямъ», но не желаетъ, чтобъ послѣднее было напечатано.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

[21 апрѣля. 1828].

Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены,* съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что можетъ быть впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев — ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, имѣю честь быть, м. г., вашего пр — ва всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Спб. 1828 г. 21-го апрѣля.

9.

[9 марта 1829 г. Пушкинъ поѣхалъ на Кавказъ, былъ въ лагерѣ Паскевича и въ Арзерумѣ. На запросъ Бенкендорфа о причинѣ поѣздки, онъ отвѣчалъ, «что отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что сверхъ того ему любо-

* Въ половинѣ апрѣля Пушкинъ просилъ ходатайства Бенкендорфа объ опредѣленіи въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію. Тотъ отвѣтилъ, что государь не изъявилъ на это соизволенія [Р. Стар. 1874, IX, 392—399].

lib.pushkinskijdom.ru

5.

Изъ Опочки. 10 сентября 1827.

Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр — ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ. [1]

6.

[Получивъ замѣчаніе, чтобъ стихи представлялъ не чрезъ посредниковъ, и что государь съ удовольствіемъ читалъ «Нулина», въ которомъ и въ «Фаустѣ» указалъ однако неприличные стихи, и что «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» тоже неприличны къ напечатанію, Пушкинъ извинялся, и писалъ 10 сентября 1827 г., прибавляя]:

Съ благоговѣніемъ и благодарностью получилъ я чрезъ ваше пр — во отзывъ государя императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ.

7.

5 марта. 1828.

Позвольте мнѣ принести вашему пр — ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе — обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію. [2]

---

[1] Отвѣта не послѣдовало никакого.

[2] Бенкендорфъ писалъ, что государь одобрилъ представленную ему VI главу Онѣгина, равно и стихотвореніе «Друзьямъ», но не желаетъ, чтобъ послѣднее было напечатано.

lib.pushkinskijdom.ru

8.

[21 апрѣля. 1828].

Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены,* съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что можетъ быть впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев — ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, имѣю честь быть, м. г., вашего пр — ва всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Спб. 1828 г. 21-го апрѣля

9.

[9 марта 1829 г. Пушкинъ поѣхалъ на Кавказъ, былъ въ лагерѣ Паскевича и въ Арзерумѣ. На запросъ Бенкендорфа о причинѣ поѣздки, онъ отвѣчалъ, «что отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что сверхъ того ему любо-

* Въ половинѣ апрѣля Пушкинъ просилъ ходатайства Бенкендорфа объ опредѣленіи въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію. Тотъ отвѣтилъ, что государь не изъявилъ на это соизволенія [Р. Стар. 1874, IX, 392—399].

lib.pushkinskijdom.ru

пытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій; что наконецъ поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія»].

10.

[7 января 1830].

Mon général, m'étant présenté chez votre excellence et n'ayant pas eu le bonheur de la trouver chez elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permis de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en Erançe, soit en Italie. Cependant s'il ne me l'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence, m-r Joukovsky avait voulu imprimer ma tragedie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une 15-aine de mille roubles que puit me rapporter ma tragedie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'uu ouvrage que j'ai longtems médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entierement à votre bienveillance je suis, mon général, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur. — Alexandre Pouchkine.

7 Janvier 1830.

Переводъ. Генералъ! явившись къ вашему прев—ству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе, г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію, но не получилъ на то прямаго разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ не богатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы, тысячъ въ 15 р., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ. Поручая себя вполнѣ вашему благорасположенію, остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

11.

[18 января 1830].

Mon général. Je viens de recevoir la lettre que votre excellence a daigné m'ecrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sur de n'avoir pas encouru son mécontentement.[1]

Je prends bien mal mon temps, mon général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve de général Raievsky vint de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de sa majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est denuée d'amis, d'esperances et de ressources. La moitié de la famille est éxilée, l'autre à veille d'une ruine complette.[2] Les revenus suffisent à peine pour payer les interêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite à titre de pension le traitement entier de feu son mari, reversible ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la preserver de la mendicité. En m'adressant à vous, général, c'est plutôt le guerrier que le ministre et l'homme bon et sensible, plutôt que l'homme d'état que j'éspere interesser au sort de la veuve du heros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

---

[1] Бенкендорфъ писалъ ему, по волѣ государя, что всѣмъ дворянамъ присвоенъ мундиръ той губерніи, гдѣ имѣютъ помѣстья, и что русскому дворянину приличнѣе въ этомъ нарядѣ являться въ собранія [на балѣ у французскаго посланника всѣ были въ мундирахъ, только Пушкинъ во фракѣ].

[2] За 14 декабря 1825 г. изъ родства Раевскихъ В. Л. Давыдовъ и кн. С. Г. Волконскій были сосланы въ каторгу; М. Ѳ. Орловъ былъ въ полной немилости и устраненъ отъ службы. При вдовѣ были двѣ дочери дѣвицы, отецъ которыхъ Н. Н. Раевскій, герой 1812 года, умеръ 16 сентября 1829.

lib.pushkinskijdom.ru

Daignez agreer, mon géneral, l'hommage de ma haute consideration. Je suis avec respect votre très humble et très obéissant serviteur — Alexandre Pouchkine.

18 Janvier. St. P.

Переводъ. Генералъ! Я получилъ письмо, которымъ ваше прев — ство меня почтили. Сохрани Богъ, чтобы я хоть малѣйше противорѣчилъ волѣ того, который осыпалъ меня столькими благодѣяніями. Я подчинился бы ей даже съ радостью, лишь бы только быть увѣрену, что я не навлекъ на себя его неудовольствія. Весьма не во-время хочу прибѣгнуть къ благосклонности вашего прев — ства; но буду говорить о дѣлѣ для меня священномъ и обязательномъ. Я связанъ узами дружбы и признательности съ однимъ семействомъ, которое нынѣ находится въ большомъ несчастіи: вдова генерала Раевскаго пишетъ ко мнѣ и проситъ поговорить въ ея пользу съ тѣми лицами, которыя могли бы довести о ней до свѣдѣнія его величества. Уже то самое, что она обратилась ко мнѣ, свидѣтельствуетъ, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способовъ. Половина семьи въ изгнаніи, другой грозитъ полное разореніе. Доходовъ едва достаетъ на уплату процентовъ по несмѣтнымъ долгамъ. Г-жа Раевская проситъ, чтобы полное жалованье ея мужа было обращено въ пенсію ей и послѣ ея смерти ея дочерямъ. Этого будетъ довольно, чтобы предохранить ее отъ нищеты. Обращаясь къ вашему прев — ству, я надѣюсь, что вы, не какъ министръ и лицо государственное, а какъ воинъ и человѣкъ съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, примете участіе въ судьбѣ вдовы героя 1812 года, человѣка великаго, котораго жизнь была такъ блистательна и конецъ такъ печаленъ. Примите и проч.

12.

[30 марта 1830 г. Бенкендорфъ требовалъ объясненія объ отъѣздѣ въ Москву безъ спроса. Пушкинъ отвѣчалъ, «что съ 1826 г., когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говорилъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что Бенкендорфъ остается единственнымъ его защитникомъ. «Если завтра вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». Особенно онъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью своей къ Бенкендорфу. Ѳ. В., по словамъ поэта, «злобясь на него за критики, впрочемъ вовсе не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все»].

lib.pushkinskijdom.ru

13.

[Въ апрѣлѣ 1830 г., извѣщая о намѣреніи вступить въ бракъ, Пушкинъ просилъ «доложить государю императору». Снова при этомъ жалуясь на свое тягостное положеніе, онъ писалъ: «Мать невѣсты страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ государя.» Бенкендорфъ 28 апрѣля увѣдомилъ, что государь съ удовольствіемъ услышалъ объ этомъ намѣреніи и поручилъ увѣрить, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества и что довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя].

14.

18 января 1831 г.

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше пр—во, какъ голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.*

15.

[Въ началѣ іюля 1831].

Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способно-

---

* Борисъ Годуновъ былъ возвращенъ поэту въ 1826 г. для исправленій; затѣмъ Плетневъ представилъ исправленный текстъ 20 іюля 1829 г., но и тогда приказано было перемѣнить нѣкоторыя «тривіальныя мѣста» и только послѣ новыхъ поправокъ, 22 октября 1830 г., разрѣшено печатаніе «подъ собственной отвѣтственностію», съ замѣной нѣкоторыхъ словъ и выраженій и опущеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

lib.pushkinskijdom.ru

стей. Мой настоящій чинъ [тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ лицея], къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.....

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества.* Съ радостію взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

16.

[Іюль 1831, по полученіи разрѣшенія]

У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій [которыя въ Россіи и не существуютъ], и правительству нѣтъ надобности имѣть

* Такъ въ черновомъ наброскѣ, а въ статьѣ Попова: «...перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю его величества и готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей.... Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю.....» и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ.*

17.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности, читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ [какъ и во всемъ] былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое

---

* Этотъ черновой набросокъ въ статьѣ Попова изложенъ такъ: «Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ, — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». — Въ добавокъ приводимъ изъ черновыхъ рукописей, ужъ помѣщенныя въ V томѣ: объясненіе о необходимости изданія и программу журнала — №№ 17 и 18.

lib.pushkinskijdom.ru

направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Одна «Газета», издаваемая двумя извѣстными литераторами,[1] имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ — и хорошо дѣлаетъ.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ, но журналы чисто литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500 — слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствителенъ.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ «Газеты».[2]

18. Программа журнала.

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія. Полит. Полемика.

---

[1] Т. е. Сѣверная Пчела Булгарина и Греча.

[2] Г. Анненковъ указываетъ, что еще въ одномъ черновомъ проектѣ просьбы о газетѣ вымараны слѣдующія два мѣста:

1] Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство [т. е. народнаго просвѣщенія], не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ.

2] Литераторы во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензуры своенравной и притѣснительной. Рѣдкое сочиненіе доходило до печати.

lib.pushkinskijdom.ru

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. Внѣшняя литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор. матеріалы. Текучая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

Пособія: повелѣніе министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Оффиціальность.

19.

7 января 1832.

Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры.[1] Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

20.

24 февраля 1832.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ.[2] Драгоцѣнный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаме-

---

[1] Бенкендорфъ спрашивалъ, почему стихотвореніе «Древо яда» было напечатано въ альманахѣ безъ предварительнаго просмотра государя.

[2] Какая это была книга — неизвѣстно.

lib.pushkinskijdom.ru

нованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію. [При этомъ Пушкинъ просилъ еще]: дозволить разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловымъ, для составленія его исторіи Петра Великаго.

21.

30 іюля 1833.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

[Содержаніе всего письма, котораго отрывокъ приведенъ г. Анненковымъ по черновому наброску, Поповъ излагаетъ такъ: «Въ августѣ 1833 г. онъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ Дерптъ, для свиданія съ г. Карамзиной, а потомъ мѣсяца на три въ свое имѣніе, въ Нижегородской губ., а также въ Оренбургъ и Казань; послѣдніе два города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ большая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго, и что онъ надѣется окончить его въ уединеніи въ деревнѣ. При этомъ объяснилъ, что въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, занимаясь одними историческими розысканіями, онъ не писалъ ни одной строки чисто литературной; что романъ доставитъ ему деньги, въ которыхъ онъ нуждается; что хотя ему совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ ему способъ жить въ Петербургѣ; что кромѣ жалованья, опредѣленнаго ему щедростію государя императора, у него нѣтъ настоящаго дохода, тогда какъ жизнь въ столицѣ дорога, а съ умноженіемъ его семейства умножаются и его расходы»].

lib.pushkinskijdom.ru

22.

6 декабря 1833.

[Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала «Библіотека для Чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ — утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивалъ на то дозволенія; при этомъ прибавлялъ]:

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

23.

[Въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ, что по обстоятельствамъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить посѣщеніе архивовъ. 30 іюня ему отвѣчали, что «его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщенія государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства»].

24.

[3 іюля 1834].

Monsier le comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à votre excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, monsieur le comte, de ne pas y donner de suite, J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, monsieur le Comte, de votre

lib.pushkinskijdom.ru

excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

3 Juillet 1834.

Переводъ. Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ. — Однако же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть, съ почтеніемъ, вашего сіятельства нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

25.

[4-го іюля 1834].

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

4 іюля 1834. Спб.

26.

[6 іюля 1834].

Monsieur le comte. Permettez moi de vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur

lib.pushkinskijdom.ru

m'a comblé de grâces, des le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de générosté. Il a toujours été pour moi une providence et si dans le cours de ces huit ans, il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant, qui me remplit de douleur — c'est celle de laisser dans son esprit une impression que, par honneur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, monsieur le comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si etourdement.

C'est en me recommandant à votre puissante protéction, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute consideration.

Je suis avec respêct, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur — Alexandre Pouchkine.

6 Juillet. St. P. 1834.

Переводъ. Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастію, не заслуженное. — Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво. — Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія. — Съ таковыми чувствами имѣю честь быть вашего сіятельства нижайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

27.

[Въ началѣ января 1835 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу замѣчанія, которыя не могли войти въ «Исторію Пугачевскаго бунта», но которыя, писалъ онъ, «могутъ быть любопытны для государя императора»].

28.

26 января 1835.

Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

29.

[Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ. — Государь приказалъ спросить: хочетъ ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ]:

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

30.

[22 іюля 1835].

Monsieur le comte! J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de votre excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez elle.

Comblé de bontés de sa majesté, c'est à vous, monsieur le comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'interêt que vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

lib.pushkinskijdom.ru

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg, j'ai contracté près de soixante milles roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille; cela m'a si fort embarrassé, qne j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne, ou bien, d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La réconnaisance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'empereur n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de sa majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à vous, monsieur le comte, que je remets encore une fois à décider de mou sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de me haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respêct et reconnaissance, monsieur le comte, de votre excellence le très humblc et très obéissant serviteur — Alexandre Pouchkine.

22 Juillet 1835. St. Pétersbourg.

[Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа, 26-го іюля 1835 г. «l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (sic) de congé au bout de quel il voira s'il doit prendre son congé ou non.»].

Переводъ. Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастія застать васъ дома. — Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ, я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства, и едиными способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было — или удаленіе мое въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу и займы почти всегда суть долги между друзьями и на-слово. Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. И такъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть съ почтеніемъ и признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

[Помѣта. «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ — подать ему въ отставку, или нѣтъ»].

31.

[26 іюля 1835].

Monsieur le comte! Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide a avoir recours en toute franchise a celui qui a daigné être ma providences.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont de dettes d'honneur. Pour les acquitter je me vois dans la necessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettera dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'empereur.

Je supplie donc sa majésté de me faire une grâce pleine et entière, premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30,000 roubles et en second lieu en daignant le permettre de regarder cette somme comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le paiement de mes appointements, jusqu'a ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respêct le plus profond et la reconnaissance la plus vive, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur — Alexandre Pouchkine.

26 Juillet 1835. St, Pétersbourg.

lib.pushkinskijdom.ru

[Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа: «l'Empereur lui accorde les 30,000 roubles en retenant, comme il les demande, ses appointements. 29-го іюля 1835 г.»]*

Переводъ. Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ. Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора. Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ — во первыхъ, возможности уплатить эти 30,000 р., а во вторыхъ — дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого — удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга. Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

[Помѣта. «Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья»].

32.

31 декабря 1835.

Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ [какъ-то: повѣстей, стихотвореній, etc.], историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя.

33.

[21 ноября 1836].

Monsieur le comte! Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à votre excellence de ce qui vient de ce passer

---

* Выноска другою рукою на подлинникѣ:

Т. сов. Родофиникину	1-го августа 2590.
Ему-же	1-го августа 2591.
Мин. Финанс.	1-го августа 2592.

lib.pushkinskijdom.ru

dans ma famille. Le matin de 4 novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnu dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plûpart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le pretexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occassion, avec le nom de qui ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vient chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un delai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiak [second de M-r Dantès] que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvérnement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux, ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respêct et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être, M-r le comte, votre très humble et très obéissant servieur — A. Pouchkine.

21 Novembre 1836.

lib.pushkinskijdom.ru

Переводъ. Графъ! Считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата*. Я сталъ розыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Бо̀льшая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ. — Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе жены моей безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса. — Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя жены моей было связано съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Геккернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти-дневной отсрочки. — Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака [секунданта г. д'Антеса] смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безымянное письмо было отъ г. Геккерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества.— Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и жениной чести, а потому не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что̀ утверждаю. — Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и проч. — 21 ноября 1836.

---

* Вотъ этотъ пасквиль: «Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus reunis au Grand-Châpitre, sous la présidence du vénérable Grand-Maitre de l'Ordre, S. E. D. L. Nar...n ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkin coadjuteur du Grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre. — Le secretaire perpétuel C-te B...k.» [Р. Старина, 1881, VI]. Оба анонимныя письма, находящіяся при дѣлѣ о дуэли поэта, совершенно одинаковы по бумагѣ и почерку, и на обоихъ одинаковый адресъ, писанный другой рукою, чѣмъ письмо: «Александру Сергѣевичу Пушкину». Къ сожалѣнію, они шли не отъ иностранца, какъ это предполагалъ Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

LXXI. КЪ БАРОНУ ГЕККЕРНУ.

Monsieur le baron! Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer, La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes.

Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire, et que l'emotion, que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permetterez de dire, Monsieur le baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard, ou soi-disant tel. Toute sa conduite [assez maladroite d'ailleurs] a été probablement dirigée par vous: c'est vous, probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'ecrire. Semblable à une obscène vielle vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de votre fils; et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rendez-moi mon fils».

Vous sentez bien, qu'après tous cela je ne pouvais souffrir qu'il y eût des relations entre ma famille et la votre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire et à ne pas vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la votre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose

lib.pushkinskijdom.ru

encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, tout en jouant de devouément et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé, M-r le baron, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas. J'ai l'honneur d'être etc. — A. Pouchkin.

Переводъ. Господинъ баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно и я не могъ относиться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный во всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть такую жалкую роль, что жена моя, удивленная пошлостью его поведенія, не могда удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала ввиду этой высокой страсти, угасло въ презрѣніи самомъ спокойномъ и вполнѣ заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были отеческимъ сводникомъ вашего ублюдка или считающагося такимъ. Все его поведеніе [впрочемъ довольно неловкое] было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой развратницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, сидѣлъ дома на лекарствахъ, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына».—Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ и право и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ не что иное, какъ негодяй и мерзавецъ. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. А. Пушкинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

LXXII. КЪ ВИКОНТУ Д'АРШІАКУ.

[Между 9½ и 10 ч. утра 27 января 1837].

Monsieur le vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place de rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tont-a-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres russes cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place. Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération. — A. Pouchkin.

Entre 9½ et 10 h. du matin. 27 Janvier.

Переводъ. Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшивать въ мои семейныя дѣла праздныхъ людей Петербурга; по этому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Геккернъ вызвалъ меня, онъ же и обиженный, то если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобы ѣхать на мѣсто дуэли. Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. Пушкинъ.

Между 9½ и 10 ч. утра, 27 января.

lib.pushkinskijdom.ru

ДОПОЛНЕНІЕ.

I. ПИСЬМО КЪ СЕРГѢЮ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.[1]

[Изъ Кишинева. 21 августа 1821 г.].

Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ,[2] съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою. — Скоро ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? Обнимите тамъ за меня милаго нашего Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана[3] брата его; Его Преосвященству[4] писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессара-

[1] По неизвинительной неосмотрительности, въ матеріалахъ для печатанья тома мы положили четыре слѣдующія письма къ 1837 году. Поздно замѣтивъ свою оплошность, мы ужъ не захотѣли перебивать общаго, принятаго нами порядка печатанія переписки поэта, и рѣшились отнести всѣ эти письма въ «дополненіе» къ тому.

[2] Онъ былъ младшій братъ Александра и Николая Ивановичей, служилъ нѣкогда при гр. Воронцовѣ, во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи, а потомъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Послѣ осужденія брата Николая за 14 декабря 1825 г., онъ помѣшался и умеръ 1 іюня 1827 г. въ Парижѣ, куда былъ отвезенъ для леченія. Это и слѣдующее письмо сохранились въ бумагахъ Николая Ивановича и напечатаны И. С. Тургеневымъ въ Вѣстникѣ Европы 1880, № 12.

[3] Николая Ивановича Тургенева.

[4] Т. е. Александру Ивановичу, состоявшему при оберъ-прокурорѣ св. Синода.

lib.pushkinskijdom.ru

біи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю — но до сихъ поръ не отвѣчалъ — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ [1] — а Долгорукой меня забылъ. Пушкинъ.

21 авг. [1821 г.?]

II. ПИСЬМО КЪ АЛЕКС. ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.[2]

[Изъ Одессы. 14 іюля 1824 г.].

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный х — мъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякой разъ какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина. Правда — но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риѳмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю,

[1] Чу — арзамасское прозвище Дм. Вас. Дашкова.

[2] См. выше, стр. 58—61 и письмо къ Казначееву, стр. 187—190. Въ В. Европы настоящее письмо неправильно отнесено къ 1823 г.

lib.pushkinskijdom.ru

пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполнѣ, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва ли можетъ оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ — цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной constitutionelle ou Anti-constitutionelle mais toujours adorable comme la liberté! А. П.

14 juillet [1824 г.].

III. КЪ ГР. АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЫШОВУ.

1.

[Въ Петербургѣ. 9 февраля 1833].

Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами. *

2.

[Въ Петербургѣ. 8 марта 1833].

Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги

* Письмо ошибочно помѣчено въ подлинникѣ «7 февраля», тогда какъ оно служитъ отвѣтомъ на письмо гр. Чернышова отъ 8 февраля. Дѣло идетъ о собираніи матеріаловъ для задуманной Пушкинымъ «Исторіи Суворова». [См. примѣчанія къ VI т. нынѣш. изданія].

lib.pushkinskijdom.ru

получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты [съ января 1776 г. по конецъ того же года] приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть.... и пр.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. СКАЗКИ АРИНЫ РОДІОНОВНЫ. *

1. СКАЗКА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СКАЗКИ ПУШКИНА О ЦАРѢ САЛТАНѢ.

Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ, рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудомъ: ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяцъ. Послали извѣстить о томъ царя: мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась не мышью, не лягушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобъ заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море выкинуло

* Для полноты изданія помѣщаемъ эти сказки, записанныя А. С. Пушкинымъ со словъ его няни, и напечатанныя въ приложеніи къ «Матеріаламъ» г. Анненкова.

lib.pushkinskijdom.ru

ихъ на землю. Сынъ замѣтилъ это: матушка ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — «Господь благослови тебя, дитятко.» Обручи лопнули,[1] они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить, да поживать. Ѣдетъ мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ, что ѣдутъ они къ Султану Султановичу, турецкому государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними.[2] Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики разсказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отрокѣ: ноги серебряныя и проч. Ахъ! говоритъ царь, поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо, говоритъ мачиха, вотъ что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ. Царевичъ прилетѣлъ домой и, съ благословенья матери, перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. Тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана[3] — царь опять хочетъ ѣхать. «Что это за чудо,» говоритъ опять мачиха, «вотъ чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся, а межъ ими сыплется золото да серебро» и проч. Третій корабль и проч. также. «Что за чудо, а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь въ точь ровны и голосомъ, и волосомъ, и лицомъ, и ростомъ и выходятъ они изъ моря только на единъ часъ.[4]

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царе-

---

[1] Царевичъ понатужился, что называется, въ бочкѣ.

[2] Царевичъ прилетаетъ въ видѣ мухи въ родительской домъ.

[3] Новые гости видѣли чудный дубъ у волшебнаго царевича, но мачиха опять останавливаетъ царя отъ поѣздки.

[4] Царевичъ, невидимо присутствовавшій во все время разсказовъ у царя, докладываетъ матушкѣ о чудныхъ отрокахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

вичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. «Нацѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ.» Онъ идетъ къ морю, море сколыхалося и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ ее: ахъ братцы, говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали. — Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика — и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль — тоже самое. Мачихѣ уже болѣе дѣлать нечего. — Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей — и возвращается домой, а мачиха умираетъ.

2. СКАЗКА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СКАЗКИ В. А. ЖУКОВСКАГО О ЦАРѢ БЕРЕНДЕѢ.

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну; онъ оставилъ жену свою беременную. Ѣдучи домой, дорогою захотѣлось ему пить: видитъ онъ прорубь и въ прорубѣ плаваетъ золотой ковшикъ, но только онъ хотѣлъ испить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ. Царь взмолился — нѣтъ: «подари мнѣ, чего ты не знаешь!» Задумался бѣдный царь: какъ, чего я не знаю, я все знаю — ну, такъ и быть, дарю. Пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана-царевича, безъ него родившагося. Царь догадался, что его-то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Иванъ-царевичъ выросъ. Прогуливаясь однажды верхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пенять за то, что онъ еще не явился — и что срокъ его прошелъ. Иванъ-царевичъ удивляется и получаетъ объясненіе отъ отца своего. Три раза является ему старикъ и научаетъ куда идти. Иванъ-царевичъ приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся, а одна по-одаль. Онъ беретъ ея платье.* Всѣ

* Утки были царевны подземныя и купались, принявъ видъ утокъ и оставя платья на берегу.

lib.pushkinskijdom.ru

одѣваются, остается одна... Царевичъ выходитъ.[1] Другъ съ другомъ обручаются. Она научаетъ его, какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика — отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ, сидя на крыльцѣ, взбѣсился, завидя царевича. Сей, по совѣту Марьи-царевны становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и такимъ образомъ приближается.[2] Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: «не печалься, Иванъ-царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее — отрѣжъ, гдѣ не ровно — приколоти.» Царевичъ думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ: «а ну же его! повѣситъ, такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога.» Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ. По утру церковь готова. Ну, сказалъ царь послѣ обѣдни, я хитеръ, а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь, но сперва узнай ее между 30-ю прочими. Задумался царевичъ: «ну же его! повѣситъ такъ повѣситъ!» Но царевна его надоумила: это немудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ, на которую сядетъ муха, та и старшая. На утро приходитъ онъ къ царю, видитъ всѣхъ царевенъ, у одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. «Вотъ старшая!» «Правда, Иванъ-царевичъ, но всѣ эти хитрости не твои, а послѣ завтра 3-я загадка.» — «Ну, Иванъ-царевичъ, сказаза Марья-царевна, тутъ ужъ тебѣ не помогу; дѣло въ томъ, чтобъ ты сшилъ сапоги, пока у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть; убѣжимъ.» Царь посылаетъ за ними въ погоню. «Послушайка, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, не гонятся

---

[1] Изъ засады.

[2] Подземный царь рубитъ вмѣсто головы шапку Ивана-царевича, и уже начинаетъ смягчаться отъ этой хитрости.

lib.pushkinskijdom.ru

ли за нами!» Тотъ прилегъ къ землѣ: «нѣтъ», Марья-царевна послушала: «близко», и тотчасъ обратила Ивана-царевича въ рожь, а себя въ пшеницу. Погоня наскакала. Не видя дороги, и не видя ни одного измятаго колоса, они воротились. Новая погоня. Марья-царевна превращаетъ Ивана-Царевича въ церковь, а себя въ священника, и церковь такъ ветха, что мохомъ обросла и священникъ такъ старъ, что еле дышетъ. Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но Марья-царевна разливаетъ между имъ и собою рѣку и царь возвращается со стыдомъ. Иванъ-царевичъ и Марья-царевна вступаютъ въ свое государство. «Забудешь ты меня, Иванъ-царевичъ! не цѣлуй ребенка, когда пріѣдешь къ отцу и къ матери, а то забудешь меня.» Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ отцу и къ матери, въ восторгѣ цѣлуетъ ребенка и забываетъ Марью-царевну. Между тѣмъ предлагаютъ ему невѣсту, онъ съ нею обручается. — Марья-царевна проситъ у старушки, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ позволеніе испечь пирогъ. Пирогъ подаютъ на царскій столъ, разрѣзываютъ: оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ, и зоветъ: голубокъ ты мой, не забудь ты меня какъ забылъ Иванъ-царевичъ свою Марью-царевну и проч.

3. СКАЗКА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СКАЗКИ О ПОПѢ И ЕГО РАБОТНИКѢ.

Попъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ: «Каковъ щелкъ будетъ». Балда дюжъ и работящъ — но срокъ ужъ близокъ, и попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать. Балда беретъ пеньку, смолу,

lib.pushkinskijdom.ru

да дубину — садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло: «кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?» — и вылѣзъ старый. что тебѣ надо? — «Оброкъ сбираю.» — А вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами. — Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ. — Бѣсенокъ выскочилъ. — Что ты Балда? «Да вотъ сбираюсь море морщить, да васъ чертей корчить.» Бѣсенокъ перепугался. * «Тотъ заплатитъ попу оброкъ, кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря.» Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. «Ахъ дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ.» Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? «Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я.» — А гдѣ твой меньшой братъ? — У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, обѣжалъ, а Балда гладитъ ужъ другаго, приговаривая: «усталъ ты бѣдненькой братецъ, три раза обѣжалъ около моря.» Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Попъ, видя Балду, бѣжитъ, и проч.

---

* Начинаются переговоры.

lib.pushkinskijdom.ru

II. ПЕРЕПИСКА О ДУЭЛИ. *

I. Письмо барона Геккерна

[отвѣтъ на помѣщенное на стр. 402].

Monsieur! Ne connaissant ni votre écriture, ni votre signature, j'ai recours à M-r le vicomte d'Archiac, qui vous remettra la présente pour constater que la lettre à laquelle je réponds, vient de vous. Le contenu est tellement hors de toutes les bornes du possible, que je réfuse de répondre à tous les détails de cet épitre. Vous paraissez oublier, Monsieur, que c'est vous qui vous êtes dédit de la provocation, que vous aviez fait adresser au baron Georges de Heckern et qui avait été acceptée par lui. La preuve de ce que j'avance ici existe, écrite de votre main et est restée entre les mains des seconds. Il ne me reste qu'à vous prévenir que M-r le vicomte d'Archiac se rend chez vous pour convenir avec vous du lieu où vous rencontrerez avec le baron Georges de Heckern et à vous prévenir que cette rencontre ne souffre aucun délai.

Je saurai plus tard, Monsieur, vous faire apprécier le respêct dû au caractère dont je suis revêtu et qu'aucune démarche de votre part ne saurait m'atteindre. Je suis, Monsieur, votre très humble serviteur B. de Heckern.

Lu et aprouvé par moi, le Baron Georges de Heckern.

[Переводъ]. Милостивый государь! Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ г. виконту д'Аршіаку, который вручитъ вамъ это письмо, чтобъ удостовѣриться: точно ли письмо, мною полученное, прислано вами. Содержаніе его до такой степени превосходитъ всякія границы возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на всѣ подробности этого посланія. Повидимому, вы позабыли, милостивый государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Жоржу Геккерну и имъ

* См. выше. Письма къ Бенкендорфу, къ Геккерну, и къ д'Аршіаку, [стр. 399—404].

lib.pushkinskijdom.ru

принятому. Тому существуетъ доказательство, вами писанное и находящееся въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ, на которомъ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Геккерномъ, и предупредить васъ, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства.

Впослѣдствіи, милостивый государь, я найду средства заставить васъ уважать званіе, которымъ я облеченъ и которое не можетъ оскорбить никакая выходка съ вашей стороны. Остаюсь, милостивый государь, вашъ покорный слуга Б. де-Геккернъ.

Читано и одобрено мною — баронъ Жоржъ де-Геккернъ.

---

2. Записка отъ д'Аршіака къ Пушкину.

Le soussigné informe Monsieur de Pouchkin, qu'il attendra chez lui jusqu'à 11 heures du soir de ce jour et après cette heure au bal de la comtesse Razoumovsky, la personne qui sera chargée de traiter l'affaire, qui doit se terminer demain. En attendant il offre à M-r Pouchkin l'assurance de sa considération le plus distinguée. Vicomte d'Archiac.

Mardi 26 Janvier [7 Fevrier] 1837.

[Переводъ]. Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя дома до 11-ти часовъ вечера нынѣшняго числа, а послѣ этого часа на балѣ у графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено переговорить о дѣлѣ, которое непремѣнно должно быть окончено завтра. Въ ожиданіи, онъ свидѣтельствуетъ г. Пушкину совершенное свое уваженіе. Виконтъ д'Аршіакъ.

Вторникъ 26-го января [7-го февраля] 1837.

---

3. Вторая записка отъ д'Аршіака къ Пушкину.

Monsieur! J'insiste encore ce matin sur la demande que j'ai eu l'honneur de vous faire hier au soir.

Il est indispensable que je m'abouche avec le témoin que vous aurez chosi, et cela dans le plus bref délai.

Jusqu'à midi je resterai dans mon appartement; j'espère avant cette heure recevoir la personne que vous voudrez bien m'envoyer.

lib.pushkinskijdom.ru

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération la plus distinguée. Vicomte d'Archiac.

St. Pétersbourg. Mercredi 9 h. du matin.
27 Janvier [8 Fevrier] 1837.

[Переводъ]. Милостивый государь! Настоятельно прошу: сегодня же утромъ дать отвѣтъ на вопросъ, который имѣлъ честь сдѣлать вамъ вчера вечеромъ.

Мнѣ необходимо переговорить съ выбраннымъ вами секундантомъ въ возможно кратчайшій срокъ.

До полудня я буду дома; надѣюсь ранѣе этого часа принять особу, которую вамъ угодно будетъ прислать ко мнѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. Середа, 9 часовъ утра.
27-го января [8-го февраля] 1837.

---

4. Письмо д'Аршіака къ Пушкину

[отвѣтъ на помѣщенное на стр. 404].

Monsieur! Ayant attaqué l'honneur du baron Georges de Heckern, vous lui devez réparation. C'est à vous à produire votre témoin. Il ne peut être question de vous en fournir. Prêt de son côté à se rendre sur le terrain le Baron Georges de Heckern vous presse de vous mettre en régle. Tout retard serait considéré par lui comme un réfus de la satisfaction qui lui est due et en ébruitant cette affaire l'empêcher de se terminer.

L'entrevue entre les témoins, indispensable avant la rencontre, deviendrait, si vous le refusiez, une des conditions du baron Georges de Heckern; vous m'avez dit hier et écrit aujourd'hui que vous les acceptiez toutes.

Recevez, Monsieur, l'assurance de me parfaite consideration. Vicomte d'Archiac.

St. Pétersbourg 27 Janvier [8 Fevrier] 1837.

[Переводъ]. Милостивый государь! Оскорбивъ честь барона Жоржа де-Геккерна, вы должны дать ему удовлетвореніе. Вы должны сами выбрать вашего секунданта. — О пріисканіи его вамъ не можетъ быть и рѣчи. Готовый, съ своей стороны, явиться на мѣсто поединка, баронъ Жоржъ де-Геккернъ проситъ васъ поспѣшить устроить все въ порядкѣ. Всякое

lib.pushkinskijdom.ru

замедленіе будетъ имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи, а огласка этого дѣла помѣшаетъ его окончанію.

Свиданіе секундантовъ, необходимое передъ дуэлью, было бы въ случаѣ вашего отказа однимъ изъ условій барона Жоржа де-Гекерна; а вы сказали мнѣ вчера и написали сегодня, что согласны на всѣ его условія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ 27-го января [8-го февраля] 1837.

5. Письмо д'Аршиака къ кн. П. А. Вяземскому.

Mon prince! Vous avez désiré de connaitre avec exactitude les détails de la triste affaire dont monsieur Danzas et moi avons été témoins. Je vais vous l'exposer et vous prie de la faire approuver et signer par monsieur Danzas.

C'est à quatre heures et demi que nous sommes arrivés au lieu du rendez-vous, le vent très violent qu'il faisait en ce moment nous força de chercher un abri dans un petit bois de sapins. La grande quantité de neige pouvant gêner les adversaires, il fallut leur creuser un sillon de vingt pas, aux deux bouts du quel ils furent placés. Les barrières marquées par des manteaux, un pistolet remis à chacun de ces messieurs, le colonel Danzas donna le signal en levant son chapeau. M-r. Pouchkin était à la barrière presqu'aussitôt; le baron Heckern avait fait quatre des cinq pas qui le séparaient de la sienne. Les deux adversaires s'appretèrent à tirer, après quelques instants un coup partit. Monsieur Pouchkin était blessé; il le dit lui-même, tomba sur le manteau qui faisait la barrière et resta immobile la face contre terre; les témoins, s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit: «attendez!» L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, il en prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron George de Heckern, m'en empêcha. Monsieur Pouchkin la main gauche appuyée sur la terre visa d'une main ferme, le coup partit.

lib.pushkinskijdom.ru

Immobile depuis qu'il avait tiré, le baron de Heckern était blessé et tomba de son côté.

La blessure de monsieur Pouchkin était trop grave pour continuer — l'affaire était terminée. Retombé après avoir tiré, il eût immédiatement deux demi-évanouissements, quelques instants de trouble dans les idées, il reprit tout-à-fait sa connaissance et ne la perdit plus. — Placé sur un traineau, fortement secoué pendant un trajet de plus d'une demi verste sur un chemin fort mauvai, il souffrait sans se plaindre.

Le baron de Heckern avait pu, soutenu par moi, regagner son traineau, où il avait, attendu que le transport de son adversaire fut effectué et que je puisse l'accompagner à Pétersbourg. Pendant toute cette affaire, le calme, le sang froid, la dignité de deux parties ont été parfaits. Agréez, mon prince, l'assurance de ma haute considération. Vicomte d'Archiac.

Pétersbourg. 1/13 Fevrier 1837.

[Переводъ]. Князь! Вы желали знать подробности грустнаго происшествія, котораго г. Данзасъ и я были свидѣтелями. Я сообщаю ихъ вамъ, и прошу васъ передать это письмо г. Данзасу для его прочтенія и удостовѣренія подписью. — Было половина пятаго, когда мы прибыли на назначенное мѣсто. Сильный вѣтеръ, дувшій въ это время, заставилъ насъ искать убѣжища въ небольшой еловой рощѣ. Такъ какъ глубокій снѣгъ могъ мѣшать противникамъ, то надобно было очистить мѣсто на двадцать шаговъ разстоянія, по обоимъ концамъ котораго они были поставлены. Барьеръ означили двумя шинелями; каждый изъ противниковъ взялъ по пистолету. Полковникъ Данзасъ подалъ сигналъ, поднявъ шляпу. Пушкинъ въ ту же минуту былъ уже у барьера; баронъ Геккернъ сдѣлалъ къ нему четыре или пять шаговъ. Оба противника начали цѣлить. Спустя нѣсколько секундъ, раздался выстрѣлъ. Пушкинъ былъ раненъ. Сказавъ объ этомъ, онъ упалъ на шинель, означавшую барьеръ, лицомъ къ землѣ и остался недвижимъ. Секунданты подошли; онъ приподнялся и, сидя, сказалъ: «постойте!» Пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ, былъ весь въ снѣгу; онъ спросилъ другой. Я хотѣлъ воспротивиться тому, но баронъ Жоржъ Геккернъ остановилъ меня знакомъ. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой на землю, началъ цѣлить; рука его не дрожала. Раздался выстрѣлъ. Баронъ Геккернъ, стоявшій неподвижно послѣ своего выстрѣла, упалъ въ свою очередь раненый. — Рана Пушкина была слишкомъ опасна для продолженія дѣла — и оно окончилось. Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ упалъ и два раза терялъ сознаніе; послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья, онъ на-

lib.pushkinskijdom.ru

конецъ пришолъ въ себя и уже болѣе не лишался чувствъ. Положенный въ тряскія сани, онъ на разстояніи полуверсты самой скверной дороги сильно страдалъ, но не жаловался. — Баронъ Геккернъ, поддерживаемый мною, дошелъ до своихъ саней, гдѣ дождался, пока не тронулись сани его противника, и я могъ сопутствовать ему до Петербурга. Въ продолженіе всего дѣла обѣ стороны были спокойны, хладнокровны, исполнены достоинства. — Примите, князь, увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи. Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ 1/13 февраля 1837 года.

---

6. Письмо К. К. Данзаса къ кн. П. А. Вяземскому.

Милостивый государь, князь Петръ Андреевичъ! Письмо къ вамъ отъ г-на д'Аршіака о несчастномъ происшествіи, которому я былъ свидѣтелемъ, я читалъ. Г-нъ д'Аршіакъ просилъ васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показанія его о семъ предметѣ. Истина требуетъ, чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанія нѣкоторыя невѣрности въ разсказѣ г-на д'Аршіака. Г-нъ д'Аршіакъ, объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны г-на Геккерна [Дантеса] и что А. С. Пушкинъ упалъ раненый, продолжаетъ: «les témoins s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit: «attendez!» L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, il prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron Georges de Heckern m'en empêcha». Слова А. С. Пушкина, когда онъ поднялся, опершись лѣвой рукой, были слѣдующія: «Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup.» Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ, въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ и стволъ котораго набился снѣгомъ при паденіи раненаго. Но я не могу оставить безъ возраженія замѣчаніе г-на д'Аршіака, будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ Геккерна [Дантеса]. Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода, во время поединка, ни къ какому спору. По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право вы-

lib.pushkinskijdom.ru

стрѣлить; пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ, набившійся въ дуло пистолета Александра Сергѣевича, усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его. Никакого знака ни со стороны г-на д'Аршіака ни со стороны Геккерна [Дантеса] дано не было. Что до меня касается, то я почитаю оскорбленіемъ для памяти Пушкина предположеніе, будто бы онъ стрѣлялъ въ противника съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было; если бы оно могло возродиться, то г-нъ д'Аршіакъ обязанъ былъ объявить возраженіе и не останавливаться знакомъ будто бы отъ г-на Геккерна [Дантеса] поданнымъ. Къ тому же сей послѣдній неиначе могъ бы узнать намѣреніе г. д'Аршіака, какъ тогда, когда бы оно было выражено словами, но онъ ихъ не произносилъ. Хотя отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г-номъ Геккерномъ [Дантесомъ]; но рѣшительно отвергаю, чтобы онъ произвольно подвергся опасности, которую могъ бы отъ себя отстранить. Не отъ него зависѣло уклониться отъ удара своего противника послѣ того, какъ онъ свой нанесъ. Ради истины разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: Геккернъ [Дантесъ] неподвижный до тѣхъ поръ упалъ. Противники шли другъ на друга грудью. Когда Пушкинъ упалъ, тогда г-нъ Геккернъ [Дантесъ] сдѣлалъ движеніе, чтобы подойти къ нему; послѣ же словъ Пушкина, что онъ хотѣлъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую справедливость показаній г-на д'Аршіака. Съ совершеннымъ и проч. К. Данзасъ.

Февраля 6-го дня 1837 года.

---

lib.pushkinskijdom.ru

7. Письмо гр. Бенкендорфа къ гр. Строгонову.

Monsieur le comte! Je me suis empressé de faire à sa majesté la demande de madame Pouchkin pour que Danzas puisse accompagner le corps à sa dernière demeure. L'empereur vient de me repondre, qu'il avait fait tout ce qu'il dependait de lui, en permettant que m-r Danzas, qui est sans jugement resté jusqu'à la céremonie d'aujourd'hui auprès du corps de son ami, qu'un plus long délai serait contraire aux loix, et par conséquant impossible à accorder, mais il a ajouté que m-r Tourgeneff ancien ami du défunt, n'ayant pas d'occupation pour le moment pourrait rendre le dernier service à m-r Pouchkin, et qu'il le chargeait du transport du corps.

En me hâtant de vous transmettre cette décision suprême, je suis... Benkendorff.

[Переводъ]. Графъ! Я немедленно доложилъ его величеству просьбу г-жи Пушкиной, дозволить Данзасу проводить тѣло въ его послѣднее жилище. Государь отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, дозволивъ подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемоніи при тѣлѣ его друга; что дальнѣйшее снисхожденіе было бы нарушеніемъ закона — и слѣдовательно невозможно; но онъ прибавилъ, что Тургеневъ, давнишній другъ покойнаго, ничѣмъ не занятый въ настоящее время, можетъ отдать этотъ послѣдній долгъ Пушкину, и что онъ уже поручилъ ему проводить тѣло. — Спѣша передать вамъ это высочайшее рѣшеніе, имѣю честь быть и пр. Бенкендорфъ.

lib.pushkinskijdom.ru

III. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПУШКИНА,

ПО РАЗСКАЗАМЪ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

I. ОПИСАНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою — потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бъ судьба, такъ незапно не сорвала его со славной, едва начатой имъ дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ. Здѣсь сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Они описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

ПИСЬМО КЪ С. Л. ПУШКИНУ.

15 февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается

lib.pushkinskijdom.ru

его голосъ, какъ будто раздается его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, а онъ пропалъ, и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ государь. При началѣ своего царствованія онъ себѣ его присвоилъ; онъ развязалъ руки ему въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ими усиливалась: въ одномъ — чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ — живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу Пушкина и наконецъ слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. И государь, до послѣдней минуты Пушкина, остал-

lib.pushkinskijdom.ru

ся вѣренъ своему благотворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ разсказали другіе очевидцы. Въ середу, 27 числа января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умретъ непремѣнно. Вотъ что разсказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. «Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: ««n'entrez pas; il y a du monde chez moi.» Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти [въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ]. «Плохо со мною,» сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: «Что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?» — Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — «Скажите лучше, умираю.» — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано. — «Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi,» сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: «il faut que j'arrange ma maison.» — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ. — «Прощайте, друзья!» сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: «Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?» — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь. — «Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды, тошнитъ.» — Шольцъ. тронувъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больнаго, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной успокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: «попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ.» Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который

lib.pushkinskijdom.ru

во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. «Плохо мнѣ», сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратились на жену. «Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ, говорилъ онъ Спасскому, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.» Въ это время уже собрались: князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть [онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери]; но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. «Жена здѣсь?» говорилъ онъ. «Отведите ее.» Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. «Что дѣлаетъ жена?» спросилъ онъ однажды у Спасскаго. «Она бѣдная безвинно терпитъ! въ свѣтѣ ее заѣдятъ.» Вообще съ начала до конца своихъ страданій [кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія], онъ былъ удивительно твердъ. Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. «Если

lib.pushkinskijdom.ru

увидите Греча, сказалъ онъ Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.» У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ государя, который былъ въ театрѣ; онъ сказалъ камердинеру, чтобъ по возвращеніи его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи пріѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. «Я не лягу, я буду ждать», приказывалъ государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ? «Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я ихъ беру на свое попеченіе.» Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ. Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта

lib.pushkinskijdom.ru

поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: «Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?» Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно [хотя за минуту говорила]; тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Дан-

lib.pushkinskijdom.ru

заса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: «Жену! позовите жену!» — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. «Кто здѣсь?» спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. «Позовите», сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою и я отошелъ, но черезъ минуту я возвратился къ его постелѣ и спросилъ у него: можетъ быть, увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя? — «Скажи, отвѣчалъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его!» — Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной разсчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: «смерть идетъ.» Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: «Карамзину!» Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: «Перекрестите меня», потомъ поцѣловалъ у ней руку. — Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ. «Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно», сказалъ ему Пушкинъ. Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же

lib.pushkinskijdom.ru

минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить его величество о томъ, что слышалъ. Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною отъ самого государя. «Извини, что я тебя потревожилъ», сказалъ онъ мнѣ при входѣ моемъ въ кабинетъ. — «Государь, я самъ спѣшилъ къ вашему величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною». Разсказавъ о томъ, что говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ: «я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно вашему величеству». — «Скажи ему отъ меня, сказалъ государь, что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ разсмотришь.» — Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. «Вотъ какъ я утѣшенъ! сказалъ онъ. Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи.» Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. «Худо мнѣ, братъ», сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты. — «Нѣтъ! возразилъ онъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо.» Въ это время пульсъ его былъ

lib.pushkinskijdom.ru

полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ-было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: «Никого тутъ нѣтъ?» — «Никого.» — «Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?» — «Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся.» — «Ну, спасибо!» отвѣчалъ онъ. Но повидимому только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь [на 29-е число; эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ] онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. «Ахъ! какая тоска!» иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, «сердце изнываетъ!» Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: «ну! такъ, такъ — хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо»; или «постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, и прекрасно!» — [все это его точныя выраженія]. Вообще, говоритъ Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: «Кто у жены моей?» — Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. — «Ну спасибо, отвѣчалъ онъ, однако же поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.» — Даль его не обманулъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей [которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій] безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта, который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больнаго; государыня великая княгиня [Елена Павловна], очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно и въ государѣ, которому дорога̀ народная слава, какого рода она бы ни была [а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское, онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые]; естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только заодно съ своимъ государемъ, но этою общею любовію къ отечественной славѣ укореняется между ими нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними на ряду; народу естественно быть благодарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за

lib.pushkinskijdom.ru

великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Что думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя долго въ уныніи посреди прихожей, гдѣ около его шептали съ печальными лицами о томъ, что дѣлалось за дверями. Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію—всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посолъ Франціи [самъ знаменитый писатель] приходилъ къ дверямъ его съ печалію собственною; и о нашемъ Пушкинѣ пожалѣлъ какъ будто о своемъ. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ въ вечеру: «Ныньче у меня танцовать не будутъ, ныньче были похороны Пушкина.»

Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: «Который часъ?» и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосъ: «Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуста... поскорѣй!...» Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: «скоро ли конецъ?....» и всегда прибавлялъ: «пожалуста поскорѣй!...» Но вообще [послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа], онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. «Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче.» — «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ прерывчиво: нѣтъ.... не надо.... стонать;.... жена.... услышитъ;.... смѣшно же.... чтобъ этотъ.... вздоръ ме-

lib.pushkinskijdom.ru

ня.... пересилилъ,.... не хочу.» Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормитъ.» Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.» — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. «Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ.» — А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ; сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю, и пожимая ее, проговорилъ: «Ну подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну пойдемъ!» Но очнувшись, онъ сказалъ: «Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко.... и голова закружилась.» Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: «Ну, пойдемъ же пожалуста; да вмѣстѣ.» — Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо

lib.pushkinskijdom.ru

его прояснилось, и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» Даль не разслушавъ, отвѣчалъ: да кончено; мы тебя поворотили. «Жизнь кончена!» повторилъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ!» были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты чрезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» — Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль.* Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его линѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я уви-

* Въ три четверти третьяго часа по полудни, въ пятницу, 29 января [1837].

lib.pushkinskijdom.ru

дѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти.* Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. — Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастію я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно, черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины [во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось вглядѣться въ прекрасное лицо его] тѣло вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью. Не буду разсказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною же-

---

* Жуковскій послалъ гр. Ростопчиной книжку, приготовленную погибшимъ поэтомъ для своихъ новыхъ стиховъ, и самъ началъ эту книжку стихами:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ, голову тихо склоня.
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза:
Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ — въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье.
Что-то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что видишь?»

lib.pushkinskijdom.ru

ною: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгоновы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. Въ вечеру, увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа въ моей жизни я никогда не забуду. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. И особенно глубоко тронуло мнѣ душу то, что государь какъ будто соприсутствовалъ посреди своихъ русскихъ, которые такъ просто, такъ смиренно и съ нимъ заодно выражали скорбь свою о утратѣ славнаго соотечественника; всѣмъ уже было извѣстно, какъ государь утѣшилъ послѣднія минуты Пушкина, какое онъ принялъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что̀ онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ своего поэта, и что̀ въ то же время [какъ судія, какъ верховный блюститель нравственности] произнесъ въ осужденіе тому бѣдственному дѣлу, которое такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь предъ гробомъ, не помолился въ то же время за государя, и можно сказать, что это изъявленіе національной печали о поэтѣ

lib.pushkinskijdom.ru

было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.

Отпѣваніе происходило 1-го февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправленія изъ города. 3-го февраля, въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинъ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ. — В. Жуковскій.

За тѣломъ слѣдовалъ А. И. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго, гдѣ Пушкинъ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число февраля было отправлено черезъ городъ Островъ въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. — Мертвый мчался къ своему послѣднему жилищу мимо своего опустѣвшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, имъ недавно воспѣтыхъ. Тѣло поставили на Святой горѣ въ соборной Успенской церкви, и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ покоится его мать. На другой день, на разсвѣтѣ, по совершеніи божественной литургіи, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать

lib.pushkinskijdom.ru

послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоявшимъ изреченіе Библіи, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина: «земля еси!»

2. ПИСЬМО КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ А. Я. БУЛГАКОВУ.

5-го февраля 1837 г.

Вижу изъ твоего нынѣшняго письма и изъ твоихъ впечатлѣній, что Тургеневъ передалъ тебѣ не полный отчетъ о послѣднихъ дняхъ Пушкина. Впрочемъ, оно не могло быть иначе. Тургеневъ не былъ безотлучно при немъ днемъ и ночью, подобно мнѣ, Жуковскому, Віельгорскому. Постараюсь пополнить разсказъ его.

Первое слово его женѣ, когда внесли его въ комнату раненаго и положили на диванъ, было слѣдующее:

— Какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня! Будь покойна: ты невиновата, я знаю, что ты невиновата.

Между тѣмъ онъ скрылъ отъ нея опасность раны своей, которую докторъ, по его требованію, откровенно объявилъ ему смертельною.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ тутъ Шольцу, который первый изъ докторовъ видѣлъ его [на мѣстѣ поединка доктора не было, и впрочемъ, по существу раны имъ полученной, докторъ былъ бы безполезенъ], — что вы сказали мнѣ правду, какъ честный человѣкъ: теперь займусь дѣлами моими.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣніе перваго доктора о безнадежности положенія его и смертельности раны имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему:

— Ѣду къ государю, не прикажете ли что сказать ему?

— Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса [братъ московскаго,

lib.pushkinskijdom.ru

бывшій лицейскимъ товарищемъ, вѣрнымъ другомъ въ жизни и по смерти, и за часъ до поединка попавшійся ему на улицѣ и взятый въ секунданты].

Ночью возвратился къ нему Арендтъ и привезъ ему для прочтенія собственноручную записку, карандашомъ написанную государемъ, почти въ такихъ словахъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки.»

Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить.

— «Скажите государю, — говорилъ Пушкинъ, — что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я былъ бы весь его.»

Эти слова слышаны мною и врѣзались въ память и сердце мое по чувству, съ коимъ они были произнесены.

Пришелъ священникъ, исповѣдалъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ esprit fort, по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ.

Жену призывалъ онъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, а ее увѣрялъ онъ, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ томъ же ее удостовѣрили. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ:

— Бѣдная жена! бѣдная жена! — и посылалъ докторовъ успокоивать ее.

Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека,

lib.pushkinskijdom.ru

ни одного холоднаго, черстваго слова не слыхали мы. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его, дать ему умереть скорѣе, то единственно отъ того, что онъ зналъ о неминуемости смерти своей и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Еще сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи:

— Для Пушкина жаль, что онъ не былъ убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его — это счастіе, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ.

Эти слова въ устахъ Арендта, который не имѣлъ никакой личной связи съ Пушкинымъ и былъ при немъ, какъ былъ бы онъ при каждомъ другомъ въ томъ же положеніи, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его разсѣянность, его привычку къ подобнымъ сценамъ, чтобы понять всю силу его впечатлѣнія. Стало быть, видимое имъ было такъ убѣдительно, такъ поразительно и полно истины, что пробудило и его вниманіе и имъ овладѣло.

— Простилъ ли царь моего Данзаса? спросилъ Пушкинъ у Арендта, — и на довольно успокоительный отвѣтъ его изъявилъ снова преданность и благодарность къ государю.

Кажется, Віельгорскому сказалъ онъ однажды: «жду Арендта и царскаго слова, чтобы умереть спокойно».

Ожесточенія [?] къ жизни въ немъ вовсе не было. Онъ желалъ смерти, какъ конца мученій, и отчаяваясь въ жизни, не хотѣлъ продолжать ее насильственно безполезными мѣрами и новыми мученіями. Но на другой день,

lib.pushkinskijdom.ru

когда сдѣлалось ему получше, и замѣтилъ онъ, что и доктора поободрились, и онъ сдѣлался податливымъ къ надеждѣ, слушался докторовъ, самъ приставлялъ себѣ своеручно пьявицы, принималъ лекарства, и когда доктора обѣщали ему хорошія послѣдствія отъ лекарствъ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Дай Богъ, дай Богъ!

Но этотъ оборотъ къ лучшему былъ непродолжителенъ и онъ вновь убѣдился въ неминуемости близкой кончины, и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ходъ ея, какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ.

— «Вотъ смерть идетъ». — Спрашивалъ: «въ которомъ часу, полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть?» и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ нами прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. У меня крѣпко пожалъ онъ руку и сказалъ:

— Прости, будь счастливъ.

Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. Мы за нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что̀ она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Геккерну, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно Геккерна?

— Требую, отвѣчалъ онъ ему, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ.

Вотъ все, что на эту минуту могу припомнить изъ всего того, что мы видѣли. Ручаюсь совѣстью, что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличенія. Напротивъ, вѣроятно, многаго нѣтъ. Собираемъ теперь, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но

lib.pushkinskijdom.ru

и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Но изъ сказаннаго здѣсь мною ты можешь видѣть, въ какихъ чувствахъ, въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ намъ каждому подобную кончину! О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки — говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Довольно намъ имѣть твердое, задушевное убѣжденіе, что жена Пушкина непорочна и что мужъ ея жилъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ, что любовь и ласковость къ ней не измѣнились въ немъ ни на минуту.

Пушкина въ гробъ положили и зарѣзали жену его городскія сплетни, людская злоба, праздность и клевета петербургскихъ салоновъ, безыменныя письма. Пылкая, страстная душа его, африканская кровь, не могли вытерпѣть раздраженія, произведеннаго сомнѣніями и подозрѣніями общества.

— «Il y deux espèces de cocus, — говорилъ онъ д'Аршіаку, секунданту Геккерна, за часъ до поединка, — ceux qui le sont de fait savent à quoi s'en tenir: le cas de ceux qui le sont par la grâce du public, est plus embarrassant et c'est le mien».

Когда д'Аршіакъ требовалъ секунданта отъ Пушкина для переговоровъ о причинахъ поединка, онъ письменно отвѣчалъ ему:

— «Je ne me soucie pas de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes sécrets de famille. Je ne consens à aucun pour parler entre les témoins».

Послѣ пришлю я тебѣ всѣ письма, относящіяся до этого дѣла. Покажи, пожалуйста, мое письмо Ив. Ив. Дмитріеву и Сонцову, или, лучше, дай имъ копію съ него и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь. Повторяю, все въ немъ сказанное есть сущая, но развѣ неполная истина.

Скажи Сергѣю Львовичу [отцу поэта], что Наталья

lib.pushkinskijdom.ru

Николаевна [жена поэта] очень слаба; о горести ея и говорить нечего. Она тотчасъ просила меня написать ему о случившемся несчастіи, но, право, я ни духа, ни силы физической писать ни имѣлъ. Наталья Николаевна ожидаетъ брата старшаго изъ Калужской губерніи, и поѣдетъ съ нимъ и съ семействомъ своимъ тотчасъ въ Калужскую губернію. Скажи ему, что всѣ порядочные люди, начиная отъ царской фамиліи, пріемлютъ въ ней живѣйшее участіе, убѣждены въ ея невинности, и признаютъ всю эту бѣдственную исторію какимъ-то фаталитетомъ, который невозможно объяснить и невозможно было предупредить. Анонимныя письма причина всего; они облили горячимъ ядомъ раздражительное сердце Пушкина: ему съ той поры нужна была кровавая развязка.

Пожалуйста дай и мнѣ копію съ письма моего, чтобы сохранить его въ памяти. Прочти Владиміру Пушкину, и если можешь отыскать, Павлу Воиновичу Нащокину, другу покойнаго Пушкина.

А. И. Тургеневъ отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ, для погребенія, въ монастырь Святыя горы, Псковской губерніи, близъ деревни Пушкина. Не до смѣха было, а нельзя было намъ воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожные.

3. Послѣдніе дни А. С. Пушкина, доктора И. Т. Спасскаго.

Въ 7 часовъ вечера, января 27 числа [1837 г.], пріѣхалъ за мною человѣкъ Пушкина. «Александръ Сергѣевичъ очень боленъ, приказано просить какъ можно скорѣе». Я не медля отправился въ домъ больнаго и нашелъ докторовъ Арендта и Задлера. Съ сожалѣніемъ узналъ я объ опасномъ положеніи Пушкина. «Что, плохо?» сказалъ мнѣ Пушкинъ, подавая руку. Я старался его успокоить; онъ сдѣлалъ рукою отрицательный знакъ, показывающій, что онъ

lib.pushkinskijdom.ru

ясно понимаетъ опасность своего положенія. «Пожалуста не давайте большихъ надеждъ женѣ, не скрывайте отъ нея въ чемъ дѣло, она не притворщица, вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочемъ дѣлайте со мною, что угодно, я на все согласенъ, я на все готовъ.» Врачи уѣхали, оставивъ на мои руки больнаго. Онъ исполнялъ всѣ врачебныя предписанія. По желанію родныхъ и друзей Пушкива, я сказалъ ему объ исполненіи христіанскаго долга. Онъ тотчасъ же на то согласился. «За кѣмъ прикажете послать?» спросилъ я. «Возьмите перваго ближайшаго священника», отвѣчалъ Пушкинъ. Послали за отцомъ Петромъ, что въ Конюшенной. Больной вспомнимъ о Гречѣ. «Если увидите Греча», молвилъ онъ, «кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.» Въ 8 часовъ возвратился докторъ Арендтъ; его оставили съ больнымъ наединѣ. Въ присутствіе доктора Арендта прибылъ и священникъ. Онъ скоро отправилъ церковную требу: больной исповѣдался и причастился св. таинъ. Когда я къ нему вошелъ, онъ спросилъ: «что дѣлаетъ жена?» Я отвѣчалъ, что она нѣсколько спокойнѣе. «Она бѣдная безвинно терпитъ и можетъ еще потерпѣть во мнѣніи людскомъ», возразилъ онъ; «не уѣхалъ еще Арендтъ?» Я сказалъ, что докторъ Арендтъ еще здѣсь. «Просите за Данзаса, за Данзаса: онъ мнѣ братъ». Желаніе Пушкина было передано доктору Арендту и лично самимъ больнымъ повторено. Докторъ Арендтъ обѣщалъ возвратиться къ 11-ти часамъ. Необыкновенное присутствіе духа не оставляло больнаго. Отъ времени до времени онъ тихо жаловался на боль въ животѣ и забывался на короткое время. Докторъ Арендтъ пріѣхалъ въ 11 часовъ. Въ леченіи не послѣдовало перемѣнъ. Уѣзжая, докторъ Арендтъ просилъ меня тотчасъ прислать за нимъ, если я найду то нужнымъ. Я спросилъ Пушкина, не угодно ли ему сдѣлать какія либо распоряженія. «Все женѣ и дѣтямъ», отвѣчалъ онъ; «позовите Данзаса». Данзасъ вошелъ. Пушкинъ захотѣлъ остаться

lib.pushkinskijdom.ru

съ нимъ одинъ. Онъ объявилъ Данзасу свои долги. Около 4-го часу боль въ животѣ начала усиливаться и къ 5-ти часамъ сдѣлалась значительною. Я послалъ за Арендтомъ; онъ не замедлилъ пріѣхать. Боль въ животѣ возрасла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Физіономія Пушкина измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ, казалось глаза готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки охолодѣли, пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку, но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь. какъ онъ говорилъ, чтобы жена не услышала и не испугалась. «Зачѣмъ эти мученія?» сказалъ онъ, «безъ нихъ я бы умеръ спокойно». Наконецъ боль повидимому начала утихать, но лицо выражало глубокое страданіе, руки по прежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. «Жену, просите жену», сказалъ Пушкинъ. Она съ воплемъ горести бросилась къ страдальцу. Это зрѣлище у всѣхъ извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь отъ одра умирающаго. Таковъ дѣйствительно былъ Пушкинъ въ то время. Я спросилъ его, не хочетъ ли онъ видѣть своихъ друзей. «Зовите ихъ», отвѣчалъ онъ. Жуковскій, Віельгорскій, Вяземскій, Тургеневъ и Данзасъ входили одинъ за другимъ и братски прощались. «Что сказать отъ тебя царю?» спросилъ Жуковскій. «Скажи, жаль, что умираю — весь его бы былъ», отвѣчалъ Пушкинъ. Онъ спросилъ: «здѣсь ли Плетневъ и Карамзина». Потребовалъ дѣтей и благословилъ каждаго особенно. Я взялъ больнаго за руку и щупалъ пульсъ. Когда я оставилъ его руку, то онъ самъ приложилъ пальцы лѣвой руки къ пульсу правой; томно, но выразительно взглянулъ на меня и сказалъ: «смерть идетъ». Онъ не ошибался, смерть летала надъ нимъ въ это время. Пріѣзда Арендта онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. «Жду слова отъ царя, чтобы умереть спокойно», промолвилъ онъ. Наконецъ докторъ Арендтъ пріѣхалъ. Его пріѣздъ, его

lib.pushkinskijdom.ru

слова оживили умирающаго. Въ 11-мъ часу утра я оставилъ Пушкина на короткое время, простился съ нимъ, не полагая найти его въ живыхъ по моемъ возвращеніи. Мѣсто мое занялъ другой врачъ. По возвращеніи моемъ, въ 12 часовъ по полудни, мнѣ показалось, что больной сталъ спокойнѣе, руки его теплѣе и пульсъ явственнѣе. Онъ охотно бралъ лекарства, заботливо спрашивалъ о женѣ и о дѣтяхъ. Я нашелъ у него доктора Даля. Пробывъ у больнаго до 4-го часу, я снова оставилъ его на попеченіе Даля и возвратился къ нему около семи часовъ вечера. Я нашелъ, что у него теплота въ тѣлѣ увеличилась, пульсъ сдѣлался гораздо явственнѣе и боль въ животѣ ощутительнѣе. Больной охотно соглашался на всѣ предлагаемыя ему пособія. Онъ часто требовалъ холодной воды, которую ему давали по чайной ложечкѣ, что весьма его освѣжало. Такъ какъ эту ночь предложилъ остаться при больномъ докторъ Даль, то я оставилъ Пушкина около полуночи. Рано утромъ, 29 числа, я къ нему возвратился. Пушкинъ истаевалъ; руки были холодны; пульсъ едва замѣтенъ. Онъ безпрестанно требовалъ холодной воды и бралъ ее въ маломъ количествѣ, иногда держалъ во рту небольшіе куски льду и отъ времени до времени самъ теръ себѣ виски и лобъ льдомъ. Докторъ Арендтъ подтвердилъ мои и доктора Даля опасенія. Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукой. Онъ неоднократно приглашалъ къ себѣ жену. Вообще, всѣ входили къ нему только по его желанію. Нерѣдко на вопросъ, не угодно ли вамъ видѣть жену или кого либо изъ друзей? онъ отвѣчалъ: «я позову». Не задолго до смерти, ему захотѣлось морошки. Не скоро нашли этой ягоды. Онъ съ нетерпѣніемъ ее ожидалъ и нѣсколько разъ повторялъ: «морошки, морошки». Наконецъ принесли морошку. «Позовите жену, сказалъ Пушкинъ, пусть она меня покормитъ». Онъ съѣлъ двѣ, три ягоды, проглотилъ нѣсколько ложечекъ соку морошки, сказалъ: «довольно», и отослалъ жену. Лицо его выражало

lib.pushkinskijdom.ru

спокойствіе. Это обмануло несчастную его жену; выходя, она сказала мнѣ: «вотъ увидите, что онъ будетъ живъ, онъ не умретъ». Но судьба опредѣлила иначе. Минутъ за пять до смерти Пушкинъ просилъ поворотить его на правый бокъ. Даль, Данзасъ и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили къ спинѣ подушку; «хорошо», сказалъ онъ и потомъ нѣсколько погодя промолвилъ: «жизнь кончена». Да кончено, сказалъ Даль, мы тебя поворотили. «Кончена жизнь», возразилъ тихо Пушкинъ. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ Пушкинъ сказалъ: «тѣснитъ дыханіе». То были послѣднія его слова. Оставаясь въ томъ же положеніи на правомъ боку, онъ тихо сталъ кончаться — и вдругъ его не стало! — 2 февраля 1837 года. — Домашній докторъ Спасскій.

4. Смерть А. С. Пушкина, В. И. Даля.

28 января 1837 года во второмъ часу по полудни встрѣтилъ меня Башуцкій, едва я переступилъ порогъ его, роковымъ вопросомъ: «слышали вы?» и на отвѣтъ мой: нѣтъ — разсказалъ, что Пушкинъ наканунѣ смертельно раненъ.

У Пушкина нашелъ я уже толпу въ передней и въ залѣ; страхъ ожиданія пробѣгалъ по блѣднымъ лицамъ. Д-ръ Арендтъ и д-ръ Спасскій пожимали плечами. Я подошелъ къ болящему, онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: «плохо, братъ!» Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ. Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ ты, — я отвѣчалъ ему также, и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра.

Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ сдружиться съ смертью, * такъ спокойно онъ ожидалъ ее,

* Хладнокровіе Пушкина къ смерти было всѣмъ извѣстно. У него было 4 поединка; всѣ 4 раза онъ стрѣлялся всегда черезъ барьеръ; всегда первый подходилъ быстро къ барьеру, выжидалъ выстрѣла противника и потомъ — 3 раза оканчивалъ дѣло шуткою — и заключалъ стихомъ. Такъ

lib.pushkinskijdom.ru

такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ. Плетневъ говорилъ: «глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти». Больной положительно отвергалъ утѣшенія наши и на слова мои: «Всѣ мы надѣемся, не отчаявайся и ты!» отвѣчалъ: «нѣтъ, мнѣ здѣсь не житье; я умру, да видно уже такъ и надо». Въ ночи на 29 онъ повторялъ нѣсколько разъ подобное; спрашивалъ, наприм., который часъ? и на отвѣтъ мой снова спрашивалъ отрывисто и съ разстановкою, «долго ли мнѣ такъ мучиться? пожалуста поскорѣе». Почти всю ночь держалъ онъ меня за руку, почасту просилъ ложечку холодной воды, кусочекъ льду и всегда при этомъ управлялся своеручно — бралъ стаканъ самъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ снималъ и накладывалъ себѣ на животъ припарки, и всегда еще приговаривая: вотъ и хорошо и прекрасно! Собственно отъ боли страдалъ онъ, по словамъ его, не столько, какъ отъ чрезмѣрной тоски, что нужно приписать воспаленію брюшной полости, а можетъ быть еще болѣе воспаленію большихъ венозныхъ жилъ. «Ахъ, какая тоска!» восклицалъ онъ, когда припадокъ усиливался, — «сердце изнываетъ!» тогда просилъ онъ поднять его, поворотить или поправить подушку — и не давъ кончить того, останавливалъ обыкновенно словами: «ну, такъ, такъ, хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно, теперь очень хорошо!» Вообще былъ онъ, по крайней мѣрѣ въ обращеніи со мною, послушенъ и по-

---

наприм. Пушкинъ, будучи вызванъ въ Кишиневѣ однимъ офицеромъ, стрѣлялся опять черезъ барьеръ, опять первый подошелъ къ барьеру, опять противникъ далъ промахъ. Пушкинъ подозвалъ его вплоть къ барьеру, на законное мѣсто, уставилъ въ него пистолетъ и спросилъ: довольны ли вы теперь? Полковникъ отвѣчалъ, смутившись: доволенъ. Пушкинъ опустилъ пистолетъ, снялъ шляпу и сказалъ улыбаясь:

Полковникъ Старовъ
Слава Богу здоровъ!

Дѣло разгласилось секундантами, и два стишка эти вошли въ пословицу въ цѣломъ городѣ. В. Д.

lib.pushkinskijdom.ru

вадливъ, какъ ребенокъ, дѣлалъ все, о чемъ я его просилъ. «Кто у жены моей?» спросилъ онъ между прочимъ. Я отвѣчалъ: много людей принимаютъ въ тебѣ участіе — зала и передняя полны. «Ну, спасибо, — отвѣчалъ онъ, — однако же, поди, скажи женѣ, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ».

Съ утра пульсъ былъ крайне малъ, слабъ, частъ, — но съ полудня сталъ онъ подниматься, а къ 6-му часу ударялъ 120 въ минуту и сталъ полнѣе и тверже; въ то же время началъ показываться небольшой, общій жаръ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ д-ра Арендта наставленій, приставили мы съ д-ромъ Спасскимъ тотчасъ 25 піявокъ и послали за Арендтомъ. Онъ пріѣхалъ, одобрилъ распоряженіе наше. Больной нашъ, твердою рукою самъ ловилъ и припускалъ себѣ піявки и неохотно допускалъ насъ около себя копаться. Пульсъ сдѣлался ровнѣе, рѣже и гораздо мягче; я ухватился, какъ утопленникъ, за соломенку и, обманувъ и себя и друзей, робкимъ голосомъ возгласилъ надежду. Пушкинъ замѣтилъ, что я сталъ бодрѣе, взялъ меня за руку и сказалъ: «Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?» Мы за тебя надѣемся еще, право надѣемся! Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, спасибо». Но повидимому онъ однажды только и обольстился моею надеждою; ни прежде, ни послѣ этого онъ ей не вѣрилъ; спрашивалъ нетерпѣливо: а скоро ли конецъ, и прибавлялъ еще: пожалуста поскорѣе! Я налилъ и поднесъ ему рюмку касторовaго масла. «Что это?» — Выпей это, хорошо будетъ, хотя можетъ быть на вкусъ и дурно; «ну, давай», выпилъ и сказалъ: «а, это касторовое масло?» — Оно; да развѣ ты его знаешь? «Знаю, да зачѣмъ же оно плаваетъ по водѣ? сверху масло, внизу вода!» — Все равно, тамъ [въ желудкѣ] перемѣшается, — «ну, хорошо, и то правда». Въ продолженіи долгой, томительной ночи, глядѣлъ я съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти — и не могъ отбиться отъ трехъ словъ изъ Онѣгина, трехъ страш-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ словъ, которыя неотвязчиво раздавались въ ушахъ, въ головѣ моей — слова:

Ну, что жъ?—убить!

О! сколько силы и краснорѣчія въ трехъ словахъ этихъ! Они стòятъ знаменитаго Шекспировскаго роковаго вопроса: быть или не быть. Ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ, — я сидѣлъ, не смѣя дохнуть — и думалъ: вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость, философію жизни, здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла, гдѣ живое, мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безотвѣтное, чего не найдешь ни въ толстыхъ книгахъ, ни на каѳедрѣ!

Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ крѣпился усильно, и на слова мои: терпѣть надо, любезный другъ, дѣлать нечего; но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче, — отвѣчалъ отрывисто: «нѣтъ не надо, жена услышитъ, и смѣшно же это, чтобы этотъ вздоръ меня пересилилъ!» Онъ продолжалъ по прежнему дышать часто и отрывисто, его тихій стонъ замолкалъ на время вовсе.

Пульсъ сталъ упадать и вскорѣ исчезъ вовсе, и руки начали стыть. Ударило два часа по-полудни, 29 января, — и въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа. Бодрый духъ все еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забвеніе на нѣсколько секундъ туманили мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ мнѣ руку, сжималъ и говорилъ: «Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше, ну, пойдемъ». Опамятовавшись, сказалъ онъ мнѣ: «Мнѣ-было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу по этимъ книгамъ и полкамъ высоко — и голова закружилась». Раза два присматривался онъ пристально на меня и спрашивалъ: «Кто это? ты?» — Я, другъ мой. — «Что это, продолжалъ онъ, — я не могъ тебя узнать». Немного погодя онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать мою руку и, потянувъ ее,

lib.pushkinskijdom.ru

сказалъ: «Ну, пойдемъ же, пожалуста, да вмѣстѣ». — Я подошелъ къ В. А. Жуковскому и гр. Віельгорскому и сказалъ: отходитъ! Пушкинъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки; когда ее принесли, то онъ сказалъ внятно: «Позовите жену, пусть она меня покормитъ». — Нат. Ник. опустилась на колѣни у изголовья умирающаго, поднесла ему ложечку, другую — и приникла лицомъ къ челу мужа. Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: «Ну, ничего, слава Богу, все хорошо».

Друзья, ближніе молча окружили изголовье отходящаго; я, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: «Кончена жизнь!» Я не дослышалъ и спросилъ тихо: что̀ кончено? — «Жизнь кончена», отвѣчалъ онъ внятно и положительно. «Тяжело дышать, давитъ», были послѣднія слова его. Всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу: руки остыли по самыя плеча, пальцы на ногахъ, ступни и колѣни также; отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное; еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ — и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его.

При вскрытіи оказалось: чресельная часть правой половины [os il. dextr.] раздроблена, часть крестцовой кости также; пуля затерялась около оконечности послѣдней. Кишки были воспалены, но не убиты гангреной; внутри брюшины до фунта запекшейся крови, вѣроятно изъ бедренной или брыжеечныхъ венъ. Пуля вошла въ двухъ дюймахъ отъ верхней передней оконечности правой чресельной кости и прошла косвенно или дугою внутри большаго таза сверху внизъ до крестцовой кости. Пушкинъ умеръ, вѣроятно, отъ воспаленія большихъ венъ, въ соединеніи съ воспаленіемъ кишокъ.

Изъ раны, при самомъ началѣ, послѣдовало сильное

lib.pushkinskijdom.ru

венозное кровотеченіе; вѣроятно, бедренная вена была перебита, судя по количеству крови на платьѣ, плащѣ и проч.; надобно полагать, что раненый потерялъ нѣсколько фунтовъ крови. Пульсъ соотвѣтствовалъ этому положенію больнаго. Итакъ, первое стараніе медиковъ было унять кровотеченіе. Опасались, чтобы раненый не изошелъ кровью. Холодныя со льдомъ примочки на брюхо, холодительное питье и проч. вскорѣ отвратили опасеніе это, и 28-го утромъ, когда боли усилились и показалась значительная опухоль живота, рѣшились поставить промывательное, что съ трудомъ можно было исполнить. Пушкинъ не могъ лечь на бокъ, и чувствительность воспаленной проходной кишки отъ раздробленнаго крестца — обстоятельство въ то время еще неизвѣстное — была причиною жестокой боли и страданій послѣ промывательнаго. Пушкинъ былъ такъ раздраженъ духовно и тѣлесно, что въ это утро отказался вовсе отъ предлагаемыхъ пособій. Около полудня д. Арендтъ далъ ему нѣсколько капель опія, что̀ Пушкинъ принялъ съ жадностію и успокоился. Передъ этимъ принималъ онъ уже extr. hyoscyami c. calomelano, безъ видимаго облегченія. Послѣ обѣда и во всю ночь давали попеременно aq. laurocerasi и opium in pulv. c. calomel. — Къ шести часамъ вечера, 28-го ч., болѣзнь приняла иной видъ; пульсъ поднялся значительно, ударялъ около 120 и сдѣлался жостокъ; оконечности согрѣлись, общая теплота тѣла возвысилась, безпокойство усилилось; поставили 25 піявокъ къ животу; лихорадка стихла, пульсъ сдѣлался ровнѣе, гораздо мягче, кожа обнаружила небольшую испарину. Это была минута надежды. Но уже съ полуночи и въ особенности къ утру общее изнеможеніе взяло верхъ; пульсъ упадалъ съ часу на часъ, къ полудню 29-го исчезъ вовсе; руки остыли, въ ногахъ сохранилась теплота долѣе, — больной изнывалъ тоскою, начиналъ иногда забываться, ослабѣвалъ и лицо его измѣнилось. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ уже ни пособія, ни надежды. Можно было полагать,

lib.pushkinskijdom.ru

что омертвѣніе въ кишкахъ начало образоваться. Жизнь угасала видимо, свѣтильникъ дотлѣвалъ послѣднею искрой.

Вскрытіе трупа показало, что рана принадлежала къ безусловно-смертельнымъ. Раздробленія подвздошной, въ особенности крестцовой кости неисцѣлимы; при такихъ обстоятельствахъ смерть могла послѣдовать: 1) отъ истеченія кровью; 2) отъ воспаленія брюшныхъ внутренностей обще съ пораженіемъ необходимыхъ для жизни нервовъ и самой оконечности становой жилы [cauda equina]; 3) самая медленная, томительная отъ всеобщаго изнуренія, при переходѣ пораженныхъ мѣстъ въ нагноеніе. Раненый нашъ перенесъ первое, и потому успѣлъ приготовиться къ смерти, проститься съ женою, дѣтьми и друзьями, и благодаря Бога не дожилъ до послѣдняго, чѣмъ избавилъ и себя и ближнихъ отъ напрасныхъ страданій. — В. Даль.

lib.pushkinskijdom.ru

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Письма къ кн. П. А. Вяземскому [стр. 1]. Въ первый разъ эти письма, почти въ полномъ своемъ составѣ, были напечатаны, по подлинникамъ, въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., кн. 1 и 2 [стр. 111—160 и 419—449], съ небольшими только исключеніями въ текстѣ. За тѣмъ значительная доля ихъ была издана въ 1880 г. кн. Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ въ прекрасныхъ фотолитографическихъ снимкахъ, вполнѣ передавшихъ даже внѣшній видъ писемъ, не говоря уже о томъ, что при такомъ способѣ воспроизведенія текстъ явился въ полной неприкосновенности. Кромѣ того часть писемъ вошла въ сочиненіе князя: «А. С. Пушкинъ, по документамъ Остафьевскаго архива» [Спб. 1880], печатавшееся въ газетѣ «Берегъ». При напечатаніи въ «Р. Архивѣ» письма были снабжены примѣчаніями по указаніямъ покойнаго князя Петра Андреевича, которыя и разъяснили многія мѣста, безъ этой помощи оставшіяся бы не вполнѣ понятными. Сущность этихъ примѣчаній сохранена въ нашемъ изданіи, съ добавкою еще нѣкоторыхъ указаній, необходимыхъ по нашему мнѣнію для уясненія текста.

Послѣ появленія писемъ въ «Р. Архивѣ», П. В. Анненковъ въ своей книгѣ: «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» Спб. 1874 г. [изъ «Вѣстника Европы»] также далъ два небольшіе отрывка съ черновыхъ оригиналовъ этихъ писемъ, сохранившихся въ бумагахъ поэта. Эти отрывки мы привели въ выноскахъ къ тексту, съ указаніемъ, откуда они взяты. Въ «Матеріалахъ-же для біографіи Пушкина», изданныхъ г. Анненковымъ въ 1855 г., изъ всей переписки поэта съ кн. Вяземскимъ было помѣщено только 4 строки: «Я не люблю видѣть въ гордомъ первобытномъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности; сила и простота болѣе пристали ему: проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, а по привычкѣ — пишу иначе» [стр. 106; ср. выше, стр. 12].

Нѣсколько неточностей въ хронологическомъ размѣщеніи писемъ, допущенныя редакціей Р. Архива, мы поправили на основаніи указаній, находящихся въ письмахъ Пушкина къ другимъ лицамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Кстати приведемъ выписку словъ Пушкина въ письмѣ А. И. Тургенева:*

«Вотъ что пишетъ А. Пушкинъ къ Вяземскому. Выписываю только для васъ и если хотите для него:... «Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочною. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореніяхъ съ трудностью силачъ необычайный. Переводы избаловали его, излѣнили. Онъ не хочетъ самъ созидать, но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить о немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, и я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ.» — Ни одинъ стихъ Пушкина такъ не полюбился мнѣ, какъ эта проза, и я готовъ многое простить и перу его, и даже его сердцу за эту прекрасную исповѣдь. Это—признаніе генія. Не всѣ имѣютъ право такъ поступать и уступать.— И все письмо Пушкина хорошо, да писать некогда.»

Касательно стихотвореній, приведенныхъ нами по поводу этихъ писемъ, замѣтимъ, что 1) отрывокъ «Язвительный поэтъ» [стр. 5] напечатанъ въ Р. Архивѣ 1881, I, 446. 2) Я вкругъ Стурдзы хожу [стр. 9] въ Р. Архивѣ 1874, I, составляетъ подражаніе святочной пѣсни: «я вкругъ бочки хожу», и относится къ извѣстному своимъ обскурантизмомъ и мистико-теологическими твореніями А. С. Стурдзѣ. 3) Эпиграмма на Кюхельбекера [стр. 17] приведена впервые въ запискахъ Греча, въ Р. Вѣстникѣ. 4) Элегія на смерть тетки [стр. 27] — была прежде напечатана въ статьѣ В. П. Гаевскаго, въ Современникѣ 1864, № 9, а оттуда въ Библ. Запискахъ 1858 г., но по искаженному списку. 5) Эпитафія духовнику [стр. 27] явилась въ брошюркѣ: «Послѣдняя пѣснь лебеда» Спб. 1862. 6) «Лиза въ городѣ жила» [стр. 53]—при запискахъ А. М. Каратыгиной, въ Р. Старинѣ 1880, № 7. За тѣмъ стихи помѣщенные на стр. 1, 22, 24, 37, 40 и 44 въ первый разъ напечатаны въ письмахъ, а всѣ остальные — на стр. 21, 22 [пріятелямъ] и 31 были печатаемы въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, вышедшихъ при его жизни.

II. Къ А. И. и С. И. Тургеневымъ [стр. 58, 405] въ Р. Архивѣ: 1) 1867 г. № 4, с. 671, съ автографа, сообщеннаго И. Ѳ. Золотаревымъ; 2) 1881, № 1, с. 220 съ черноваго наброска, прочитаннаго г. Бартеневымъ и 3) тамъ же на стр. 230 сообщенъ черновой набросокъ 3-го письма, которое по бѣловому оригиналу было напечатано тоже въ Р. Архивѣ 1866, № 4, с. 654, но безъ стиховъ «Наполеону» и неисправно, а въ настоящемъ видѣ перепечатано съ автографа въ Р. Старинѣ 1880, № 7, с. 541. 4) Наконецъ послѣднее письмо, помѣщенное на стр. 406, явилось въ

---

* Ср. выше, стр. 28. Г. Бартеневъ полагаетъ, что эта выписка сдѣлана для Н. М. Карамзина [Р. Арх. 1870, VI].

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣстникѣ Европы 1880 г., № 12, вмѣстѣ съ письмомъ къ Сергѣю Ивановичу [стр. 405] и письмомъ отца поэта, Сергѣя Львовича, къ А. И. Тургеневу. Всѣ три письма были сообщены въ журналъ И. С. Тургеневымъ, изъ Парижа 28 октября [9 ноября] 1880 г., при слѣдующемъ поясненіи: «Эти документы находились въ архивѣ покойнаго Николая Ивановича Тургенева и съ обязательной готовностью сообщены мнѣ его семействомъ. Считаю излишнимъ распространяться объ ихъ важности, особенно въ нынѣшнее время, когда общественное вниманіе съ новой силой обращено на все касающееся до Пушкина. Письмо Сергѣя Львовича [отца Александра Сергѣевича] знаменательно тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ участіи Александра Ивановича Тургенева въ судьбахъ нашего великаго поэта, о томъ участіи, которымъ по праву гордится все семейство Тургеневыхъ. Одно изъ писемъ поэта, написанное въ Кишиневѣ, вскорѣ послѣ его ссылки, адресовано Александру Ивановичу; другое изъ Одессы—младшему изъ братьевъ Тургеневыхъ, Сергѣю Ивановичу,* только что возвратившемуся изъ Константинополя, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ при посольствѣ; оба письма бросаютъ яркій свѣтъ и на тогдашнее положеніе поэта, и на строй его мыслей и убѣжденій.» [В. Евр. 1880, 12, стр. 819].

Приводимъ кстати и указанное выше письмо Сергѣя Львовича:

«Я бы желалъ, чтобъ въ заключеніи біографическихъ записокъ о покойномъ Александрѣ сказано было то, что сохранится въ сердцѣ и памяти моей до послѣдней минуты моей жизни.—Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ главнымъ, единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ Сарско-Сельской Импер. Лицей, и ровно чрезъ 25 лѣтъ онъ же проводилъ его на вѣчное, послѣднее жилище.

«Вотъ, почтеннѣйшій и любезный Александръ Ивановичъ, записка, которую я просилъ бы васъ передать кн. П. А. Вяземскому, какъ одному изъ издателей собранія сочененіевъ Александра.—Да узнаетъ Россія, что вамъ она обязана любимымъ ею поэтомъ; а я какъ отецъ, поставляю за утѣшительную обязанность изъявить вамъ все, чѣмъ исполнено мое сердце. Неблагодарность никогда не была моимъ порокомъ. Простите; будьте вездѣ счастливы, какъ будете вездѣ любимы.—Не знаю, увижу ли васъ, но покуда живъ, буду любить и вспоминать о васъ съ благодарностію.—Искренно почитающій васъ Сергѣй Пушкинъ.—Іюня 4-го 1837. Москва.»

III. Къ П. Б. Мансурову [стр. 62] — Въ Р. Старинѣ, 1880, № 7, на стр. 543, по автографу.

IV. Къ Н. И. Гнѣдичу [стр. 63]. Шесть писемъ были напечатаны нами въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868, № 1; за тѣмъ два: 3 и 4-е

* Изъ напечатанныхъ писемъ однако видно, что изъ Кишинева писано С. И., а изъ Одессы А. П—чу.

lib.pushkinskijdom.ru

Я. Гротомъ въ «Складчинѣ» 1872 г. и черновой набросокъ 4-го въ «Матеріалахъ» г. Анненкова [стр. 97]. Всѣ же 9 писемъ, исправленные по автографамъ, хранящимся у насъ и у П. Я. Дашкова, были помѣщены въ Р. Старинѣ 1880, № 7.

Изъ стиховъ тутъ находящихся: Экспромтъ [стр. 64] былъ напечатанъ въ Современникѣ 1857, № 4; а помѣщенные на стр. 66 и 71 явились при письмахъ, но второе стихотвореніе [Птичка] печаталось въ Лит. Листкахъ 1823, № 2, и въ исправленномъ видѣ: въ изданіяхъ сочиненій Пушкина.

V. Къ Л. С. Пушкину [стр. 76]. Были напечатаны въ «Библіогр. Запискахъ» 1858, № 1, 2 и 4 и 1861 № 13, а до того появились въ небольшихъ отрывкахъ: въ «Матеріалахъ» г. Анненкова* и въ статьяхъ г. Гаевскаго — въ Современникѣ 1854, № 1 и 9 и въ Отеч. Запискахъ 1855, № 6. Всѣ эти письма, съ добавками по рукописямъ всѣхъ исключеній, сдѣланныхъ прежними изданіями, напечатаны въ Р. Старинѣ 1879 г. № 8 и 10, и 1880 г. № 1. Хронологическій порядокъ ихъ, неточно установленный Библ. Записками, поправленъ нынѣшнимъ изданіемъ.

Изъ стиховъ, сюда относящихся, впервые съ письмами были напечатаны помѣщенные на стр. 82, 114 и 118; находящіеся же на стр. 83 и 117 были даны «Матеріалами» г. Анненкова; на стр. 91 — Современникомъ 1856, № 7; на 103 — журналомъ «Время» 1863, № 2; на стр. 123 — Русскимъ Вѣстникомъ 1842 г. и Библіогр. Записками 1858, № 12 [с. 370], и на стр. 102 — напечат. въ Р. Архивѣ 1876 г., № 10. Считаемъ нужнымъ оговорить, что въ предыдущемъ изданіи два двустишія: «Семейственной любви» и пр. [стр. 121] мы напечатали ошибочно, по неточному тексту, такъ что разница съ нынѣшнимъ не составляетъ варіанта, а была простая ошибка.

VI. Къ Дельвигу [стр. 128]. Первое письмо съ стихами, явившимися въ печати въ первый разъ, было помѣщено въ Москвитянинѣ 1854, № 5, а пропуски этого текста пополнены Библ. Записками 1858 г., № 12. Третье письмо, безъ начала, было напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1826 г. и за тѣмъ перепечатано при 3-мъ изданіи «Бахчисарайскаго Фонтана» — безъ окончанія. Послѣднее возстановлено нами по Сѣв. Цвѣтамъ, а начало взято изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова. 6-е напечатано въ Р. Архивѣ 1874, № 2, с. 450; за тѣмъ 2, 4, 5, 7—9—въ Вѣстникѣ Европы 1881, № 1; а 10—13 въ полномъ видѣ являются въ первый разъ. Отрывки изъ всѣхъ этихъ писемъ печатались въ «Матеріалахъ» г. Анненкова и въ статьяхъ г. Гаевскаго — въ Современникѣ 1854, № 1 и 9, и въ Отеч. Запискахъ 1855, № 6, а также въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» [стр. 312—314].

---

* Страницъ «Матеріаловъ» не означаемъ, ибо при книгѣ есть указатель.

lib.pushkinskijdom.ru

VII. Къ В. П. Горчакову [стр. 145] — въ «Матеріалахъ» стр. 97, а стихи — въ Моск. Вѣдомостяхъ 1858, № 19. Они относятся къ балу у одного изъ кишиневскихъ богачей Е. К. Варѳоломея и написаны въ январѣ 1823 г. [см. Общезанимательный Вѣстникъ 1858, № 8].

VIII. Къ Н. И. Гречу [стр. 146]. Первое напеч. въ Р. Архивѣ 1869, № 3, и черезъ 7 лѣтъ, какъ новость, сообщено академикомъ Сухомлиновымъ въ «Древней и Новой Россіи» [1876, с. 97]; второе было назначено самимъ Пушкинымъ для печати и явилось въ Сынѣ Отечества 1824, № 18; третье напечатано въ Р. Старинѣ 1880, № 8, по автографу Публичной Библіотеки.

IX. Къ А. Н. Раевскому [стр. 149]. Напечатаны по черновымъ оригиналамъ г. Анненковымъ въ его книгѣ «Пушкинъ» [стр. 185, 204, 206], а 3-й набросокъ сообщенъ въ болѣе точномъ чтеніи г. Бартеневымъ въ Р. Архивѣ 1881, кн. 2. Письма по всей вѣроятности писаны если не къ А. Н., то къ Н. Н. Раевскому.

X. Къ Дегильи [стр. 154]. Въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» [стр. 192].

XI. Къ П. А. Катенину [стр. 155]. Къ «Матеріалахъ» г. Анненкова [стр. 58—61], съ пропусками. 3-е письмо дополнено по тексту, помѣщенному во «Всемірномъ Трудѣ» 1868, № 5, куда оно было сообщено П. А. Каратыгинымъ. Автографъ хранится нынѣ у П. Я. Дашкова. Замѣтимъ, что первое письмо у г. Анненкова неправильно отнесено къ 1821 г.

XIII. Къ Я. Н. Толстому [стр. 159]. Въ «Матеріалахъ», стр. 186, съ пропускомъ въ стихахъ, пополненнымъ уже въ VII томѣ, по указанію «Современника» 1857, № 4, с. 264. Литературное общество «Зеленая Лампа» собиралось у А. В. и Н. В. Всеволожскихъ въ Петербургѣ. Калмыкъ, упоминаемый въ послѣднемъ стихѣ, былъ мальчикъ-слуга Всеволожскихъ, обязанный «желать здравія» излишне-выпившимъ или сказавшимъ непристойность [Моск. Вѣд. 1855, № 142 и 183].

XIII. Къ А. А. Бестужеву [стр. 161]. Вполнѣ письма эти напечатаны въ Р. Старинѣ 1882, № 2; а до того были сообщены только въ отрывкахъ въ «Матеріалахъ» и въ статьяхъ г. Гаевскаго въ Современникѣ 1854, № 1 и 9, и Отеч. Запискахъ 1855, № 6. Два письма болѣе полно, но съ неточностями и сбивчиво, были сообщены въ Р. Словѣ 1861, № 2.

XIV. Къ К. Ѳ. Рылѣеву [стр. 168, 174, 178] — напечатаны были отрывочно въ «Матеріалахъ» и тѣхъ же статьяхъ г. Гаевскаго, а вполнѣ — въ Р. Старинѣ 1882, № 2. Заключительный отрывокъ, сообщенный въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» [стр. 249], составляетъ по всей вѣроятности черновой набросокъ письма къ Рылѣеву, оставшагося не дописаннымъ вслѣдствіе событій 14 декабря 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

XV. Къ неизвѣстному лицу [стр. 179]. Сообщено по черновому наброску въ Р. Архивѣ 1881, кн. I, равно какъ и слѣдующія три, и стихи: «Тѣснится средь толпы». Второй изъ набросковъ былъ прежде сообщенъ въ книгѣ г. Анненкова [стр. 192] съ замѣною: «M-me de T.» вмѣсто: M-me de Wor». Третій набросокъ [стр. 183] мы отнесли къ И. Н. Инзову, потому что только съ этимъ генераломъ Пушкинъ тогда имѣлъ денежные счеты [ср. Р. Архивъ 1863, № 12].

XIX. Къ Кривцову [стр. 184] Въ Р. Архивѣ 1864, № 10, по автографамъ, хранящимся у П. Н. Батюшкова. Тамъ сообщены и подробныя свѣдѣнія о Кривцовѣ.

XX. Къ А. А. Шишкову [стр. 185]. Въ «Матеріалахъ», стр. 165, съ пропусками, возстановленными нашимъ изданіемъ.

XXI. Къ Ѳ. В. Булгарину [стр. 186]. Въ «Матеріалахъ» стр. 86.

XXII. Къ неизвѣстному [стр. 187]. Въ Р. Старинѣ 1879, № 10. Напомнимъ, что въ своей перепискѣ Пушкинъ часто ссылается на это письмо, за которое поплатился новой ссылкою.

XXIII. Къ А. И. Казначееву [стр. 187]. Въ книгѣ г. Анненкова «Пушкинъ» [стр. 254 и 256]; а изъ стиховъ, приведенныхъ на стр. 189: эпиграмма была впервые напечатана въ предыдущемъ изданіи, экспромтъ же о саранчѣ появился въ Москвитянинѣ 1854, № 9, въ статьѣ г. Зеленецкаго.

XXIV. Къ неизвѣстному лицу [стр. 190]. Этотъ отрывокъ приведенъ въ книгѣ г. Анненкова, равно какъ и слѣдующее письмо, а за тѣмъ и двѣ отрывочныя строки къ Д. М. К. [«Пушкинъ», стр. 285, 269 и 244].

XXVII. Къ В. А. Жуковскому [стр. 192]. Напечатаны въ Р. Архивѣ: 1—3 въ 1872 г., № 12, стр. 2354—7; 4—9 въ 1870, № 6, с. 1169—1179; и 10, 11—въ томъ же году № 7, стр. 1371—2. Изъ этихъ писемъ 11-е было прежде того напечатано въ Библ. Запискахъ 1861, № 9; а для 1-го письма г. Анненковъ напечаталъ черновой набросокъ [«Пушкинъ», стр. 272—4].

Изъ приложеній, входящихъ въ составъ этого отдѣла «писемъ» напечатаны: письмо Адеркасу [стр. 194] — въ Р. Архивѣ 1872, № 12, с. 2359; проекты прошеній: императору Александру I [стр. 196 и 199] у г. Анненкова въ книгѣ «Пушкинъ», стр. 142, и въ Р. Архивѣ 1870, № 6, с. 1171; императору Николаю I [стр. 206] у г. Анненкова на стр. 315, и письмо Мойеру [стр. 201] — въ Р. Архивѣ 1870, № 6, с. 1172. Изъ стиховъ: «Послушай дѣдушка» [стр. 198] — въ Библ. Запискахъ 1858 г., «Дѣдушка игуменъ» [стр. 202] — въ Р. Вѣстникѣ, т. 84, въ статьѣ М. И. Семевскаго, и «Господинъ фонъ Адеркасъ» [стр. 202] — въ Р. Старинѣ 1880, № 1, с. 131.

lib.pushkinskijdom.ru

XXVIII. Къ П. А. Осиповой [стр. 208, 256]. Отрывки изъ этихъ писемъ сначала были помѣщены въ статьяхъ М. И. Семевскаго, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 172. Потомъ они въ полномъ объемѣ были напечатаны въ Р. Архивѣ 1867, № 1, с. 121—153, исключая помѣщеннаго на стр. 256. За тѣмъ только немногія изъ этихъ писемъ были перепечатаны въ Р. Старинѣ 1879—1880 г., въ статьяхъ о Пушкинѣ.

XXIX. Къ А. Н. Вульфу [стр. 237]. Въ Р. Архивѣ 1867, № 1, с. 154—160. Стихотвореніе же прежде того было напечатано г. Анненковымъ въ VII томѣ.

XXX. Къ А. Н. Вульфъ [стр. 243]. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1859, № 3, с. 119, а потомъ въ Р. Старинѣ 1879, № 10, с. 326. Изъ стиховъ, помѣщенныхъ на стр. 247: «Увы, напрасно дѣвѣ гордой» — въ Библ. Запискахъ 1861, № 19, а «Къ именинницѣ» — въ VII т. изданія г. Анненкова.

XXXI. Къ А. П. Кернъ [стр. 247]. Въ той же книгѣ «Библіотеки для Чтенія», а потомъ съ дополненіями и поправками въ Р. Старинѣ 1879, № 11, гдѣ были повторены изъ Б. д. Чтенія и письмо къ Осиповой [стр. 256] и стихи [стр. 266—7].

XXXII. Къ Рокотову [стр. 267] — по рукописи Геннади.

XXXIII. Къ Н. А. Полевому [стр. 268]. Первое — въ «Иллюстраціи» 1846, № 9, и оттуда сокращенно въ «Матеріалахъ» [стр. 184]; второе — въ Р. Старинѣ 1880, № 8, по автографу Публичной Библіотеки, а третье — было приложено въ литографированномъ снимкѣ къ Р. Вѣстнику Полеваго, 1842, № 2.

XXXIV. Къ Н. Н. Раевскому [стр. 269]. Въ «Матеріалахъ» и книгѣ «Пушкинъ» въ извлеченіяхъ, а вполнѣ напечатаны 1 и 3 письмо въ Вѣстникѣ Европы 1881 г., № 2.

XXXV. Къ В. К. Кюхельбекеру [стр. 280]. Въ Р. Архивѣ 1870, № 6, стр. 1801. Письмо это написано вѣроятно незадолго до 14 декабря 1825 г. и, повидимому, дошло до Петербурга послѣ этого дня, а потому не попало уже къ Кюхельбекеру, и сохранилось въ бумагахъ Жуковскаго вмѣстѣ съ письмомъ къ Плетневу [см. стр. 283], одновременно посланнымъ. Есть указанія, что Кюхельбекеръ и въ Сибири получалъ письма отъ Пушкина, но ни одно изъ нихъ пока неизвѣстно.

XXXVI. Къ П. А. Плетневу [стр. 282]. Въ выноскѣ мы говорили уже, что академикъ Яковъ К. Гротъ не далъ для нашего изданія 20 находящихся у него писемъ Пушкина къ Плетневу, какъ въ 1878 г. писемъ Жуковскаго, что̀ однако не помѣшало ему обратиться къ намъ съ просьбой о сообщеніи писемъ Плетнева. Получивъ бывшее у насъ единственное къ Гнѣдичу, г. Гротъ выразилъ сожалѣніе о своемъ отказѣ

lib.pushkinskijdom.ru

въ письмахъ Жуковскаго; а мы, пользуясь обмолвкой почтеннаго академика, попросили у него писемъ Пушкина, но вмѣсто ихъ получили извѣщеніе, «что письма эти составляютъ нераздѣльное цѣлое съ письмами Плетнева и должны войти въ печатающіяся сочиненія послѣдняго, что желаніе наше доведено было до свѣдѣнія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, но оно [кромѣ г. Грота тогда были: гг. Игнацій Ягичъ, А. Веселовскій, М. Сухомлиновъ и А. Бычковъ] не сочло себя въ правѣ отступить отъ программы печатанія сочиненій Плетнева.» По другимъ изданіямъ своимъ, напр. Кантемира, мы неоднократно обращались къ непремѣнному секретарю и къ нынѣ столь порицаемому составу «нѣмецкихъ» членовъ академіи, но никогда не получали отъ нихъ отказа, а, напротивъ, всегда находили полное содѣйствіе и по библіотекѣ и по архиву академіи, въ особенности же со стороны К. С. Веселовскаго и А. А. Куника.

Изъ напечатанныхъ нами писемъ и отрывковъ изъ писемъ къ Плетневу были помѣщены: 1-е и 17-е — въ Вѣстникѣ Европы 1881, № 2; 2-е — въ Р. Архивѣ 1870, № 6, с. 1182; 3-е, 7-е и 8-е — тоже № 7, с. 1366—70; 6, 13—16 — тоже 1869, № 12, с. 2068—9; 4-е — въ альманахѣ «Русская Правда» [Кіевъ 1860]; 5-е — въ В. Европы 1881, № 1, гдѣ неправильно было отнесено къ Дельвигу, и наконецъ 9—12 въ Современникѣ 1838, т. X, а затѣмъ перепечатаны въ «Матеріалахъ» г. Анненкова.

Присоединенное нами къ этой перепискѣ заявленіе Пушкина: «въ главный комитетъ цензуры» [стр. 292] явилось впервые въ Р. Старинѣ 1880, № 5. Здѣсь указывается причина пропусковъ въ «Анджело», которые остались невозстановленными и у г. Анненкова, имѣвшаго въ рукахъ рукопись «Анджело», нынѣ уже не находящуюся въ числѣ автографовъ Московскаго музея.

XXXVII. Къ Н. М. Языкову [стр. 293]. Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, стр. 173, 174 и 414. Время, въ которое написано первое письмо, указано нами по соображенію съ письмами поэта къ кн. Вяземскому.

По поводу упоминанія въ послѣднемъ письмѣ о «Стихѣ объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ», приводимъ кстати изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова [стр. 386] сдѣланную Пушкинымъ выписку изъ «Пролога», можетъ быть послужившую основой для стихотворенія «Странникъ» [т. III.]:

«Вложи [діаволъ] убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающи велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачъ о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами

lib.pushkinskijdom.ru

смущаше его, яко уже изнемощи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше яко скудель крѣпость его и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема».

Кромѣ того г. Анненковъ указываетъ, что Пушкинъ переложилъ на простой языкъ повѣствованіе Пролога о житіи преподобнаго Саввы Игумена, и переложеніе это сохранилось въ бумагахъ поэта, подъ заглавіемъ: «Декабря 3. Преставленіе Преподобнаго отца нашего Саввы, Игумена Святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожехъ, новаго Чудотворца. [Изъ Пролога].»

XXXVIII. Къ Н. С. Алексѣеву [стр. 296]. Въ «Матеріалахъ», стр. 173.

XXXIX. Къ С. А. Соболевскому [стр. 297]. Въ Р. Архивѣ 1878 г., № 11, гдѣ исправлено и неточное означеніе времени, когда написано четвертое письмо съ стихами [стр. 299], явившееся въ первый разъ въ Современникѣ 1857, № 5, и отнесенное тамъ къ 1826 году. Соболевскій много разсказывалъ о цѣлой массѣ хранившихся у него писемъ къ нему Пушкина и приводилъ изъ нихъ даже подробности, какъ напр. объ отношеніяхъ поэта къ А. П. Кернъ. Не сохранились ли они въ фоліантахъ переписки Соболевскаго, продававшихся послѣ его смерти за границею и купленныхъ гр. Шереметевымъ?

XL. Къ М. П. Погодину [стр. 301]. Въ Москвитянинѣ 1842, № 10, с. 456—469, а одиннадцать небольшихъ записокъ [стр. 306—307] были напечатаны въ сборникѣ Погодина же: «Утро», 1868 г. Отрывки писемъ были перепечатаны въ «Матеріалахъ» г. Анненкова.

XLI. Къ М. Н. Загоскину [стр. 314]. Первое письмо было напечатано въ «Біографіи Загоскина», составленной С. Аксаковымъ, помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1853 г., № 1, а второе въ Р. Архивѣ 1868, стр. 973.

XLII. Къ А. Н. Верстовскому [стр. 315]. Напечатано тоже въ Р. Архивѣ 1874, № 5, стр. 1376. Въ письмахъ Пушкина къ кн. Вяземскому упоминается и о другихъ письмахъ къ Верстовскому, но неизвѣстно — сохранились ли они.

XLIII. Къ П. В. Нащокину [стр. 316]. Отрывки первоначально были помѣщены въ «Москвитянинѣ» 1851 г., № 23, и оттуда, въ извлеченіяхъ, вошли въ «Матеріалы» г. Анненкова. Потомъ 25 писемъ вполнѣ, съ обстоятельными и подробными примѣчаніями П. И. Бартенева, были напечатаны въ его сборникѣ «XIX вѣкъ» кн. I [М. 1872], съ приложеніемъ писемъ самого Нащокина къ Пушкину. Наконецъ 26-е письмо, помѣщенное у насъ подъ № 21, было напечатано въ Р. Архивѣ 1869 г., № 6, стр. 1065, и черезъ 12 лѣтъ, какъ новость, было сообщено академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ въ Р. Старину [1880, № 8], какъ другимъ академикомъ, Сухомлиновымъ, письмо къ Гречу.

lib.pushkinskijdom.ru

Приведенная въ подстрочномъ примѣчаніи замѣтка Пушкина была сообщена въ томъ же нумерѣ Р. Архива, гдѣ напечатано и самое письмо.

XLIV. Къ Н. И. Хмѣльницкому [стр. 340]. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1855 г., № 6; а въ нынѣшнемъ изданіи по копіи съ автографа, хранящагося у г. Васильева.

XLV. Къ П. Я. Чаадаеву [стр. 341]. Въ Библіографическихъ Запискахъ 1861, № 1, гдѣ неправильно отнесено къ 1825 году. Въ нынѣшнемъ изданіи текстъ исправленъ и немного дополненъ по копіи съ автографа, сообщенной намъ Е. И. Якушкинымъ, получившимъ ее отъ С. П. Жихарева, племянника Чаадаева. О посылкѣ этого письма Чаадаеву Пушкинъ упоминаетъ въ письмахъ къ Нащокину, помѣщенныхъ у насъ подъ №№ 8 и 9 [стр. 322—323].

XLVI. Къ Н. М. Коншину [стр. 343]. Въ Р. Старинѣ 1880 г., № 8, по автографамъ, хранящимся въ Публичной Библіотекѣ.

XLVII. Къ М. Л. Яковлеву [стр. 344]. Въ Библіографическихъ Запискахъ 1861, № 10, с. 287—9 — три письма: 1, 6 и 7; второе въ Р. Старинѣ 1870, № 2; а «записки» — въ статьѣ В. П. Гаевскаго «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» въ Отечественныхъ Запискахъ 1861 г., № 11, гдѣ напечатаны и «протоколы», помѣщенные у насъ на стр. 348—350. Эти записки и протоколы [при томъ послѣдніе съ исключеніями], черезъ 14 лѣтъ, какъ новость, были сообщены академикомъ Я. К. Гротомъ въ Р. Архивѣ 1875 г., № 4 [ср. выше, примѣчанія къ стр. 146 и 316].

XLIX. Къ А. Ѳ. Воейкову [стр. 350]. Въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду 1831, № 79 и перепечатано въ «Матеріалахъ», на стр 164.

L. Къ Н. В. Гоголю [стр. 351]. Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858, № 3. Хронологія писемъ была опредѣлена невѣрно; мы ее исправили по письму Гоголя къ Пушкину и по времени изданія тѣхъ книгъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ запискахъ.

LI. Къ А. А. Орлову [стр. 353]. Въ газетѣ «Молва» 1881 г., № 156 [7 іюня]. М. М. Поповъ, служившій въ III отдѣленіи, замѣчаетъ въ своей статьѣ не безъ ироніи, что въ числѣ отобранныхъ по смерти Пушкина бумагъ хранились письма «даже такихъ писателей, какъ гр. Хвостовъ, Шаликовъ, Александръ Орловъ» [Р. Стар. 1874, № 8].

LII. Къ И. И. Дмитріеву [стр. 354]. Въ Р. Архивѣ 1866, № 11—12, куда были сообщены въ копіяхъ съ автографовъ М. А. Дмитріевымъ.

LIII. Къ Д. Н. Бантышу-Каменскому [стр. 358]. Въ Р. Старинѣ 1874 г., № 4. Кстати напомнимъ, что первая по времени біографія Пушкина была составлена Бантышъ-Каменскимъ и помѣщена въ его «Словарѣ».

lib.pushkinskijdom.ru

LIV. Къ б. М. А. Корфу [стр. 361]. Въ Р. Архивѣ 1872 г., № 1, 7—8, стр. 198 и 1601, безъ означенія времени и безъ фамиліи Бакунина. Это возстановлено по письмамъ самого Корфа, напечатаннымъ въ Р. Архивѣ 1881 г., т. I.

LV. Къ А. А. Ананьину. [стр. 362].—По автографу, хранящемуся у Е. И. Якушкина.

LVI. Къ А. А. Фуксъ [стр. 362]. Въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1844 г., №№ 2 и 6, по автографамъ, хранившимся у г-жи Фуксъ, а потомъ перепечатаны въ Москвитянинѣ 1854 г., № 5.

LVII. Къ кн. В. Ѳ. Одоевскому [стр. 365]. Напечатаны въ Р. Архивѣ 1864, № 7—8, стр. 819—824, гдѣ помѣщено также письмо Одоевскаго къ Пушкину и статья князя: «О нападеніяхъ Петербургскихъ журналистовъ на русскаго поэта Пушкина», написанная еще въ 1837 г., но съ того времени не появлявшаяся въ печати. Тамъ же находятся свѣдѣнія и переписка объ изданіи «Современника» по смерти поэта.

Эпиграмма на Дундукова-Корсакова, приведенная въ выноскѣ на стр. 368, была впервые напечатана въ предыдущемъ изданіи. Принадлежность ея Пушкину, неправильно заподозрѣнная, подтверждена А. А. Краевскимъ [Р. Старина 1880, № 9].

LVIII. Къ гр. Г. А. Строгонову [стр. 369]. Напечатано въ Р. Архивѣ 1866, № 11—12, стр. 1748, и отнесено редакторомъ къ 1831 г. съ указаніемъ, что оно дало поводъ къ стих. «Клеветникамъ Россіи.» Это оказалось однако неточнымъ, ибо въ «дневникѣ» Пушкина прямо указано время полученія письма гр. Строгонова, на которое отвѣчаетъ Пушкинъ, именно 11 апрѣля 1834 г.

LIX. Къ бѣдной вдовѣ [стр. 369]. Въ Современникѣ 1838 г., № 3, т. XI, въ статьѣ Грена. Не та ли эта особа, которая обращалась и къ Жуковскому [см. его соч. VI, стр. 548].

LX. Къ И. И. Лажечникову [стр. 370]. Сначала оба письма были напечатаны въ Р. Вѣстникѣ, въ статьѣ Лажечникова: «Знакомство мое съ Пушкинымъ», которая потомъ вошла въ VII томъ сочиненій Л—ва [Спб. 1858]. Тутъ разсказана между прочимъ исторія «съ театральнымъ маіоромъ», о которой Пушкинъ вспоминалъ въ письмѣ къ Катенину [выше, стр. 157].

LXI. Къ П. А. Клейнмихелю [стр. 371]. Въ Р. Вѣстникѣ т. 42, стр. 641, въ статьѣ Я. К. Грота: «Занятія Пушкина» [чѣмъ или какія?]. Этимъ письмомъ Пушкинъ отвѣчаетъ на требованіе Клейнмихеля: возвратить 12 книгъ документовъ, взятыхъ изъ военныхъ архивовъ для составленія предполагавшейся «Исторіи Суворова», вмѣсто которой явилась только «Исторія Пугачевскаго бунта».

Къ гр. А. И. Чернышову [стр. 407]. Упомянутые сейчасъ документы были даны Пушкину съ разрѣшенія тогдашняго военнаго министра, гр.

lib.pushkinskijdom.ru

А. И. Чернышова, еще въ февралѣ и мартѣ 1833 г., по просьбамъ, изъявленнымъ въ двухъ письмахъ, которыя мы пропустили напечатать въ своемъ мѣстѣ и внесли въ «дополненія» [стр. 407]; они сообщены въ той же статьѣ г. Грота и были перепечатаны нами въ VI т. предыдущаго и послѣдняго изданія. Кстати замѣтимъ, что г. Гротъ упоминаетъ еще о письмѣ Пушкина, но къ сожалѣнію не приводитъ: отъ 28 августа 1833 г., къ завѣдывавшему тогда Государственнымъ архивомъ В. А. Полѣнову [Р. Вѣстникъ, т. 42, стр. 642].

LXII. Къ кн. Н. Г. Репнину [стр. 372]. Въ Р. Архивѣ 1864, № 10, стр. 1081—1083, и вторично по подлинникамъ въ Р. Старинѣ 1880 г., № 6.

LXIII. Къ С. Н. Глинкѣ [стр. 374]. Напечатано по имѣющемуся у насъ подлиннику.

LXIV. Къ Альфонсу Жобару [стр. 374]. Въ Р. Старинѣ 1880, № 7, въ статьѣ В. В. Никольскаго, впервые сообщившаго этотъ эпизодъ изъ жизни Пушкина, принадлежавшій къ числу тѣхъ, которые имѣли роковое вліяніе на его судьбу и привели поэта къ безвременной погибели.

LXV. Къ Н. А. Дуровой [стр. 376]. По черновому оригиналу въ Р. Архивѣ 1862 г., стр. 199.

LXVI. Къ Д. В. Давыдову [стр. 376]. Также по черновому оригиналу и въ томъ же журналѣ 1880 г., кн. II, стр. 228.

LXVII. Къ кн. Н. Б. Голицыну [стр. 377]. Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858, № 16, стр. 497—8, а отрывокъ былъ напечатанъ въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, стр. 308. Въ нынѣшнемъ изданіи текстъ свѣренъ съ копіей, сообщенной г-ну Геннади кн. Николаемъ Николаевичемъ Голицынымъ, сыномъ того, къ кому писано письмо.

LXVIII. Къ Ѳ. А. Скобельцыну [стр. 378]. Приложено кн. П. П. Вяземскимъ, въ автографическомъ снимкѣ, при изданныхъ въ 1880 г. такимъ же способомъ письмахъ Пушкина къ князю Петру Андреевичу. Статья же князя Павла Петровича о Скобельцынѣ и его отношеніяхъ къ Пушкинскому кружку помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880, № 6.

LXIX. Къ А. О. Ишимовой [стр. 379]. Въ посмертномъ изданіи, въ т. VIII-мъ, и въ «Матеріалахъ», г. Анненкова. Второе письмо написано Пушкинымъ передъ самымъ выѣздомъ на мѣсто дуэли и представляетъ послѣднія строки, имъ начертанныя.

Письма къ роднымъ должны были слѣдовать, по плану нашего изданія, тотчасъ вслѣдъ за этими, но по независящимъ обстоятельствамъ домашняя, чисто-семейная переписка не могла быть внесена въ настоящее изданіе. Небольшія извлеченія, касающіяся литературныхъ вопросовъ, приведены нами въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», а за тѣмъ мы вынуждены ограничиться только указаніемъ на то, гдѣ семейная переписка была помѣщена.

lib.pushkinskijdom.ru

1) Въ Вѣстникѣ Европы 1878 г. № 1, стр. 7—36, и № 3, стр. 5—38, помѣщено 75 писемъ, полученныхъ И. С. Тургеневымъ отъ дочери поэта графини Н. А. Меренбергъ, бывшей въ первомъ бракѣ за генераломъ Дубельтомъ, сыномъ Леонтія Васильевича, такъ долго начальствовавшаго III Отдѣленіемъ собственной канцеляріи, во времена графовъ Бенкендорфа и Орлова. Всѣ письма, по указанію редакціи В. Европы, писаны на почтовой бумагѣ, по большей части въ четвертку, и на трехъ страницахъ, а четвертая служила обыкновенно конвертомъ и на ней надписывался адресъ. Они обнимаютъ время 1830—1836 г. Всѣ письма 1830 г. къ невѣстѣ, числомъ 12, за исключеніемъ только одного, писаны по французски и напечатаны въ переводѣ, пересмотрѣнномъ И. С. Тургеневымъ, а подлинники остались неизданными. За тѣмъ слѣдуетъ письмо къ тещѣ [26 іюня 1831 г.], писанное тоже по французски и напечатанное только въ переводѣ; а за тѣмъ письма къ женѣ [14—75] уже всѣ писаны по русски. Напечатаны они съ небольшими пропусками.

2) Въ Русскомъ Архивѣ 1881 г. кн. II, стр. 496—504, напечатаны письма Пушкина къ Гончаровымъ, по подлинникамъ, полученнымъ изъ Полотняннаго Завода отъ О. К. Гончаровой. Два письма адресованы къ будущей тещѣ [1 мая 1829 и другое 1830 г.], а семь писемъ — къ Аѳанасію Николаевичу Гончарову, дѣду Натальи Николаевны; изъ нихъ 5 написаны изъ Москвы и одно изъ Ц. Села въ 1830 г., а послѣднее писано тоже изъ Москвы 24 февраля 1831 г.

LXX. Къ А. Х. Бенкендорфу [стр. 379]. Двадцать писемъ въ полномъ составѣ, извлеченіи или въ изложеніи содержанія [№№ 2—7, 9, 12—15, 19—23, 27—29 и 32] были напечатаны въ Р. Старинѣ 1874, № 8, въ статьѣ М. М. Попова. Затѣмъ еще четыре письма были помѣщены въ этомъ же изданіи: № 1—1880 г. кн. 1, стр. 137, № 8—1874 г., кн. 2. стр. 92, въ статьѣ Ивановскаго, и №№ 30—31—въ 1880 г., кн. 5, стр. 98—99. Три письма №№ 24—26 были напечатаны въ Библіографическихъ Запискахъ 1861 г., № 9, стр. 257—260, а потомъ вновь перепечатаны, подъ заглавіемъ: «Еще новыя письма Пушкина»—въ Р. Архивѣ 1870 г., № 7, стр. 1373—6, и въ этомъ же изданіи помѣщены два письма №№ 10—11 въ 1864 г., кн. 2., стр. 192—5. — Послѣднее письмо, № 33, въ брошюрѣ Амосова: «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», стр. 43 [Спб. 1863].

LXXI. Къ б. Геккерну [стр. 402], а также и письмо къ д'Аршіаку [стр. 404] впервые напечатаны также въ названной выше брошюрѣ, на стр. 47 и 56. Письмо къ Геккерну Пушкинъ написалъ еще 21 ноября 1836 г. и хранилъ на «черный день». Первоначальная редакція, сохранившаяся только отчасти въ разорванныхъ клочкахъ, была еще оскорбительнѣе для Геккерна и Дантеса. При разборкѣ бумагъ по смерти Пушкина эти клочки найдены были въ его кабинетѣ, въ корзинѣ подъ сто-

lib.pushkinskijdom.ru

ломъ. Изъ нихъ составилось два экземпляра писемъ, которыя и напечатаны въ Р. Старинѣ 1880 г., № 7.

1.

[Письмо, къ которому не достаетъ многихъ лоскутовъ. Скобками означены вставки и зачеркнутыя мѣста, а точками—недостающіе куски]:

Monsieur le Baron

Avant tout permettez-moi de fa . . . . . .
de ce qui vient de se pa . . . . . .
La conduite de M-r v. . . . . .
connue et ne pouvait . . . . . .
[comme elle était restrein. . . . . .
convenances, et que d'ail . . . . . point. . . . . .
ma femme méritait ma confiance et y . . . . . .
pect, je me contentais du rôle d'observa . . . . . .
à intervenir lorsque je le jugerai à p . . . . . .
s'avoir bien qu'une belle figure, une p . . . . . .
malheureuse, une persévérance de deux. . . . . .
. . . . . toujours par produire un . . . . . .
. . . . . d'une jeune personne et qu'alors le . . . . . .
. . . . . moins qu'il ne fut un sot, deviendrait . . . . . .
. . . . . rellement le confident de sa femme et le . . . . . .
. . . . . e sa conduite. [Je vous avouerai que je n'étais . . . . . .
. . . . . s inquiétude]. Un incident, que dans tout . . . . . ment
m'eut été très desagréable, vint. . . . . .
. . . . . sement me tirer d'affaire. Je reçus des-
. . . . . ymes [en attendant]. Je vu que le moment etait venu
. . . . . etai. Vous savez le reste. Je fis jouer à . . . . . .
. . . . . si grotesque et si pitoyable. . . . . .
. . . . . de tout de plattitude, ne . . . . . .
. . . . . et que l'emotion que peut- . . . . . .
. . . . . pour cette grande et sublime . . . . . .
. . . . . s'éteignit [dans] le dégout le plus calme et . . . .
. . . . [le] mérite. Je suis obligé] Vous me permettrez d'obser- . . . .
. . . . . [v]ous Monsieur le Baron, quel [a été votre rôle] à . . . .
. . . . . .toute cette affaire [n'es] Vous le representant d' . . . .
. . . . . ronnée vous avez été [paternellent] le maquereau . . . .
. . . . de vorte [bâtard] ou soi disant bâtard; toute la conduite . . . .
de ce jeune homme a été dirigée par vous . . . . . .
c'est vous qui lui dictiez les pauvretés . . . . . .
débiter et les niaiseries qu'il s'est m. . . . . .
semblable à une obsène vieille vous al . . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

ma femme dans tous les coins pour lui pa . . . . . .
fils, et lorsque malade de vérole il etoit re . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
fils une conférance, ou. . . . . .
un coup quel'on croyoit. . . . . .
nyme fut composée par. . . . . .
je reçus trois exemplai[res]. . . . . .
l'on avoit distribuée . . . . . .
eté fabriquée avec si peu de précaution, ...
prémier coup d'oeil [je fus sur les trâc. . . . . .
teur]. Je ne m'en inquiétois plus, j'eto[is] . . . . . .
trouver mon [mes] drôle. Effecti[vement], c'. . . . . .
jours de récherches, je savois positi[vement], c'. . . . . .
. . . . . non, et quelque soit son
. . . . . pas assez vengé, ni par
. . . . . t M-r votre fils, ni par
. . . . . [e]ut l'air d'une bonne
. . . . . m'embarasse fort peu] ni
. . . . . par la lettre que j'ai l'honneur de vous é-
. . . . . .dont je garde la copie pour mon usage
. . . . . ir. Je veux que vous vous donniez le peine
. . . . . vous même les raisons qui seroient suffi-
. . . . . m'engager à ne pas vous cracher à la fi-
. . . . . [an]éantir jusqu'à la trâce de cette misérable

[Переводъ]. Господинъ баронъ. Прежде всего позвольте мнѣ сд[ѣлать]
. . . . . того что пр[оизошло] . . . . . .
Поведеніе вашего [сына] . . . . . .
извѣстно и не могло . . . . . .
какъ оно было сдержано . . . . . .
приличій, и что [впрочемъ] . . . . . отнюдь . .
моя жена заслуживала моего довѣрія и [уваженія] . . . . . .
я довольствовался ролью наблю[дателя] . . . . . .
вмѣшаться когда признаю къ [стати] . . . . . .
хорошо зналъ, что красивое лицо, [страсть] . . . . . .
несчастную, постоянство въ теченіе двухъ . . . . . .
. . . . всегда производятъ. . . . . .
. . . молодой особы и что тогда [мужъ] . . . . . .
. . если только онъ не дуракъ, сдѣлается [естественно] повѣреннымъ
своей жены и—ея поведеніе [признаюсь вамъ я былъ...— опасеній. Случай, который [во всякое другое время] былъ бы мнѣ очень непріятенъ [къ счастію] выпуталъ меня изъ затрудненія]. Я получилъ [безыменныя]

lib.pushkinskijdom.ru

письма. Я увидѣлъ, что минута наступила . . . . . .
. . . . . состоянія. Вы знаете остальное. Я заставилъ играть
[вашего] . . . . . шутовскую и жалкую, ...
. . . . . такой пошлостью, не . . . . . .
. . . . и что волненіе, которое [можетъ быть] . . . . . .
. . . . къ этой великой и возвышенной . . . . . .
. . . . угасло [въ] отвращеніи самомъ спокойномъ и . . . . . .
. . . заслуженномъ . . . . . .
. . . Вы, господинъ баронъ, какая была ваша роль . . . во . . . . .
всемъ этомъ дѣлѣ. Вы, представитель [коронованной особы], вы были
сводникомъ вашего [ублюдка], такъ называющагося ублюдка; все поведе-
ніе этого молодаго человѣка было направляемо . . . . . Вы диктовали
ему жалкія пошлости . . . . . глупыя краснобайства, кото-
рыя онъ. . . . . Подобно какой-нибудь старухѣ-безстыдницѣ
. . . . . .вы. . . . . .[искали] мою жену, по всѣмъ угламъ, чтобы [говори-
ть ей] . . . . . [о вашемъ] сынѣ, и когда онъ, больной любострастной
болѣзнью, былъ . . . . . .
. . . . сыномъ, разговоръ, или . . . . . .
ударъ, который, какъ полагали . . . . . .
[безыменное письмо] было сочинено . . . . . .
я получилъ три экземпляра. . . . . .
были розданы . . . . . .
смастерили съ такими ничтожными предосторожностями. . . . . .
съ перваго взгляда я напалъ на слѣдъ [сочинителя]. Я болѣе не безпо-
коился, я [былъ] . . . . . .
отыскать моего [моихъ] шутника [овъ]. Дѣйствительно . . . . . .
. . . дней розысковъ, я зналъ [положительно] . . . . . .
нѣтъ, и каково бы ни было. . . . . .
и вашего сына не достаточно отомщенъ ни . . . . . ни . . . . . .
видомъ добраго . . . . . .
[нимало меня не затрудняетъ] ни письмомъ, которое имѣю честь вамъ
[писать] . . . . копію съ котораго храню у себя наслучай надобности
. . . Я хочу, чтобы вы взяли на себя трудъ . . . . . .
вы сами причины, которыхъ будетъ [достаточно] чтобы заставить меня
не плюнуть вамъ въ [лицо] . . . . . .
уничтожить самый слѣдъ этого подлаго . . . . . .

2.

Monsieur le Baron. Avant tout permettez moi de faire le résumé de tout ce qui vient de se passer. La conduite se M-r votre fils m'était entièrement connue et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savais combien

lib.pushkinskijdom.ru

ma femme méritait ma confiance et mon . . . . . t, sauf . . . . . .
. . . . . sur . . . . . .
mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendrait tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'etais pas sans inquiètude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint, fort heureusement, me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment été venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que, peut être, avait elle ressenti pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégoût le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire? Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez été le [maquereau] . . . . . .
vous avez guétté [ma femme] . . . . . .
les coins pour lui parler de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui [par] des remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se mourrait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils. — Ce n'est pas tout.

[Vous voyez que j'en suis long; mais attendez ce n'est pas tout: je vous disais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous intéressent].

Le 2 de Novembre vous eûtes cru M-r votre fils à la suite d'une . . .
. . . . . [coup de plaisir. Il vous dit . . . . . .
té que ma femme cré] . . . . lettre anonyme . . . . . [elle en perdait la tête] . . . . frapper un coup décisif . . . . . .
. . . . composée par vous et . . . . . plaires [de la lettre ano[nyme]
. . 'on avait distribué] . . t été fabriquée avec . . . . . .
. . . . . sur. . . . . .
inquiètais plus. Effectivement, avant trois jours de recherches, je savais à quoi m'en tenir. Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer leurs projets; Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au bût de ma lettre: [Peut être désirez-vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la votre] . . . . . .

Je suis bon, ingénu, ...
mais mon coeur est sensible . . . . . Un duel ne me suffit plus . . . .
. . . . . et quelque soit son. . . . . .
. . . . . assez vengé ni par la . . . . . .
. . . . . lettre. . . . . .
qu'à la trace de cette misérable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.

lib.pushkinskijdom.ru

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron, Votre très humble et très obéissant serviteur A. Pouchkine.

[Переводъ]. Господинъ баронъ! Прежде всего позвольте мнѣ вкратцѣ изложить все происшедшее. Поведеніе вашего сына было мнѣ вполнѣ извѣстно и я не могъ относиться къ нему безучастно; но такъ какъ оно сдерживалось границами приличій и къ тому же я зналъ на сколько жена моя заслуживала моего довѣрія и моего . . . . . кромѣ . . . . . на . . . . . мужъ, если только онъ не дуракъ, становится, весьма естественно, повѣреннымъ своей жены и руководителемъ ея поступковъ. Признаюсь вамъ, что я тревожился. Случай, который во всякое другое время былъ бы мнѣ очень непріятенъ, весьма счастливо выпуталъ меня изъ затрудненія: я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что минута наступила и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно: я заставилъ вашего сына играть такую шутовскую и жалкую роль, чте жена моя, удивленная этою бездною пошлости, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, съ которымъ она, можетъ быть, относилась къ этой великой и возвышенной страсти, угасло въ отвращеніи самомъ спокойномъ и какъ нельзя болѣе заслуженномъ.

Но вы, господинъ баронъ, какая же была ваша роль во всемъ этомъ дѣлѣ? Вы, представитель вѣнчанной головы, вы были [сводникомъ вашего] . . . . вы подстерегали . . . . . углахъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ, а когда онъ, больной любострастною болѣзнью, лечился у себя дома, вы говорили — подлый вы человѣкъ! — что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: отдайте мнѣ моего сына.—Это еще не все.

[Вы видите, я распространяюсь но погодите, это еще не все; я говорилъ вамъ, что дѣло усложнилось. Возвратимся къ безыменнымъ письмамъ. Вы конечно догадываетесь, что они васъ интересуютъ].

2-го ноября вы полагали что сынъ вашъ, вслѣдствіе . . . . . [много] удовольствія. Онъ сказалъ вамъ . . . что моя жена . . . . . безыменное письмо . . [у нея отъ того голова шла кругомъ] . . . . нанести рѣшительный ударъ . . . . . сочиненное вами и [три экземпл]яра [безыменнаго письма] . . . . роздали . . . . . смастерили съ . . . . . на . . . . . безпокоился болѣе. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней въ розыскахъ, какъ я узналъ въ чемъ дѣло. Если дипломатія не что иное, какъ искусство знать о томъ, что дѣлается у другихъ, и разрушать ихъ замыслы, то вы отдадите мнѣ справедливость, сознаваясь, что сами потерпѣли пораженіе на всѣхъ пунктахъ.

Теперь я дошелъ до цѣли моего письма: [можетъ быть, вы желаете знать, что препятствовало мнѣ до сихъ поръ опозорить васъ въ глазахъ нашего двора и вашего....

Я добръ, простодушенъ . . . . . но сердце мое чувствит . . Дуэли мнѣ болѣе недостаточно . . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

. . . . . и каковъ бы ни былъ ея [исходъ] . . . . . достаточно отмщенъ на . . . . . письмо. . . . . самый слѣдъ этого гнуснаго дѣла, изъ котораго мнѣ легко будетъ написать главу въ моей исторіи рогоносцевъ.

Имѣю честь быть, г. баронъ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

—

Въ заключеніе приводимъ записку къ бывшему Московскому профессору и цензору И. М. Снегиреву, которую мы не помѣстили въ текстѣ, потому что не могли отыскать того, о чемъ въ ней говорится. Она напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880, № 6:

«М. г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. — А. Пушкинъ.»

[Помѣта Снегирева: «Пол. Апр. 9, 1829 г.»].

—

Сказки няни [стр. 409]. Напечатаны въ «приложеніи» къ 1 тому сочиненій Пушкина, изд. г. Анненкова.

Переписка о дуэли [стр. 415] взята нами изъ указанной выше брошюры Амосова: «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», Спб. 1863.

Послѣдніе дни жизни Пушкина по разсказамъ очевидцевъ [стр. 423]. Мы сочли не излишнимъ привести эти разсказы, исполненные крайняго интереса. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ при посмертномъ изданіи, а потомъ перепечатанъ при изданіи г. Анненкова, но не вполнѣ. Добавки взяты нами изъ Р. Архива 1864 г., № 1. Письмо кн. Вяземскаго — въ Р. Старинѣ 1875, № 9. Разсказъ домашняго доктора Пушкиныхъ И. Т. Спасскаго былъ напечатанъ въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., № 18, и разсказъ Вл. Ив. Даля — въ Медицинской Газетѣ 1860 г., № 49.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ VII-го ТОМА.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

СТРАН.

Адеркасу, Б. А. 1824 194
Алексѣеву, Н. С. 1826 296
Ананьину, А. А. 1833 362
Аршіаку, 1837 404
Бантышу-Каменскому, Д. Н. 1832—1835 [V] 358
Бенкендорфу, А. Х. 1826—1836 [XXXIII] 379
Бестужеву, А. А. 1822—1825 [IX] 161
Булгарину, Ѳ. В. 1824 186
Бѣдной вдовѣ 1835 369
Верстовскому, А. Н. 1830 315
Вигелю, Ф. Ф. 1823 180
Воейкову, А. Ѳ. 1831 350
Вульфу, А. Н. 1824—1829 [VII] 237
Вульфъ, А. Н. 1825 243
Вяземскому, кн. П. А. 1816—1836 [LI] 1
Геккерну 1837 402
Глинкѣ, С. Н. 1836 374
Гоголю, Н. В. 1831—1835 [IV] 351
Голицыну, кн. Н. Б. 1836 377
Горчакову, В. П. 1821—1823 [II] 145
Гнѣдичу, Н. И. 1820—1830 [IX] 63
Гречу, Н. И. 1821—1836 [III] 146
Давыдову, Д. В. 1836 376
Дегильи. 1821 154
Дельвигу, бар. А. А. 1821—1830 [XIII] 128
Дмитріеву, И. И. 1832—1836 [IV] 354
Дуровой, А. А. 1836 376
Жобару, Альфонсу. 1836 374
Жуковскому, В. А. 1824—1834 [XI] 192
Загоскину, М. Н. 1830—1834 [II] 314

lib.pushkinskijdom.ru

СТРАН.
Инзову, И. Н. [?]. 1823 183
Ишимовой, А. О. 1837 [II] 379
К., Д. М. 1824 192
Казначееву, А. И. 1824 [II] 187
Катенину, П. А. 1822—1826 [IV] 155
Кернъ, А. П. 1825 [VII] 247
Клейнмихелю, П. А. 1835 371
Коншину, Н. М. 1831—1836 [II] 343
Корфу, бар. М. А. 1833—1836 [II] 361
Кривцову, Н. И. 1823—1831 [II] 184
Кюхельбекеру, В. К. 1825 280
Лажечникову, И. И. 1835—1836 [II] 370
Мансурову, П. Б. 1819 62
Мойеру, И. Ф. 1825 201
Нащокину, П. В. 1830—1836 [XXVI] 316
Неизвѣстной дамѣ 1823 182
Тоже 1824 191
Тоже 1830 51
Неизвѣстному 1823 179
Тоже 1824 187
Тоже 1824 190
Одоевскому, кн. В. Ѳ. 1833—1836 [VII] 365
Орлову, А. А. 1831 353
Осиповой, П. А. 1825—1835 [XXI] 208, 256
Плетневу, П. А. 1825—1835 [XVII] 282
Погодину, М. П. 1826—1836 [XXVI] 301
Полевому, Н. А. 1825—1831 [III] 268
Пушкину, Л. С. 1820—1836 [XXXV] 76
Раевскому, А. Н. [?] 1821—1824 [III] 149
Раевскому, Н. Н. 1825—1829 [III] 269
Репнину, кн. Н. В. 1836 [II] 372
Рокотову 267
Рылѣеву, К. Ѳ. 1825 [III] 168, 174, 178
Семейная переписка. 467
Скобельцыну, Ѳ. А. 1836 378
Снегиреву, И. М. 1829 474
Соболевскому, С. А. 1826—1829 [V] 297
Строгонову, гр. Г. А. 1834 369
Толстому, Я. Н. 1822 159
Тургеневу, А. И. 1819—1824 [V] 58, 406
Тургеневу С. И. 1821 405
Фуксъ, А. А. 1833—1836 [IV] 362

lib.pushkinskijdom.ru

СТРАН.
Хмѣльницкому, Н. И. 1831 340
Чаадаеву, П. Я. 1831 341
Чернышову, гр. А. И. 1833 [II] 407
Шишкову, А. А. 1823 185
Языкову, Н. М. 1826—1836 [III] 293
Яковлеву, М. Л. 1831—1836 [VII] 344
Проекты прошеній императору Александру I 196, 199
» » императору Николаю I 206
Протоколы лицейскихъ годовщинъ 1828, 1836 348
Прошеніе въ цензуру 292
Надпись въ альбомъ вантрилоку 315
» калужскимъ купцамъ 333
Выписка изъ «Пролога» 463
Сказки, записанныя Пушкинымъ 409
Письмо А. И. Тургенева 457
Письмо С. Л. Пушкина 458
Переписка о дуэли 415
Послѣдніе дни Пушкина, по разсказамъ очевидцевъ:
Описаніе В. А. Жуковскаго 423
» Кн. П. А. Вяземскаго 440
» И. Т. Спасскаго 445
» В. И. Даля 449
Стихи въ письмахъ и примѣчаніяхъ:
1816. «Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ» [кн. Вяземскому] . . . 1
1818. На Кюхельбекера [За ужиномъ объѣлся я] 17
Пародія «Тлѣнности» Жуковскаго. 198
1819. Экспромтъ Гнѣдичу [Съ тобою въ споръ] 64
1820. Чаадаеву [Къ чему холодныя сомнѣнья] 133
«Сегодня я по утру дома» [Алексѣеву?] 296
1821. «Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ» 128
«Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный» 66
Изъ «Наполеона» 60
«Иной имѣлъ мою Аглаю» 82
«Клеветникъ безъ дарованья» . . . . . —
«Язвительный поэтъ» [кн. Вяземскому] 5
«Тѣснится средь толпы» [Кишиневъ] 181
1822. «Въ чужбинѣ свято наблюдаю» [Птичка] 71
«Горишь ли ты, лампада наша» [Я. Н. Толстому] 159
«Братъ милый, отрокомъ» 83
1823. Ѳ. Н. Глинкѣ [Когда средь оргій] 91
«Зима мнѣ рыхлою стѣною» [Горчакову] 145
Телега жизни 21

lib.pushkinskijdom.ru

СТРАН.

Изыде сѣятель 61
«Я вкругъ Стурдзы хожу» 9
«Проклятый городъ Кишиневъ» [Вигелю] 180
1824. «Полумилордъ, полукупецъ» 189
«Саранча летѣла» . . . . . —
«Здравствуй Вульфъ, пріятель мой» 237
Изъ второго посланія къ цензору. 24
«Напрасно ахнула Европа» [Наводненіе] 103
«Дѣдушка игуменъ. 202
1825. Пріятелямъ 22
«Нашъ другъ Глаголь» [Ѳ. Н. Глинка] . . . . . —
Къ именинницѣ [Хотя стишки и пр.] 247
Царь Никита [сказка] 114
«На это скажутъ мнѣ» 117
«Семейственной любви» [А. Н. В.] 121
Элегія на смерть Анны Львовны 27
Эпитафія духовнику ея . . . . . —
Живъ, живъ курилка! 118
«Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ» 123
«Недавно я стихами» 31
«Веселаго пути» [пародія Жуковскаго] 198
Экспромтъ. «Господинъ фонъ-Адеркасъ» 202
«Въ глуши, измучась» [кн. Вяземскому] 37
«Сатирикъ и поэтъ любовный» [Ему-же] 40
«Какъ широко» 240
«Брови царь нахмуря» 137
1826. «Такъ море, древній душегубецъ» [кн. Вяземскому] 44
«Прощай, отшельникъ бессарабскій» [Н. С. Алексѣеву] . . 296
1828. «Усердно помолившись Богу» 349
«Ты помнишь ли» . . . . . —
Соболевскому [У Гальони иль Кальони] 299
«За Netty сердцемъ я летаю» 242
Изъ альбома А. П. Кернъ и ея сестры 266
«Увы, напрасно дѣвѣ гордой» [А. Н. Вульфъ] 247
1829. «Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ» 102
1830. «Лиза въ городѣ жила» 53
1833. «Аскольдова могила» [на Загоскина] 314
«Какія нынѣ времена» [на Козодовлева] 315
1835. «Въ академіи наукъ» 368
1836. «Смирдинъ меня въ бѣду повергъ» 347

———

Библіографическія примѣчанія 456

lib.pushkinskijdom.ru